Жак Аттали

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

Мир в ближайшие 50 лет

Annotation

Каким будет наш мир через 25, 30 или 50 лет? Оставим ли мы своим детям и внукам мир, который не только пригоден для жизни, но и станет лучше? Будет ли реальным мир без острых конфликтов и одной лидирующей нации, которая указывает всем вокруг, что делать? Никогда еще мир нс давал столько обещаний на будущее и не находился на грани стольких опасностей, как сегодня. Жак Аттали, французский политический деятель, экономист и писатель, дает ответы не только на эти вопросы, но и проливает свет на многие захватывающие изменения, которые ждут человечество. Автор предчувствует трудности, грядущие в мировом обществе, с которыми предстоит бороться, ведь всемирное напряжение в XXI веке сконцентрируется вокруг борьбы за ресурсы и мировое господство. Эта книга обязательна к прочтению каждому, кто хоть раз задумывался о будущем!

Жак Аттали
Краткая история будущего

Увы! Не учат нас года,
Что Будущее — плут. Не стать
Нам тем, что помним, — никогда,
А кто мы — страшно нам узнать.

Джордж Гордон Байрон. Стансы для музыки

Предисловие

Сегодня решается, каким будет мир в 2050-м, а может, и в 2100 году. От наших действий зависит, как будут жить наши дети и внуки — в комфортных условиях обитания или в настоящем аду, ненавидя нас. Чтобы оставить им пригодный для жизни мир, нужно задуматься о будущем и понять, почему ход истории принимает тот или иной оборот, как на это реагировать. Нам это под силу. Ведь история подчиняется законам, понимая которые, можно предвидеть ее ход и управлять им.

Ситуация проста: нашим миром правят рыночные механизмы. Триумф индивидуализма, победное шествие денег и финансовый кризис, начавшийся в 2007 году, — вот причины недавних скачков в развитии истории.

Если в ближайшем будущем ситуация не изменится, деньги покончат со всем, что может помешать их торжеству, включая сами государства, которые они постепенно уничтожат. Это касается и США. Американское сверхмогущество сойдет на нет, а миром будут управлять несколько региональных правительств. Рынок станет единым законом для всех, породив неприкосновенную всемирную гиперимперию рыночных богатств и новых форм собственности, баснословных состояний и крайней бедности. Природа будет нещадно эксплуатироваться. Всё станет частным, включая армию, полицию и судебную власть. Человек превратится в артефакт для производства и продажи, а затем станет бесполезным и исчезнет.

Если человечество, отшатнувшись от такого будущего, прервет глобализацию силой, наступит варварская эпоха, и мир погрязнет в разрушительных войнах, а государства, религиозные объединения, террористические группировки и пираты, используя новейшее оружие, будут истреблять друг друга. Такой ход событий я называю гиперконфликтом. Эта война может положить конец человечеству.

Если, наконец, приостановить, но не прекратить глобализацию, ограничить, но не уничтожить власть рынка, если демократия воцарится везде на планете, но при этом будет обладать реальной силой, если ограничить имперскую власть над миром — тогда может

появиться новый свободный мир, в котором будут царствовать лояльность, ответственность и взаимное уважение. Такой мир я называю гипердемократией. В условиях гипердемократии появится единое мировое демократическое правительство и несколько региональных центров власти. Каждый человек с помощью новейших технологий сможет бесплатно пользоваться всеми богатствами, жить в достатке, справедливо распоряжаться рыночными благами, сохранять продовольственные излишки, беречь окружающий мир и оставить его пригодным для жизни следующих поколений. В конце концов, вобрав в себя всю мудрость мира и поколений, мы начнем жить по-новому и созидать вместе.

Можно предсказать историю ближайших 50 лет, разделив ее на пять этапов. К 2035 году закончится господство американской империи. Потом власть над миром будет распределена между 11 государствами и стихией. Наконец, одна за другой по земле прокатятся три мощные волны будущего — гиперимперии, гиперконфликта и гипердемократии. Две первые априори губительны, третья априори невозможна.

Безусловно, все пять периодов смешаются, и это уже происходит: они наслаиваются друг на друга. Я верю в победу гипердемократии к 2060 году. Это будет высшая форма организации человечества, конечное воплощение двигателя истории — свободы.

* * *

На страницах этой книги я попытаюсь обосновать и объяснить мой прогноз.

«Бесполезное занятие!» — скажут многие. Столько событий и людей могут повлиять на будущее! Более того, если конечной целью истории является обретение личностью свободы, финал непредсказуем. Об этом говорят реальные примеры. Если бы в 1799 году генерал Бонапарт не оказал такого влияния на своих современников, Французская революция закончилась бы учреждением парламентской республики на 100 лег раньше. Если бы в июне 1914 года террористу из Сараево что-то помешало осуществить его план, возможно, Первая мировая война не началась бы так быстро и, в

любом случае, шла бы иначе. Если бы в июне 1941 года Гитлер не вторгся в Советский Союз, вероятно, он, как и генерал Франко, мирно закончил бы свои дни в собственной постели, оставаясь главой государства. Если бы Япония в том же году атаковала Россию, а не США, Америка могла бы не вступить в войну; Франция, Италия и остальная Европа остались бы под гитлеровским гнетом, по меньшей мере, до конца 1970-х годов. Наконец, если бы в 1984 году скоропостижно не скончался генеральный секретарь Компартии Юрий Андропов и его преемником стал бы не Михаил Горбачев, а Григорий Романов, вероятно, Советский Союз существовал бы до сих пор. А если бы в 2006 году американские банки вели более осторожную финансовую политику, экономический кризис не наступил бы так быстро.

Конечно, глупо пытаться предугадать будущее. Все размышления на эту тему есть не что иное, как пустые разглагольствования в настоящем времени: начиная с истории первых цивилизаций, обсуждение будущего сводилось к предсказанию положения звезд на небе и нового урожая.

Для жрецов и авгуров жизнь на земле не представлялась возможной без сочетания дождя и солнца. Лучший мир виделся существующим только на небесах, в условиях стабильности и цикличности, а на земле все происходило, скорее, по воле богов, нежели являлось следствием поступков людей. Когда народы, населяющие средиземноморские территории, поняли, что инновации могут улучшить все стороны жизни — материальную, духовную, эстетическую, — они запустили технический прогресс. Описание будущего философами, артистами, юристами, учеными, экономистами, социологами, романистами, футурологами напоминало наивное продолжение истории их настоящего.

Например, в конце XVI века все предсказывали, что появление книгопечатания в Европе сыграет на руку имперской и церковной власти. В конце XVIII века большинство считало паровую машину ярмарочным аттракционом, не способным коренным образом изменить экономику сельского хозяйства. В конце XIX века электричество предполагали использовать только для освещения улиц. И несмотря на то что в начале XX века многие говорили о подводных лодках, самолетах, кино, радио, телевидении, никто, даже Жюль Верн, не мог

предположить, что все это изменит геополитическую ситуацию в мире, где доминировала Британская империя. И уж точно никто не мог предсказать упадок Европы и взлет коммунизма, фашизма, нацизма. Совершенно непредвиденно появились абстрактное искусство, джаз, атомное оружие и противозачаточные средства, В конце XX века многие считали, что ПК и Интернет не имеют будущего, уже не говоря об узаконивании гомосексуальных браков. Если взять совсем свежий пример, практически никто из аналитиков не предрекал возвращения ислама в сердцевину истории.

Даже сегодня большая часть прогнозов на будущее — всего лишь экстраполирование современных тенденций. Очень немногие отваживаются давать оригинальные прогнозы, заявлять об изменении направления, резких преобразованиях и трансформации парадигмы, особенно в отношении нравов и обычаев, культуры и идеологии. Еще меньше пишут о том, какие идеологические действия могли бы замедлить или остановить грядущие глобальные перемены.

В ближайшие полвека привычный образ жизни изменится кардинальным образом, причем в самых разных направлениях, многие из которых вряд ли возможно предсказать.

Наметив общие черты грядущих событий, рассмотрим их более подробно.

Все начнется с демографического потрясения. Если не произойдет крупных катастроф, к 2050 году численность населения Земли приблизится к отметке в 9,2 млрд, что на 3 млрд больше, чем сегодня. Продолжительность жизни в развитых странах приблизится к 100 годам, а показатель рождаемости застынет на пороговом уровне воспроизводства населения. Человечество будет стареть. Население Китая станет на 155,8 млн больше, чем сейчас, Индии — на 428,8 млн, Нигерии — на 104 млн, Бангладеш — на 65 млн, США — на 135 млн, Франции — на 6 млн, а Германии и России уменьшится — на 9 млн и 31 млн соответственно. Население планеты удвоится и на две трети будет жить в городах, вдвое вырастет количество потребляемой энергии и сельскохозяйственной продукции. Так же вдвое увеличится численность трудоспособного населения, и более двух третей детей появятся на свет в двадцати самых бедных странах мира.

Произойдут и другие перемены, которые можно предсказать с достаточно большой долей вероятности. На протяжении многих веков

история развивается в одном направлении. Никакому, даже самому длительному потрясению, не удавалось надолго изменить ее ход: из века в век человечество провозглашает приоритет индивидуальной свободы над другими ценностями. История не желает мириться с любой формой рабства; технический прогресс набирает обороты, позволяя прилагать минимум усилий и извлекать максимум выгоды; происходит либерализация нравов, политической системы, искусства и идеологии. История человечества начинается с признания индивидуума субъектом, наделенным правом мыслить и распоряжаться своей жизнью, свободным от принуждения, если речь не идет о соблюдении прав другого человека на такие же свободы.

В ходе эволюционных процессов, затрагивающих самых богатых, власть постоянно меняется и возникают новые властные структуры. Ради того, чтобы соблюсти предпочтение индивидуума обществу, была придумана такая система распределения предметов роскоши, чтобы меньшинство господствовало над большинством. На протяжении длительного времени доступ к ним имели только военачальники, священники и правители, стоявшие во главе королевств и империй. Затем новый, больший по численности и постоянно меняющийся класс правителей — торговцы — придумал два новых механизма распределения богатств: рынок и демократию. Возникнув более 30 веков назад, они постепенно вошли в употребление и с тех пор определяют настоящее и будущее основной части населения планеты.

Несмотря на растущее сопротивление, рынок на все более обширных территориях изменил сущность жизни людей, превратив еду, одежду, развлечения, жилье, транспорт, коммуникации, предоставляемые бесплатно, по доброй воле или по принуждению, в собственно рыночные и, в конце концов, промышленные товары массового производства, средства для обеспечения автономии индивидуума.

Свобода рынка затем породила свободу политическую — сначала для меньшинства, затем для большинства, заменяя религиозную и военную власть тоже на все более обширной территории. Так диктатура привела к рождению рынка, а впоследствии и демократии.

В начале XII века появляется рыночная демократия. Географический охват рыночных отношений расширяется: их центр сначала с Ближнего Востока перемещается к Средиземному морю,

затем — к Северному морю, Атлантическому океану и в настоящее время — к Тихому океану. Вот девять центров рыночной демократии в хронологической последовательности, начиная с XII века и по сегодняшний день: Брюгге, Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон, Бостон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес. Нынешние Китай и страны Ближнего Востока являются активными участниками этой рыночной системы.

Так же постепенно конкуренция привела к тому, что люди, обладавшие властью над рынками и демократией, доступ к которым должен был быть обеспечен всему населению, превратились в новые подвижные элиты хозяев капиталов и знаний. Возникло новое неравенство.

Если в течение ближайших 50 лет история будет идти тем же путем, рынок и демократия придут туда, где их пока нет; экономический рост усилится, а уровень жизни вырастет. В странах, где установлена диктатура, она исчезнет, но при этом нормой жизни станут безответственность и ненадежность. Вода и энергия станут дефицитом, климат ухудшится. Социальное неравенство обострится, и конфликты будут возникать еще чаще. Начнется массовая миграция населения.

К 2035 году — концу затяжного финансового и экономического кризиса и в самый разгар экологического кризиса — Соединенные Штаты, господствующее ныне имперское образование, потеряют лидирующие позиции в мире в результате глобализации рынков, прежде всего финансовых, и установлению господства страховых корпораций. Истощенные финансово и политически, как и все предыдущие империи, США тем не менее останутся одной из сильнейших стран мира. Это первый этап. Никто не заменит США в роли господствующей державы. Затем мир на некоторое время станет полицентрическим, и им будут управлять десять региональных правительств. Это второй этап будущего.

Затем, к 2050 году, рынок, по своей сути безграничный, поглотит демократию, институционально ограниченную определенной территорией. Государственные образования ослабеют. Нанотехнологии позволят снизить потребление энергии. Произойдут изменения в сфере здравоохранения, образования, безопасности, суверенитета. Появятся новые средства наблюдения за человеком — для измерения

собственных показателей здоровья и контроля над их отклонением от нормы. Каждый будет сам себе доктор, преподаватель и контролер. Экономика станет разумнее расходовать воду и энергию. Самоконтроль превратится в высшую форму свободы, а страх несоответствия нормам будет ее ограничивать. Прозрачность и открытость информации станет обязательной: люди, скрывающие свое происхождение, социальное положение, состояние здоровья или уровень образования, априори будут вызывать подозрение. Продолжительность жизни увеличится, власть сосредоточится в руках пожилых людей, которые предпочтут жить в долг. Государства ослабеют перед лицом корпораций и городов. Гиперкочевники будут управлять гиперимперией — открытой империей без четких границ и определенного центра. Это третий этап.

Люди перестанут доверять друг другу. Корпорации не будет интересовать национальность. Бедные выйдут на рынок наряду с представителями других слоев населения. Законы заменят на контракты, судебную систему — на арбитраж, полицию — на наемников. Возникнут новые порядки. Представления и спортивные состязания станут частью индустрии развлечений и будут транслироваться для жителей, практически не выходящих из дома. Остальные — инфракочевники, представители беднейших слоев населения — будут скитаться на задворках в поисках пропитания. Управление миром перейдет в руки страховых компаний, устанавливающих свои законы, которым должны будут подчиняться государства, корпорации и люди. Соблюдение этих законов будут контролировать частные силовые структуры. Ресурсы истощатся, и появится много роботов. Время, включая самые интимные часы жизни, будет целиком подчинено целям рынка. В один прекрасный день каждый сможет заниматься самолечением, изготавливать себе протезы для разных частей тела, а затем и клонироваться. Человек превратится в артефакт, потребляющий артефакты, каннибала, пожирающего себе подобных, жертву диких племен.

Задолго до упадка американской империи и ухудшения климатических условий начнется невероятное количество войн из-за передела территорий: правительства, пираты, наемники, преступники, религиозные движения соберут армии, изобретут новые средства для наблюдения, устрашения и нападения, используя последние

достижения электроники, генетики и нанотехнологий. В условиях гиперимперии все будут соперниками. Люди станут бороться за нефть и воду, за право занять или покинуть территорию, навязать свою веру или законы, подчинить других, уничтожить западные страны. В мире воцарится военная диктатура, сочетающая черты армии и полиции. Разгорится жесточайший гиперконфликт, который, возможно, положит конец человечеству.

Однако вполне вероятно то, что к 2060 году, до того момента, когда человечество должно будет сгинуть под градом бомб, а американская империя, гиперимперия и гиперконфликт исчерпают себя, новые альтруистические и универсалистские силы возьмут в свои руки власть над миром, находящимся в экологическом, этическом, экономическом, культурном и политическом кризисе. Эти силы восстанут против слежки, действующих правил и эгоизма. Постепенно на планете установится равновесие между рынком и демократией — гипердемократия. Новые мировые силы с помощью передовых технологий организуют общественную жизнь, ограничат потребление товаров, искажения естественной жизни и расточение природных ресурсов. В обществе воцарятся альтруизм и взаимная ответственность, люди получат доступ к знаниям. Станет возможным рождение универсального разума, который сможет соединить все созидательные способности человечества и превзойти их. Сложится новый тип экономики — «отношенческий», в условиях которого товары и услуги производятся без расчета на выгоду. Поначалу данная экономика будет конкурировать с рынком, а затем уничтожит его так же, как он несколько веков назад уничтожил феодализм.

Рынок и демократия станут расплывчатыми понятиями из прошлого, отжившими свое явлениями, которые людям будущего станет так же трудно понять, как нам каннибализм и человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся в далекие времена.

* * *

Все вышесказанное может показаться карикатурой, преувеличением и своеволием, но цель этой книги — убедить вас, что это не так. И дело не в том, что я хочу видеть такое будущее. Данная

книга написана для того, чтобы наше будущее не стало похоже на то, чего я так опасаюсь, и чтобы мы уже сегодня задумались об альтернативах.

Я продолжу рассуждать на темы, затронутые в предыдущих эссе и романах. Задолго до того, как об этом стали говорить, я писал о геополитическом смещении мирового центра в сторону Тихого океана и финансовой нестабильности капитализма, ухудшении климата и образовании «финансовых пузырей», уязвимости коммунистической системы и угрозах терроризма, появлении современного кочевничества, наступлении эры мобильных телефонов, ПК и Интернета, возникновении бесплатных услуг и товаров, а также об индивидуальном подходе и, конечно, о важной роли искусства, особенно музыки, в нашем мире. Самые внимательные читатели наверняка заметят изменения в ходе моих размышлений; над многими вопросами я думаю всю жизнь, готовые мысли не падают на меня с небес.

Как любая книга предсказаний, прогнозов или размышлений о настоящем, это книга политическая. Я очень надеюсь, что она пригодится людям, когда начнут происходить кардинальные изменения во Франции и по всему миру.

Глава 1. Очень долгая история

Чтобы понять, каким может быть наше будущее, нужно бросить взгляд на основные черты былого. Тогда мы осознаем, что существует некая структура истории со своими константами, отталкиваясь от которой, можно предвидеть события грядущих десятилетий.

В давние времена людей объединяли общие материальные ценности, язык, территория, философия и правители. На протяжении всей истории бок о бок существовали три власти: религиозная, которая определяла время для молитв и сельскохозяйственных работ, а также доступ к загробной жизни; военная, отвечавшая за организацию охоты, обороны и ведение войны; рыночная, которая занималась производством, финансированием и коммерциализацией плодов человеческого труда. Каждая из этих трех сил подчиняла себе время с помощью инструментов для его измерения: астрономическими обсерваториями, песочными часами и таймером.

Во всех космогониях существуют три главных божества, которые стоят выше остальных. У римлян это Юпитер, Марс и Квирин — бог богов, бог войны и бог денег. На земле правят обычные люди, и в их мире есть одна особенная власть — власть женщины, дающей жизнь и хранящей знания. Возможно, когда-нибудь она займет достойное место среди других видов власти.

Каждая из трех властей — религиозная, военная, рыночная — по очереди контролировали распределение богатств.

Всю историю человечества можно представить как последовательность трех видов политического строя: ритуальный строй, в котором власть носит сущностно религиозный характер; имперский строй, где власть осуществляется за счет военной мощи; рыночный строй, при котором власть принадлежит группе лиц, контролирующих экономику. Заветная цель каждого строя — религия, территория и индивидуализм соответственно.

Общественную устойчивость в условиях того или иного уклада обеспечивает правящая группа. Общество живет стабильно на протяжении всего периода, в течение которого она контролирует распределение материальных благ. В ритуальном строе все основано

на жертвоприношениях, в имперском — на строительстве памятников, а при рыночном укладе средства инвестируются в производство. Приоритетной задачей любого правителя является обеспечение защиты собственного могущества, которому угрожают войны, природные катаклизмы, внешние воздействия и соперники. Правящая группа старается за счет достижений технического прогресса, интенсивной эксплуатации бедных слоев населения или расширения территориальных границ удержать власть в своих руках. Если она терпит неудачу, ей на смену приходит другая правящая группа.

Когда законность старой власти ставится под сомнение, устанавливается новый порядок с новым распределением правящих сил, новыми ценностями и методами распределения избыточного продукта, а также соотношением геополитических сил; хозяин превращается в раба, солдат заменяет священника, торговец — солдата.

Естественно, эти изменения происходят не скачкообразно, а постепенно. Шаг за шагом ветви власти то сосуществуют, то попеременно занимают главенствующие позиции или отходят на второй план.

Перед вами история трех общественных систем, начиная с античных времен, от их рождения до упадка. Зная действующие закономерности, на основе фактов, которые, на первый взгляд, кажутся незначительными, можно вывести законы истории. И уже их использовать для составления прогнозов на будущее.

Кочевничество, каннибализм и сексуальность

Чтобы вывести законы истории, нужно абстрагироваться от того, что мы знаем о человечестве. Это позволит понять простую вещь: людьми всегда движет одна и та же сила — стремление к постепенному освобождению от любых ограничений.

3,8 млрд лет назад зародилась жизнь в океане, а 350 млн лет назад — на суше. Благодаря последним открытиям известно, что 7 млн лет назад два первых примата (Тумай в Чаде и Орророин в Кении) из-за засухи спустились с деревьев и встали на обе ноги. Еще через 2 млн лет деревья покинули австралопитеки, населявшие Восточную и Южную Африку. А спустя следующие 3 млн лет на этой территории уже жили их потомки — человек умелый (лат. Homo habilis) и человек рудольфский (лат. Homo rudolfensis), появившиеся в процессе эволюции, которые ходили прямее и обладали более крупным мозгом. Собиратели, хищники и падальщики, они научились обрабатывать камни, чтобы использовать их в качестве орудий труда, и пересекли африканский континент.

В итоге выживают приматы, лучше приспособленные к активным передвижениям, развиваются не затрудняющие перемещения охота и собирательство.

1,5 млн лет назад на территории Восточной Африки наряду с населявшими ее приматами появился человек работающий (лат. Homo ergaster), готовый к передвижениям на большие расстояния. Еще немного сутулый, этот ископаемый человек, тем не менее, идеально приспособлен для активного движения: он почти лишен волосяного покрова и может бегать. И, кроме того, уже обладает задатками речи.

Миллион лет назад в результате эволюции выделяется другой вид приматов — потомок человека работающего, человек прямоходящий (лат. Homo erectus). Он покидает восточную часть африканского континента и в течение нескольких десятков тысячелетий заселяет остальную территорию Африки, Европу, Центральную Азию, Индию, Индонезию и Китай. Через 100 тысяч лет в Африке появляются два новых вида приматов: человек разумный (лат. Homo sapiens) и, немного позднее, гейдельбергский человек (лат. Homo heidelbergensis),

также ведущие кочевой образ жизни и еще лучше приспособленные к переходам. Они держатся совсем прямо, их мозг увеличился, социальная организация намного сложнее, а речь более развита. В качестве единственного орудия труда они по-прежнему используют каменные рубила. Эти приматы полностью зависят от природы — дождя, ветра, грозы, — в которых видят проявление высших сил. Они не хоронят мертвых, их жилища достаточно основательны, а орудия труда имеют более сложную конструкцию. Названные виды приматов соседствовали и смешивались, передавали накопленные знания от поколения к поколению, что кардинально отличает их от других представителей царства животных.

Урок на будущее

Преемственность — это одно из условий прогресса.

Примерно 700 тысяч лет назад как в Китае, так и в Африке Homo sapiens овладевает огнем и начинает готовить на нем пищу, благодаря чему его мозг получает больше питательных веществ и начинает развиваться. Человек разумный понимает, что может использовать природные силы в своих интересах. Это переломный момент. Кроме того, он изобретает первую обувь, шьет первую одежду и передвигается в Европу, на холодный континент, покрытый лесами.

Потомки Homo sapiens имеют множество подвидов. Один из них — неандерталец (лат. Homo neanderthalensis), который около 300 тысяч лет назад заселил земли Африки, Европы и Азии. Его представители начинают строить укрепленные хижины и хоронить мертвых сородичей. Изолированные снегами и льдами Альпийских и Балканских гор в Европе, неандертальцы сосуществовали с другими приматами, не смешиваясь с ними и не вытесняя их.

Примерно в это же время, 300 тысяч лет назад, появляется каннибализм, причем не в качестве акта насилия, а как ритуал, в ходе которого силы умершего человека переходят к живому. Это явление встречается до сих пор. Homo sapiens осознает, что зачатие происходит вследствие полового акта, в котором должны участвовать оба партнера, гендерные различия становится более явными. Мужчины могут жить в одном племени. Женщины, наоборот, вероятно, чтобы избежать кровосмешения, которое ослабит племя, покидают его, достигнув

половозрелого возраста, или просто уходят жить к границам территории племени. Половое влечение и потребность в биологическом размножении становятся двумя разными понятиями — это важный момент для истории.

160 тысяч лет назад в Африке зарождается еще один подвид Homo sapiens — человек современного биологического вида (по анатомическим и интеллектуальным характеристикам) — человек современный (лат. Homo sapiens sapiens). По сравнению с другими видами приматов он обладает высокоразвитым мозгом. Представители этого подвида живут большими племенами, в которых женщины занимаются воспитанием детей. Эти люди считают живым всё, что их окружает, — и вещи, и природу, хоронят своих сородичей, однако каннибализм еще присутствует. Средняя продолжительность жизни не превышает 25 лет.

Племена продвигаются на Ближний Восток и в Европу. Они не делают запасов, не хранят вещи, у них есть лишь то, что они могут взять с собой: огонь, орудия труда, оружие, одежда, знания, язык, обычаи и история. Возникают первые рынки, на которых люди обмениваются вещами, женщинами и пленниками. Именно в этот момент зарождается рабство.

85 тысяч лет назад наступает всемирное похолодание. Homo sapiens sapiens сооружает более прочные жилища, где остается на сравнительно долгое время. Он меньше кочует и живет рядом с другими видами приматов. Группы приматов воюют между собой за стоянки, женщин и места для охоты. Все стычки проходят по одному сценарию, который можно восстановить по найденным следам: запугать, внезапно атаковать, оборвать вражеские линии коммуникации и сделать все это быстро, чтобы враг не успел опомниться. Нередко они предают своих союзников, инсценируют побег, наносят удары в спину. Каннибализм все еще присутствует: его цель — обрести силу предков и договориться со смертью. Питаться самой жизнью, чтобы не умереть, — хороший урок для современности.

45 тысяч лет назад приматы начинают зимовать в пещерах, а летом жить в хижинах. Они изготавливают много разных орудий труда. Между членами племени существует разделение труда. Так, те,

кто не занят добыванием пропитания, становятся, условно говоря, «безработными».

Примерно 40 тысяч лет назад происходит глобальное потепление. Приматы, как и другие животные, выходят из укрытий и снова начинают мигрировать по континентам. Homo sapiens sapiens распространяется по Европе, Азии и даже Австралии, где, возможно, когда-то жили другие виды приматов, совершившие немыслимое морское путешествие. Он достигает обеих Америк по суше, пересекая Берингов пролив. В Европе Homo sapiens sapiens, которого сегодня называют кроманьонцем, встречается с господствовавшим на этой территории неандертальцем, появившимся на 25 тысяч лет раньше. Эти виды приматов сосуществуют в Европе на протяжении 10 тысяч лет, кочуя с одной стоянки на другую и покидая их только в случаях крайней необходимости.

Точно неизвестно почему, но 30 тысяч лет назад внезапно исчезли все виды приматов, включая неандертальца. Остался только Homo sapiens sapiens.

С тех пор это единственный вид людей, населяющий планету наряду с 10 млн других видов живых организмов. Однако в отличие от них человек обладает способностью передавать знания из поколения в поколение. История человечества начинается. Все, чему человек научился за 2 млн лет, превратило его в нас, какие мы есть сегодняшние и можем стать в будущем.

Ритуалы и переход на оседлый образ жизни

30 тысяч лет назад люди начали задумываться о потустороннем мире, о том, куда уходят предки. Тогда и появляется идея о высшей силе — о едином Боге. Каннибализм превращается в жертвоприношение — это соединение с Богом через поедание плоти того, кого Богу отдают. В то же время появляется понятие собственности, развивается язык, усложняется процесс разделения труда: одни строят жилища, другие шьют одежду или обтесывают камни, третьи изготавливают орудия труда и оружие, охотятся, молятся, ухаживают за больными. Женщины подчиняются мужчинам, сыновья и братья несут ответственность за матерей и сестер. Вводятся запреты, чтобы ограничить насилие. Члены одного племени помогают друг другу, вместе работают, воспитывают детей, готовят пищу. Однако они больше не могут ни охотиться, ни собирать, ни потреблять некоторых животных и растения, являющиеся тотемными, ни, главное, — иметь половые связи друг с другом: инцест был запрещен, а женщины могли оставаться в группе.

Урок на будущее
Священное принимает эстафету у табу.

Продолжительность жизни увеличивается до 30 лет. У людей появляется время на передачу своих знаний и умений потомкам. Они все больше перестают походить на других представителей мира животных.

Постепенно человек познает идею многообразия Бога в соответствии с его проявлениями в природе: огонь, ветер, земля, дождь. Складывается политеизм — религиозное мировоззрение, родившееся из первобытного монотеизма. Священное помогает сформироваться понятию «политика». Устанавливается ритуальный порядок. Человек думает о том, как проводить усопших в мир мертвых: какие сооружать могилы и надгробия и какими церемониями, дарами, жертвоприношениями достичь Бога и защитить живых.

Вождь группы или племени — он же жрец и знахарь — ограничивает насилие, определяя место каждого в культе.

Он устанавливает запреты, отвечает за календарь, охоту и применение силы. Назначаются «козлы отпущения», которые служат посредниками с загробным миром. К ним можно обратиться, спев песню или сыграв на флейте. Лабиринты стали первыми метафорическими изображениями сакральных путешествий.

Люди все еще считают вещи живыми. Они начинают ими обмениваться, как ранее обменивались рабами, женщинами и пленниками, возникает бартер. Практически везде на планете меновая торговля, как и обмен пленными, становится источником насилия, если ею не управлять должным образом. Часто в процессе обмена его участникам запрещено говорить.

Урок на будущее

Слово может оказаться смертельным оружием, а рынок опасным, если его не регулировать.

20 тысяч лет назад самые развитые приматы, ведущие кочевой образ жизни, поселяются на Ближнем Востоке в теплых климатических условиях. Там они нашли изобилие в его природном воплощении: огромное количество продовольствия (лен, пшеница, ячмень, горох, чечевица) и годных для поимки и разведения животных (собаки, бараны, свиньи, быки, лошади). Некоторые племена переходят на оседлый образ жизни, оставаясь на одном месте на протяжении долгого периода времени и возводя первые каменные дома. Божества-покровители путешествий отходят на второй план. А на первый выходит поклонение солнцу. Так спустя 150 тысяч лет после своего появления люди переходят к оседлому образу жизни. Культ земли ослабевает: боги становятся одновременно повелителями земли и небес.

15 тысяч лет назад кочевые племена из Месопотамии уже роют колодцы, пасут стада диких животных, пока не одомашненных, следят за их приплодом и бережно относятся к природе, данной богами.

В период между 12-м и 9-м тысячелетиями на Ближнем Востоке люди строят жилища, сначала представлявшие собой круглую яму, затем — четырехугольные строения из дерева или кирпича.

10 тысяч лет назад человек изобретает два революционных орудия для охоты на самую быструю дичь, позволяющих увеличить его физическую силу: планку для усиления толкания копья или гарпуна (первый рычаг) и лук (первая силовая установка). В этот период в Месопотамии деятельность людей становится осознанной, они способны предвидеть последствия своих поступков: осушают земли, одомашнивают животных, засеивают поля, делают запасы. При этом продолжительность жизни увеличивается, и у людей появляется больше времени на обучение молодежи. Представления о мире усложняются. Земля и все, что с ней связано (земледелие, полеводство, растениеводство), занимают в космогонии древних главное место. Боги — покровители путешествий — уходят на второй план.

10 тысяч лет назад предпринимаются первые попытки культивирования злаков. На тысячу лет позже, 9 тысяч лет назад, жители Месопотамии начинают скрещивать животных, чтобы получать виды, которые им нужны. Человек становится пастухом. В это же время в Китае развивается другой тип экономического хозяйства, основанный на просе, свиньях, собаках и курах.

Оседлость пришла от охотников, сельское хозяйство — плод труда кочевников, скотоводство — деятельность крестьян. 7 тысяч лет назад на Ближнем Востоке появляются большие поселения, насчитывающие несколько тысяч обитателей. В Месопотамии и Азии, где население уже перешло на оседлый образ жизни, прогресс развивается стремительными темпами. В Центральной Азии племена (сегодня мы называем их монголами, индоевропейцами и тюрками) одомашнивают лошадь, оленя и верблюда. Они изобретают колесо, совершая переворот в наземном передвижении и ведении войны, отправляются завоевывать плодородные земли Месопотамии, Индии и Китая.

Поселения окружают защитными стенами, дома и крепостные стены строят из камня. Правители начинают собирать налоги с людей, чтобы снарядить армию. Зарождаются первые государства, по своей природе оседлые и противостоящие кочевникам. Теперь люди путешествуют и преодолевают огромные расстояния, чтобы продать собственную продукцию или защитить свои поселения от нападений. Они начинают добывать медь и изготавливают из нее наконечники для стрел, а затем, сплавив ее с оловом, получают бронзу.

Урок на будущее

Противостояние кочевых и оседлых народов делает людей сильными и свободными.

5 тысяч лет назад в Китае под властью одного человека объединяются все более обширные пространства. Здесь зарождается искусство керамики и управления, возникают зачатки письменности. На севере в культуре Яншао развивается сельское хозяйство, основанное на культивировании проса, а на юге, в прибрежных провинциях Цзянсу и Чжэцзян, люди возделывают рис, пришедший к ним с тихоокеанских островов.

С появлением письменности передавать знания становится легче. Из небытия праистории возникает история, записанная в хрониках, и вместе с ней — царские законы. Формируются основы бухгалтерского и финансового учета. И наконец, возникают первые империи.

Время империй

Шесть тысяч лет назад поселения и племена, занимающие большие территории, начинают объединяться в царства. Сакральное отступает перед силой, жрец — перед воином. Люди обязаны нести трудовую повинность, главная цель — собрать как можно больший урожай. Вещи теряют индивидуальность, превращаясь в артефакты, которыми можно просто обмениваться. Порабощение большинства — непременное условие для свободы меньшинства. Правитель царства — это и государь, и военачальник, и жрец, и повелитель времени и силы, Человекобог. Он единственный может быть захоронен в именной могиле, других предают земле без каких-либо отличий. С появлением правителя возникает понятие личности, с появлением власти и диктатуры человек начинает мечтать о свободе.

Империя образуется, когда правитель начинает контролировать продуктовые излишки. Это позволяет ему защищаться и нападать на других, Если ресурсов для контроля стратегических путей недостаточно, он теряет власть.

В 2697 году до н. э. на севере Китая Хуан-ди (Желтый император) стал первым, чье имя сохранилось в истории. В это же время южнее, в Шаньдуне, складывается культура Луншань. Поселения, окруженные глинобитным валом, объединяются в княжества, в числе которых княжество Сиань. Население разводит крупный рогатый скот и баранов, выращивает пшеницу и ячмень. Однако на всей территории царит хаос и данный этап развития называют периодом десяти тысяч царств.

В это же время в Египте первый западный правитель, оставивший свой след в истории, — Менес — объединяет царства Верхнего и Нижнего Египта и приказывает строить памятники в свою честь. Индоевропейцы и тюрки образуют цивилизации в Северной Индии и Месопотамии; тюрки и монголы возводят города-государства в Месопотамии (Ур, Шумер, Ниневия, Вавилон). Изобретение клинописи позволяет им оставить сведения об одной из первых космогоний — Эпос о Гильгамеше, представляющий собой размышление о желаниях как о двигателе истории. Он стал основой

для большинства священных текстов данного региона. В Индии примерно в это же время появляются Упанишады — поэтическое выражение нового взгляда на мир и новой этики отказа от желаний. Так формируются две космогонии.

В 2400 году до н. э. в Египте по приказу фараона Хеопса строится пирамида, которая по сей день носит его имя. Арийцы, монголы, индоевропейцы (скифы, затем — сарматы) и тюрки (хунну и хазары) строят (на Средиземном море, в Китае, Сибири, Центральной Азии и Северной Индии) города с дворцами, домами и крепостями, наполненные произведениями искусства, оружием, украшениями и живущие согласно ритуальным церемониям, управляемые бюрократическим аппаратом. Схема та же — сильнейший контролирует распределение продуктовых излишков. В Китае, к тому времени самом заселенном и активном торговом регионе планеты, возникает металлургия, китайские мастера делают декоративные черепаховые панцири с иероглифическими надписями. Под влиянием философии пяти элементов и гексаграмм из Книги Перемен зарождаются категории инь и ян. В письменных источниках того времени упоминается Желтый император — легендарный правитель и мифический персонаж, основоположник династии Ся.

В дальнейшем эти высокоразвитые цивилизации потеснили другие, пришедшие им на смену, которые часто стремились стереть с лица земли любые следы предшественников.

В 1792 году до н. э. Хаммурапи оставляет после себя свод законов — незадолго до того, как хетты вторглись в Вавилон. В Китае устанавливается династия Шан, под чьей властью возводятся дворцы и городские стены, изготавливаются изделия из бронзы, ритуальные сосуды и гадательные черепаховые панцири с иероглифическими надписями. Индоевропейцы (тохары) дали Китаю боевые колесницы, обеспечив его техническое превосходство над всей Центральной Азией. В 1674 году до н. э. Египет приходит в упадок под натиском гиксосов — воинственных азиатских племен, обладавших колесницами, запрягавшимися лошадьми. Они вторглись в Нижний Египет и основали новую династию фараонов.

В Америке и Африке по мере истощения местных природных ресурсов исчезают другие цивилизации, не знавшие колеса и не имевшие лошадей.

В 1364 году до н. э. в Египте Аменхотеп VI (позднее — Эхнатон) возвращается к монотеизму. Позже, в 1290 году до н. э., его потомок Рамзее II дает отпор хеттам, пришедшим из Месопотамии, и расширяет границы своего царства до невиданных пределов.

В этот период на планете соседствуют, воюют и погибают примерно 50 империй. Становится все сложнее управлять растущими объединениями, требуется все больше рабов, солдат, земель. Имперский уклад начинает терять смысл: одной военной силы явно мало.

Примерно в это время несколько племен, пришедших из Азии, поселяются на берегах и островах Средиземного моря, рядом с уже существующими империями. В отличие от других народов, забаррикадировавшихся в крепостях и подчиненных сельскохозяйственным циклам, микенцы, финикийцы и евреи предпочитают перемены, которые называют «прогрессом». Эти племена тоже почитают предков — их заступников перед богами, любят и обожествляют свою землю, но в мире живых для них существует только право политическое и экономическое. Торговля и деньги — их оружие, море и порты — поле битвы.

В условиях имперского строя постепенно формируется новое общество, кардинально отличающееся от остальных, оно основано на идее свободы. Зарождается то, что позднее мы назовем рыночным строем.

Глава 2. Краткая история капитализма

Если мы хотим понять, какие сюрпризы может преподнести будущее, надо знать, какие события происходили в прошлом. Выяснив, что менялось, а что оставалось неизменным, мы поймем, чего ждать. Перед нами откроются невероятные возможности истории.

В XII веке до н. э. на берегу Средиземного моря среди существующих империй зарождаются первые островки рынка и демократии. Спустя две тысячи лет они оформятся в рыночный строй. Мы сейчас живем и еще долго будем жить именно при рыночном укладе. Теперь перейдем собственно к истории и ее законам, которые также суть законы будущего.

В учебниках по сей день описывают жизнь королей, а не торговцев, взлеты и падения империй. Однако современная история давно изменила направление развития: рождается новый индивидуалистический строй, возводящий права человека в абсолютный идеал. Строй, попирающий собственные идеалы и одновременно производящий больше богатств, чем когда-либо в истории.

Поначалу он выглядел как небольшое паразитическое образование внутри теократического и империалистического общества. Затем новый строй победил, заменив королей торговцами, а услуги и обслуживающий персонал — массовым производством. Распространяясь все дальше и применяя все более эффективные технологии, принуждая, процветая и порождая все большее неравенство, устанавливается рыночная демократия, формируется рыночный строй. Торжествует идеал свободы, подготавливая людей к ее завоеванию. Из века в век этот строй «полирует» свои институции, пока — в недалеком будущем — не окажется в болезненном припадке.

Греко-иудейский идеал: новый и прекрасный

По легенде, в 1400 году до н. э. Кносс исчезает под натиском микенцев. Господствовавшая до сих пор циклическая картина мира была перевернута изобретательными средиземноморцами — греками, финикийцами, евреями. Они разделяют увлечение прогрессом, метафизикой, движением, всем новым и прекрасным.

Чтобы противостоять соседям, греки в корне изменяют конструкцию водных судов, вооружение, гончарное производство. Меняется и их космогония. Финикийцы, населяющие Сирию на берегу Средиземного моря, в целях улучшения торговли с соседями изобретают первый алфавит, с помощью которого можно транскрибировать другие языки. В это же время племя пастухов, называвшее себя евреями, покидает Месопотамию и отправляется на землю обетованную Ханаан, уготованную для них их Богом, единым и универсальным.

Для этих народов человеческая жизнь превыше всего, все люди равны (за исключением рабов и иноземцев), бедность — несчастье, а окружающий мир непременно нужно покорить, обустроить и улучшить в ожидании пришествия Спасителя, который должен изменить существующий порядок вещей. Впервые будущее человечества представляется в лучшем свете, по сравнению с прошлым. Впервые материальные блага рассматриваются как способ приблизиться к божественному. Так зарождается идеал рыночного строя — греко-иудейский идеал, впоследствии ставший эталоном для западного мира. Он существует до сих пор.

В 1200 году до н. э. финикийцы основывают Тир, Сидон, Утику, Кадис. Евреи уходят из Ханаана в Египет. В Пелопоннесе и Аттике два пришедших из Азии народа (дорийцы и ионийцы) строят несколько городов. Среди них Спарта — сельскохозяйственный город, в котором трудится много рабов-иностранцев, и Афины — небольшой торговый порт на берегу моря. Спартанцы — оседлые крестьяне — превращаются в военный народ, опасаясь восстания своих рабов, а афиняне — мудрецы, торговцы и моряки — строят огромный флот, обороняясь от соседей.

Философы, переводчики, моряки, врачи, артисты и торговцы (греки, финикийцы и евреи, монголы, индусы и персы) прокладывают торговые пути между евразийскими империями. Преодолевая все границы, даже в военное время, идеи и товары с Иберийского полуострова приходят в Китай. Там династию Шан сменяет династия Чжоу, правитель которой провозглашает себя «сыном неба».

В 1200 году до н. э. израильские племена, возвратившись на свою землю из Египта, начинают выбирать судей. В 1000 году до н. э., чтобы противостоять филистимлянам, они отказываются от этого и устанавливают монархию Саула, Давида, а затем — Соломона, которая впоследствии (в 931 году) раскалывается на два царства.

Афинские торговцы решают закрепить права на близлежащие земли и, преследуя свои интересы, становятся праотцами демократии и денег.

Демократия ниспровергает династические империи. За деньги можно купить любую вещь. Демократия и деньги лишают власти жрецов и воинов — она переходит в руки торговцев. А вот рабы нужны при любом общественном укладе, поэтому они будут играть немаловажную роль еще на протяжении длительного времени.

Греко-иудейский идеал гласит: свобода — конечная цель, соблюдение морального кодекса — условие выживания, богатство — дар небес, бедность — зло. Индивидуальная свобода и торговый строй неотделимы друг от друга, они идут нога в ногу вплоть до наших дней.

К 850 году до н. э. финикийцы дорабатывают свой алфавит, который мы используем до сих пор. Арамейские племена поселяются в Сирии, в то время как совсем рядом, в Израильском царстве, проповедуют пророки Амос, Исайя и Осия.

Чуть позже, в 753 году до н. э. Афины из незначительного поселения превращаются в один из самых влиятельных городов мира, превосходя другие не столько военной силой, сколько идеями и произведениями искусства. В Китае, который на тот момент является самым населенным государством, царство Чжоу раскалывается на множество воюющих царств. На берету Средиземного моря появляется небольшая деревенька Рим.

Месопотамия — место непрекращающихся сражений и движения народных масс: в 722 году до н. э. ассирийцы под предводительством царя Саргона захватывают Самарию и выдворяют израильский народ в

Ассирию, после чего в 630 году до н. э. сами окажутся изгнаны индийцами, а израильтяне вернутся на свои земли.

В следующие два века происходит много важных событий: отзвуки многих из них будут слышны еще долгое время и определят принципы индивидуализма. В 594 году до н, э. Солон издает в Афинах первую в истории демократическую конституцию. В 585 году до н. э. вавилонский царь Навуходоносор разрушает Иерусалим и переселяет евреев, на сей раз — в Вавилон. В 538 году до н. э. с гор спускаются новые племена — персы под предводительством царя Кира, которые устремляются к плодородным землям Месопотамии. Они захватывают Вавилон и переселяют евреев обратно в Израиль, потом завоевывают всю территорию от Месопотамии до Египта, положив в 525 году до н. э. конец истории двухтысячелетнего египетского царства. В это же время китайский мудрец Лао-Цзы заявляет, что счастье заключается в бездействии и что настоящая свобода — возможность не зависеть от своих желаний. Богатый индийский принц Гаутама отказывается от собственного титула и становится просветленным — Буддой, вдыхая новую жизнь в древнее учение — индуизм. Позже в Китае Конфуций объясняет, что счастье заключается в том, чтобы соблюдать приличия, уважать семью, традиции, иерархию и предков.

Настает переломный момент, последствия которого мы ощущаем до сих пор и будем ощущать еще очень долго: Азия хочет освободить человека от его желаний, в то время как Запад — наделить человека свободой для их исполнения. Восток рассматривает мир как иллюзию, а Запад считает его единственным местом, где можно творить и быть счастливым. Восток верит в переселение душ, Запад — в их спасение.

В 510 году до н. э. Рим становится республикой свободных граждан, а крошечные Афины, ко всеобщему удивлению, дают отпор бесчисленному войску персидской империи, которое поочередно завоевывает все греческие города Передней Азии. Афины при помощи спартанцев обращают в бегство персидское войско: царь Дарий, почитатель великого греческого философа Гераклита, разбит в битве при Марафоне в 490 году до н. э.; десять лет спустя его наследник Ксеркс терпит поражение в битве у острова Саламин. В первый раз, но не в последний один город противостоит целой империи.

Маленький мир торговли, который никто не воспринимает всерьез, демонстрирует, что он одержим свободной жизнью настолько,

что может противостоять миру, намного превосходящему его в размерах. Впервые Запад дает отпор захватчикам с Востока. Торговый строй начинает интересовать многие народы. Он укрепляется, намечаются его основные ценности.

Пока в Израиле пророки предсказывают грядущие бедствия, афинский предводитель Перикл к 444 году до н. э. превращает Афины в один из военных, экономических и культурных центров эллинского мира. На протяжении 20 лет здесь процветают скульптура, поэзия, театр, философия и демократические идеалы. В 431 году до н. э. война со Спартой заканчивается победой западного соседа — царя македонцев Филиппа. В 404 году до н. э. Спарта побеждает Афины в войне, начатой в 431 году.

Урок на будущее

В битве двух сильных держав победу часто одерживает третья сторона.

Еще один урок на будущее

Победитель присваивает культуру побежденной нации.

И снова урок

Центр мировой власти перемещается на Запад, а основные богатства остаются на Востоке.

Филипп подчиняет себе Пелопоннес, а его сын Александр, воспитанник Аристотеля, жаждет достичь Индии, что он и делает в 327 году до н. э. В 323 году до н. э. Александр умирает в столице персов. Во всем своем великолепии и бессилии его империя распадается на три части — греческую, персидскую и египетскую. Время Греции проходит.

Как уже было сказано, богатства остаются на Востоке. В Индии расцветает множество мелких арийских царств. В Китае начиная с 220 года до н. э. в течение 11 лет плодотворного царствования император Цинь Шихуанди объединяет страну, делает столицей город Сяньян, унифицирует письменность и строит Великую китайскую стену, прежде чем быть похороненным с четырьмя терракотовыми армиями. С наступлением нашей эры новая династия Хань воспринимает идеологию конфуцианства, противостоит кочевникам хунну и

прокладывает Великий шелковый путь — первый торговый маршрут на Запад.

На Западе Рим, фактически не завоевывая Грецию, вбирает ее в себя и наследует греческую культуру. Основываясь на греко-иудейских ценностях, правда, находясь немного дальше, Рим является грандиозной копией Афин, включая пантеон богов и политическую систему. Помня об их поражении от македонцев и собственных поражениях от галльского предводителя Бренна, Рим снаряжает сильное сухопутное войско. Город контролирует всю Западную Европу, Северную Африку и Средиземное море. В 170 году до н. э. Антиох IV разоряет Иерусалимский храм, а в 125 году до н. э. Южная Галлия становится римской провинцией.

Pax Romana достигает апогея, когда в 44 году до н. э. полководец Гай Юлий Цезарь, триумфально возвратившийся с севера Галлии, допускает в Сенат представителей завоеванных народов и хочет, чтобы его провозгласили императором. Он преследует соперников вплоть до Египта, по возвращении откуда его убивают. В 27 году до н. э. преемник Гая Юлия — Гай Цезарь Юлий Август — становится первым императором. Его наследники, озабоченные лишь подавлением волнений на границах империи, пресекают восстание египтян и заставляют замолчать всех несогласных, среди которых в 30 году оказывается равви из Иерусалима по имени Иисус. Так происходит со всеми непокорными. В 70 году римская армия разрушает Иерусалим и истребляет огромное количество евреев. Зарождается христианство.

На первом церковном соборе в Иерусалиме в 48 году христиане (вначале союзники римлян против евреев, а затем — сами став жертвой возбужденной ими ненависти) проповедуют язычникам иудейское послание с некоторыми изменениями: Иисус Христос олицетворяет всех людей; Мессия наконец пришел, еврейский народ, сообщивший о его приходе, выполнил свою миссию и должен принять христианство; церковь представляет новый избранный народ; бедность и непричинение вреда — единственные пути к спасению души; любовь — условие вечности; материальные блага не являются дорогой к счастью, а прогресс не представляет интереса. Греко-иудейский идеал претерпевает серьезные изменения.

Происходит слияние христианских, римских, греческих и иудейских идей: любовь Бога — самое ценное, что есть у людей;

только церковь и подчиняющиеся ей правители могут накапливать богатства; при этом церковь должна помочь людям приготовиться к смерти и спасению души.

Благодаря своей философии христианство стремительно набирает популярность среди жителей Римской империи. К тому времени оно уже могло привести к ослаблению рыночного строя, свободе, братству, равенству, ненасилию, умеренности и смирению. Однако этого не произошло.

Урок на будущее

Какой бы влиятельной ни была религиозная доктрина, она все равно не сможет замедлить победное шествие индивидуальной свободы.

Фактически никакие силы — ни религиозные, ни светские — не смогли надолго затормозить этот процесс.

У Рима нет соперников, только враги — племена, пришедшие с Востока, привлеченные богатством и мягким климатом средиземноморских территорий. Римская империя вынуждена тратить огромные средства на снаряжение армий для защиты своих границ. Рим должен контролировать солдат, говорящих на множестве языков и исповедующих разные религии, решать логистические и финансовые вопросы. Император Марк Аврелий проводит 20 лет — с 160 по 180 год, — объезжая границы империи.

Однако все напрасно: под натиском германских и славянских племен, подталкиваемых к действиям тюрками и монголами, Рим ослабевает и отступает, не выдержав соперничества с другими городами империи (например, Византией).

В 284 году император Диоклетиан пытается повысить налоги: у империи больше нет средств на финансирование обороны. Не помогает. В 313 году император Константин, стараясь получить поддержку народа и знати, издает Миланский эдикт и разрешает христианство. И опять всё впустую: в 320 году, одержав победу над Максенцием, он сам принимает христианство. В 395 году умирает император Феодосий, Римская империя разделяется на Западную и Восточную со столицами в Риме и Византии (впоследствии ставшей

Константинополем) соответственно. Начинается время Восточной Римской империи. Европа отдаляется от Азии.

Многочисленные индоевропейские племена (готы, франки, вандалы, славяне, лангобарды, тевтонцы, викинги, гунны и монголы) сообща нападают на то, что осталось от Западной Римской империи. Захватчики хотят «превратиться» в римлян, по сути христиан, и греко-иудеев, впитав их культуру и образ жизни. В 406 году толпы кочевников пересекают Рейн и вступают на земли Римской империи. Гунны оттесняют вестготов к Риму, а вестготы отступают до тех пор, пока им не наносят сокрушительный удар.

Конец все ближе: в 476 году последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа свергает вождь герулов Одоакр. Западная Римская империя прекращает существование. Впервые на смену побежденной империи не приходит новая. Однако такое не единожды повторится в истории.

Войны почти не затрагивают Восточную Римскую империю со столицей в Константинополе. В Западной Европе епископы, принцы и города организуют небольшие автономные государства. В 496 году, как и многие другие западные правители, король франков Хлодвиг принимает христианство и захватывает остатки Западной Римской империи. Европа, кишащая разбойниками и багаудами, наполняется крошечными королевствами, галло-романскими поселениями и монастырями — единственными местами, где себя можно чувствовать в безопасности.

В это время в Азии, Америке и Африке исчезают целые империи, поскольку не удается решить проблему нехватки природных ресурсов (например, майянский город Паленке). Иногда они выживают — если правитель переносит столицу (например, крепость-дворец Амбер, перемещенная из Раджастхана в Джайпур). В Китае одна за другой меняются императорские династии, но страна остается раздробленной со времен правления династии Хань (начало III века). В 618 году династии Тан удается объединить страну: буддизм становится государственной религией, столица Сиань — самым населенным городом мира. Правление династии Тан заканчивается, и наступает эпоха пяти династий и десяти царств. Повсюду в мире империи становятся все более уязвимыми и неуправляемыми.

В 622 году в Аравии пророк Мухаммед переселяется из Мекки в Медину, его проповеди становятся все яростнее и убедительнее. Складывается Коран, зарождается ислам. Меньше чем через сто лет эта религия, превратившаяся в политику и военную стратегию, потеснит устаревшие институции, как в свое время сделало христианство. Заканчиваются истории тысячелетних империй. Армии ислама, вооружившись новой религией, несут новую форму монотеизма; спустя несколько десятков лет верные последователи Пророка провозгласят и новую империю — нестабильную, почти кочевую. Чтобы финансировать свои армии, халифы, поначалу правящие из Дамаска, а затем — из Багдада, впервые прибегнут к помощи банкиров — поголовно евреев, поскольку только их религия разрешает заниматься денежными спекуляциями. Исламские орды стремительно завоевывают Ближний Восток, Месопотамию, Египет, Северную Африку и Испанию, принуждая местное население принять ислам. В 732 году их победоносное шествие прерывают при Пуатье войска франков.

Мусульманская империя — Халифат — складывается вокруг подвижных институций, куда более эффективных, чем образования старых империй, чьими знаниями и богатствами они пользуются. Столицы Халифата, который наряду с Китаем является одним из самых влиятельных государств в мире, располагаются в Багдаде и Кордове. Там, образуя горючую смесь, перемешиваются все знания, верования и продукты Халифата. Дороги становятся безопасными. Оживляются рынки Азии и Европы. Торговцы, ростовщики, мудрецы, музыканты, поэты, солдаты передвигаются из города в город, с ярмарки на ярмарку.

Ярмарки, города и нации

В IX веке на северных территориях исторической Западной Римской империи появляются первые христианские ярмарочные города, которые приходят на смену исламским базарам. Эти города — предвестники европейских государств. В 800 году Западная Римская империя возрождается в Германии, сначала под управлением Карла Великого, затем — Оттона и Фридриха. По соседству образуются два других государства (Франция — франками и Россия — викингами) и много княжеств вестготов в Испании, саксонцев в Германии и Фландрии, лангобардов в Италии.

Эта история навсегда останется нашей: Франция, Россия, Италия, Испания и Англия до сих пор носят имена завоевателей тех времен, а Германия даже трех — в зависимости от языка, на котором мы произносим название этой страны. Кочевой народ с севера, викинги являются прародителями многих современных наций — датчан, шведов, французов, исландцев, англичан, русских и итальянцев.

В 960 году в период правления династии Сун единство Китая нарушается и восстанавливается только в 1115 году, в период правления династии Цзинь, которая объединяет страну перед угрозой военного вторжения со стороны северных княжеств.

Ислам находится на пороге рыночного уклада. В Кордове, столице Халифата и самом большом европейском городе, люди говорят на арабском, думают на греческом и молятся на латыни, арабском и древнееврейском. Богатства стекаются сюда отовсюду: золото из Африки, специи из Азии, зерно из Европы. В библиотеке халифа книг больше, чем у какого-либо европейского правителя.

Китайская империя контролирует все азиатские моря. На своих великолепно оснащенных кораблях китайцы привозят специи в Европу для обмена на сельскохозяйственные и ремесленные товары.

В середине XII века европейский ислам олицетворяет самое могущественное государство мира. В Кордове, столице мусульманской империи, простирающейся от Андалузии до Ливии, собираются креативные элиты: банкиры, поэты, мудрецы, торговцы, начиная с Омара Хайяма и Ибн Гебироля и заканчивая Моисеем Маймонидом и

Аверроэсом. Мусульманские флотилии и армии сражаются с только что созданными войсками христианских монархов, отправляющихся в крестовые походы, чтобы вернуть Святую землю и проложить торговый путь в Азию.

В середине XII века Сиань — по-прежнему крупнейший город Азии. Париж — к тому времени самая густонаселенная европейская столица — не имеет никакой экономической и культурной власти. Наиболее влиятельным городом Европы остается Кордова.

В 1148 году ревнители веры, новые правители Кордовы, династия Альмохадов, пришедшие с юга Марокко, запрещают мусульманам изучать философию греков и изгоняют евреев и христиан из своей империи. В это же время на противоположном берегу Средиземного моря другие мусульманские правители отправляются отвоевывать Святую землю, оккупированную крестоносцами.

Ислам триумфально шествует по Востоку, но не может распространяться дальше на Запад. Несмотря на свои научные достижения, мусульманская империя приходит в упадок, будучи не в состоянии следовать направлению, заданному торговым строем. Приходит в упадок и китайская империя.

В мире происходят кардинальные изменения: две великие империи — китайская и мусульманская — выходят из игры, так как не способны соблюдать условия рыночного уклада. Индия, разделенная на множество процветающих княжеств, безразлична к остальному миру во всем, кроме разве что покупки предметов роскоши для принцев. У теснимой мусульманским миром Византии больше нет ни сил, ни средств, чтобы стать центром торгового мира.

События XII века очень важны для истории уже нашего, современного мира и еще больше — для истории будущего.

Центр мировой власти перемещается в христианскую Европу. Однако ни одному европейскому королевству не удается ею завладеть: Франция, Англия и Россия продолжают жить в условиях феодального строя; неоплачиваемая работа по доброй воле или принуждению лежит в основе производства, дворянству удается держать власть в своих руках, защищая крепостных от наемников, разбойников, торговцев, моряков, целителей, пилигримов, менестрелей, музыкантов, путешественников, философов и попрошаек. Во Франции, самой населенной и перспективной стране, по-прежнему хозяйничает

империя: море — еще не рубеж, торговец — не хозяин, земля — главный источник власти.

Тем не менее в некоторые европейские ярмарочные города постепенно просачиваются новые порядки — еще неустойчивые, но уже таящие в себе революционные изменения. С тех времен до наших дней рыночный уклад находится на пике развития и еще долго будет на нем оставаться.

В некоторых городах уже дышится свободнее: экономика и политика больше не подчиняются церковным и военным властям, к власти приходит новый класс торговцев и финансистов, для которых свобода и независимость превыше всего. Это сословие эксплуатирует рабов, крестьян, рабочих и ремесленников, а орудия труда являются средствами для получения власти. Новая элита вступает в союз с Церковью, становится меньше предубеждений против финансовых профессий. В то же время усиливаются церковные запреты в сексуальной области.

Торговая элита расширяет понятие греко-иудейского идеала, свободно передвигаясь по миру, обладая знаниями и зарабатывая деньги. Она меняет христианский идеал бедности и использует наемный труд на своих предприятиях и кораблях, в мастерских и банках. Люди — не пацифисты и не либералы: рынок нуждается в государстве, чтобы оно закрепляло и защищало права собственника. Наемники охраняют права и интересы торгового класса. Торговцы доверяют управление своими делами представителям своего же сословия. Одни погружены в законотворчество, другие занимаются исполнением законов. И те и другие контролируют друг друга.

В частной жизни свобода представителя нового класса ограничена тем, что ему принадлежит, в общественной жизни — решением большинства. Все убеждены, что принятие коллективных решений приведет к максимальному удовлетворению превалирующей части населения.

Свобода, торговля и политика — главные двигатели истории.

От одного центра к другому

В отличие от религиозного и военного укладов, в которых одновременно сосуществовали тысячи племен, королевств и империй, правили тысячи королей, поклонялись тысяче богов и говорили на тысяче разных языков, не обращая внимания на других или вступая с ними в войну, рыночный строй говорит на универсальном языке денег. Он молниеносно формирует вокруг одного центра креативный класс (судовладельцы, промышленники, торговцы, инженеры, финансисты). Его представителям свойственна необыкновенная страсть ко всему новому и открытиям. Экономический кризис или война приводят к тому, что центр перемещается в другой город.

Рынок и демократия основаны на конкуренции, которая, в свою очередь, требует нововведений и выдвижения элит. Кроме того, капитал не может накапливаться в долгосрочной перспективе ни в фирме, ни в семье, по сути, недолговечных и ненадежных. Он накапливается в городе — сердце капитализма, который и поддерживает его жизнь. Конкуренция предполагает борьбу, поэтому в центре нужно поддерживать равновесие между рынком, демократией и силой.

Все такие центры находились в странах с развитым сельским хозяйством и большими портами для экспорта продукции. Все они использовали нехватку какого-то продукта в своих интересах. Их оружие — подражание, точность, сила, государственное регулирование экономики, политика протекционизма, валютный контроль. Город становится центром, если его креативному классу удавалось превратить новую услугу в промышленную продукцию. Для этого необходимо управлять капиталами, фиксировать цены, накапливать прибыль, контролировать заработную плату, финансировать исследования и армию, внедрять свою идеологию.

Город-центр должен контролировать самые эффективные энергетические ресурсы и самые быстрые средства связи (как свои, так и чужие). Банкиры, артисты, интеллектуалы, новаторы приносили в эти города деньги, строили на них дворцы и гробницы, изготавливали на заказ портреты новых хозяев мира, ведущих в бой свои армии.

Центр всегда окружают старые и новые соперники (так называемая «середина»), находящиеся в упадке или самом расцвете. Оставшиеся королевства и империи образуют «периферию», которая частично живет в религиозном или военном строе, продавая сырье и рабочую силу, преимущественно рабов, городу-центру и окружающим его городам.

Пока центр обладает достаточными средствами, чтобы управлять «серединой» и «периферией», существует сама торговая форма. Она «умирает», когда центр тратит большую часть ресурсов на поддержание внутреннего мира или защиту от внешних врагов.

Один центр сменяется другим, как правило, соперником, и обычно не прямо атакующим, а по ходу сражения занятым вопросами новой культуры, динамики экономического роста, достижения новой свободы, разработки нового продукта, энергетической или информационной технологиями.

Шаг за шагом индустриализируется производство сельскохозяйственной продукции, а затем и ремесленной. Рабство постепенно исчезает, ему на смену приходит наемный оплачиваемый труд. Производство энергии и информационный процесс автоматизируются. Из одного центра в другой переезжают инженеры, торговцы, банкиры, судовладельцы, военные, артисты, ученые. Независимые крестьяне, ремесленники и рабочие превращаются в зависимых работников. Богатство сосредоточивается у ограниченного круга лиц. Больше всего прав у потребителей и горожан, работники попадают в ситуацию постоянно увеличивающегося отчуждения.

По странной иронии движение от имперского строя к рыночному сопровождается возвращением в кочевничество — от крестьянина к путешественнику. Кочевничество играло, играет и будет играть огромную роль в истории человечества, по сути являясь фундаментом культуры — сегодня и особенно в будущем.

До наших дней рыночный уклад миновал девять последовательных торговых форм, которые можно обозначить по названиям «сердцевинных» городов (Брюгге, Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон, Бостон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес), по оказываемым услугам и производимым товарам широкого потребления (продовольствие, одежда, книги, финансы, транспортные средства, бытовая техника, средства связи и развлечения), по развиваемой

технологии (кормовой руль, каравелла, книгопечатание, бухгалтерия, флейты,[1] паровой двигатель, двигатель внутреннего сгорания, электродвигатель, микропроцессор) либо по названию основной монеты, которая была в ходу (безант, дукат, гульден, дженовин, флорин, фунт стерлингов, доллар). Вероятно, в будущем мы станем различать их по именам артистов или философов — представителей центров — «сердцевинных» городов.

Суть семивековой экономической, технической, культурной, политической и военной истории заключена в стратегиях, которые использовали города, чтобы стать центром, сохранить свои позиции, передвинуться в сторону периферии или выйти из рынка. История этих городов поможет нам понять законы, по которым история развивалась и еще будет развиваться.

Брюгге, 1200–1350: первые шаги рыночного уклада

В конце XII века портовые города Фландрии и Тосканы, богатые плодородными землями, населены торговцами, имеющими корабли, а также мятежными рабами и крепостными, изгнанными со своих земель. В этих поселениях, находящихся за пределами власти феодальной системы, нет правителя, который бы присваивал себе излишки. Крепостные уже не являются единственной рабочей силой, а новый креативный класс — буржуазия — использует передовые технологии, позволяющие экономить усилия и максимизировать прибыль.

В находящихся по соседству деревнях появляется трехпольный севооборот, конский хомут, водяные мельницы, механизируется процесс валяния, происходит индустриализация продовольственного производства. Затем изобретают судовой руль, который крепится на ахтерштевене и позволяет судам совершать маневры, еще немного позднее корабли оснащают пушками.

Благодаря нововведениям эти городки, одновременно являющиеся портами, арсеналами и ярмарками, начинают лидировать в морской торговле. В регионах, которые они контролируют, деньги заменяют силу, наемные рабочие — крепостных, инвестирование — монументальное строительство, торговля — полицию. Развивается разделение труда, увеличивается производство сельскохозяйственной продукции, за счет чего цена на зерно, производимое в большом количестве, снижается. Все больше горожан могут позволить себе покупать зерно и шерстяные вещи разных цветов. Появляются первые ткацкие станки. У людей возникает потребность в кредитовании. Небольшие еврейские общины, разбросанные по всему европейскому континенту, на протяжении 13 веков — единственные, кому вера позволяла ссужать деньги под проценты, давали в долг принцам, торговцам и крестьянам в обмен на временное пристанище и создавали банковские системы. Смены сезонов уже недостаточно, чтобы задавать ритм городу. На дозорных башнях появляются колокола, до этого в течение шести веков использовавшиеся

исключительно для созыва верующих на молитву. У нового времени — новые хозяева.

В конце XII века Брюгге — динамично развивающийся порт в окружении сельскохозяйственных земель. Торговцы из Брюгге совершают наземные и морские путешествия в Шотландию, Англию, Германию, Польшу, Францию, Испанию, некоторые добираются до Персии и Индии. Порт Брюгге, находящийся под постоянной угрозой быть засыпанным песком, становится одним из важных пунктов на пути к фламандским ярмаркам. С 1227 года сюда заходят генуэзские суда, с 1314 года — венецианские. Здесь обосновываются итальянские купцы, которые обменивают специи из городов восточного Средиземноморья, Индии и Китая на сталь, шерсть, стекло и украшения из Фландрии.

Разница между жизнью ремесленников и купцов («отцов» городов) огромна, поэтому народное возмущение растет. В 1302 году ремесленники переходят на сторону графа Фландрии и вовлекают его в борьбу против патрициев, которых поддерживает король Франции. Развивается демократия. Интеллектуальная и художественная сферы жизни по-прежнему контролирует Церковь. Тем не менее в этих краях дышится свободнее.

В начале XIV века Брюгге становится центром первой формы рыночного уклада — капитализма. Притом что это был небольшой город: в 1340 году на пике могущества он насчитывал не более 35 тысяч жителей.

Брюгге окружают рынки Ганзейского союза, Германии, Франции и Италии. Европейскими рынками на периферии управляют крупные землевладельцы. Центр и его окружение поставляют на периферию и в империи вино, сукно, серебро, стекло, украшения, а в обмен получают пшеницу, рожь, древесину и меха. Крупнейшие королевства того времени предпочитают не обращать внимания на суету, царящую в этих городах.

В Азии, где находятся основные богатства мира, продолжается имперская история: монгол Чингисхан, затем тюрк Тамерлан создают огромные империи, простирающиеся от берегов Тихого океана до предместий Вены. Они управляют с помощью силы и страха и представляют серьезную демографическую и экономическую угрозу для остального мира.

Европейцы готовятся к тому, что эти громадные армии вот-вот появятся на горизонте.

Через какое-то время первая форма сдает свои позиции: нестабильная обстановка в Азии затрудняет и замедляет торговлю на большом расстоянии. Изменение климата (похолодание) отбивает у людей охоту путешествовать. В 1348 году от чумы, пришедшей в Европу из Турции через Средиземное море, вымирает треть европейского населения, торговое сообщение прекращается, порты Ганзейского союза и рынки Шампани опустошены.

У Брюгге больше нет средств, чтобы поддерживать свой порт, который окончательно поглощает песок. В конце XIV века первое прекрасное «сердце» рыночного уклада медленно превращается в произведение искусства и уходит в историю. Еще на протяжении века город будет сохранять свое торговое значение на Севере Европы, но центр рыночного уклада переместится в другое место.

В то время как Франция и Англия заняты разжиганием войны, которая продлится целые 100 лет, вокруг неприметного итальянского города складывается вторая торговая форма и образуется новый центр — Венеция.

Венеция, 1300–1500: завоевание Востока

Как и Брюгге, Венеция — изолированный порт в окружении сельскохозяйственных территорий. Именно в недостатке заключается ее сила, на преодолении трудностей строится престиж, в дерзновении рождается роскошь.

В то время Венеция — небольшое поселение на берегу Адриатического моря, идеально подходящее для перевозки серебра, месторождения которого обнаружили в Германии.

Но одного удобного расположения недостаточно, нужна удача, счастливая случайность. Эту роль для Венеции сыграли крестовые походы конца XI века. Чтобы снаряжать рыцарские корабли на деньги, украденные у евреев, убитых крестоносцами на пути следования, «Светлейшая республика» строит морские верфи.

Урок на будущее

Все следующие за Венецией города-центры будут развиваться на пути преодоления.

В начале XII века крестоносцы на пути из Венеции захватывают Константинополь. Но на протяжении столетия Светлейшая республика остается единственной защитой Европы от турецкого вторжения и воротами, через которые проходят все товары с Востока, движущиеся на север Европы. Новый мост на перевале Бреннер открывает Сен-Готардский путь, связывающий серебряные копи Германии с Адриатическим морем. Теперь северные города могут получать товары с Востока напрямую, не прибегая к услугам фламандских портов, находящихся под постоянной угрозой засыпания, и надменных торговых домов Северной Европы. Германия — лишь остановка на пути, а порты Северного моря, начиная с Альтоны и заканчивая Таллином, никогда не смогут стать «сердцем» нового уклада.

В середине XIV века в Европе заканчивается смертоносное шествие чумы, Брюгге окончательно приходит в упадок, а у европейцев вновь просыпается тяга к жизни и удовольствиям. Венеция становится «сердцем» рыночного уклада на целый век. Находясь под

угрозой турецкого вторжения, город все же управляет торговлей между Европой и Востоком.

Как и Брюгге, Венеция превращается в город, управляемый железной рукой принцев, которые одновременно являются торговцами и солдатами. Дож — глава исполнительной власти, теоретически избираемый на пожизненный срок, может быть отправлен в отставку по решению олигархов. В городе появляются мастерские и финансовые учреждения, которые нужны судовладельцам, банкирам и купцам, приезжающим в Венецию со всех концов света. В городе царит потрясающий дух интеллектуальной, художественной и гуманистической свободы, благоприятствующий рискованным начинаниям. Вступая в никогда не проигранную и не выигранную войну с Восточной Римской империей, а затем — с турецкой, венецианские правители постоянно ведут переговоры, находят удачные компромиссы, обменивают славу на богатства.

В это самое время Столетняя война истощает ресурсы остальной Европы.

В Китае череда государственных переворотов: династия Цзинь сменяется Монгольским государством, а затем в 1368 году к власти приходит династия Мин. Несмотря на политическую нестабильность, Китаю удается улучшить систему сельского хозяйства и организовать прекрасную бюрократическую систему управления. Здесь появляются новинки технического прогресса (наборные шрифты для книгопечатания), изготавливается более 10 тонн железа в год и финансируется миллионная армия. Имперский флот под предводительством Чжэн Хэ достигает берегов Африки, Австралии и, возможно, даже обеих Америк, не преследуя цели установить коммерческие связи, завоевать новые рынки или распространить свою власть. Другие империи — индусов, русских, монголов, тюрков и греков — отделяют Китай от Европы.

Венеция, достаточно скромная по размерам в сравнении с другими империями, превращается в мировой торговый центр. Венецианцы устанавливают цены на основные товары, спекулируют на валютном курсе, аккумулируют прибыль, навязывают эстетические, архитектурные, художественные и музыкальные вкусы. Писатели, философы, архитекторы, чьим мэтром чуть позже станет Палладио, приезжают в Венецию, чтобы писать и размышлять над природой

свободы, распространяя свои идеи по всей Европе, Венеция — католический город, тем не менее она дистанцируется от Рима и не позволяет ему диктовать условия. Город возвышается над Европой; в конце XIV века венецианские торговцы контролируют все финансовые рынки европейского континента, начиная с Франции и заканчивая Фландрией, от Кастилии до Германии. Разрыв огромен: уровень жизни венецианцев в 15 раз превышает уровень жизни жителей Парижа, Мадрида, Антверпена, Амстердама и Лондона.

Венецией управляет узкая аристократическая прослойка и высококлассные стратеги. По их указаниям сотни тысяч членов гильдий и наемных работников, получающих зарплату, заставляют мастерские действовать согласно их воле. Под ними — так называемый «морской пролетариат». Это 50 тысяч моряков, вынужденных работать по безжалостным законам рынка. Плюс множество других зависимых и свободных людей — наемников, куртизанок, монахов, художников и медиков.

Город снаряжает торговый флот на 300 тонн — знаменитые купеческие галеры (galere da mercato), которые могут ходить как на веслах, так и под парусом, надежные и под защитой наемников. Город сдает корабли в аренду торговым картелям, постоянно требуя их назад; военные нужды пересекаются с коммерческими интересами.

Между тем, как и Брюгге, Венеция не является центром технических инноваций: она не изобретает, а находит, копирует и использует чужие идеи. В Генуе чеканят первые золотые монеты (дженовины), а во Флоренции изобретают чек и холдинг. В Венеции появились первые биржи, торговые дома, банки и страховые общества. Именно здесь акционерные общества, финансируемые большим количеством мелких вкладчиков, начали фрахтовать суда.

Мир становится территорией путешествий: моряки, первооткрыватели, исследователи, состоящие на службе у венецианцев, по сути — цивилизаторы, вооруженные мечами. Остальная Европа занимает нейтральную позицию. Периферия простирается на востоке Европы, севере Африки и африканских берегах Византийской империи.

К 1450 году Светлейшая республика начинает испытывать денежные затруднения, как и другие европейские страны. Чтобы достать денег, Венеция снаряжает корабли к незнакомым берегам,

которые описаны в легендах, рассказывающих об удивительных королевствах, где повсюду есть золото. Увы, венецианские моряки возвращаются ни с чем.

Венеция сама себе враг. Содержание ее институций влетает в копеечку, гильдии ведут себя все более жестко, а галерные картели и армия уже недостаточно велики и не так уж хорошо вооружены, чтобы охранять торговые пути. К тому же драгоценные металлы, добываемые в Германии, становятся редкими и дорогостоящими. Задыхаясь под давлением турок, Венеция со своим 100-тысячным богатейшим населением начинает костенеть.

Учуяв неожиданную слабину, враги, которых удавалось сдерживать в эпоху расцвета, обрушиваются на город. В 1453 году турки, к тому времени оккупировавшие почти всю территорию старой Восточной Римской империи, нападают на Византию, которая держит осаду более полувека. Венеция больше не контролирует Адриатическое море. Восточная Римская империя исчезает. По иронии судьбы греки, изгнанные турками из Византии, обосновываются во Флоренции, а не в Венеции. Ее золотой век подходит к концу.

Кто может претендовать на роль третьего рыночного центра?

У Флоренции нет шансов, так как отсутствует свой порт, а тот, через который она продает свои великолепные ткани, — Генуя — еще не готов прийти на смену Светлейшей республике. Брюгге мог бы восстановить позиции, поскольку еще не растерял все свое могущество: сюда съезжаются художники и купцы, именно здесь в 1434 году Ян ван Эйк первый в истории живописи рисует портрет торговца и его жены — четы Арнольфини, двух флорентинцев, живших в Брюгге, тем самым открывая эпоху светских персонажей в искусстве. В 1482 году со смертью Марии Бургундской заканчивается и период расцвета Бургундии, от которой зависит Брюгге.

В это время в Китае династия Мин запрещает подданным строить корабли для дальних путешествий и покидать страну — одно из сильнейших государств мира решает закрыть свои границы и надолго выбывает из рыночного строя.

Ни один из портовых городов Франции, России или Англии не мог в то время занять место Венеции. В этих странах правители тратили деньги на возведение памятников и были заняты

бесполезными сражениями, пока бюрократический аппарат выбивается из сил, покрывая их расходы.

Появляется новый тип судна — каравелла: фок, два прямых и один латинский парус образуют легкую в управлении конструкцию. Спущенная на воду в 1430 году в Португалии, первая каравелла могла бы стать источником власти этого государства, занимавшего идеальное положение с точки зрения морских экспедиций к африканским берегам, и соединить Фландрию с землями Средиземноморья. Однако Генрих Мореплаватель и его преемники были больше заняты славой и спасением души, чем торговлей.

У Севильи имелись кое-какие шансы стать третьим центром: Кастилия и Арагон, объединенные под одной короной, идеально подходили для морских путешествий — от Фландрии до востока средиземноморских территорий. В 1492 году генуэзец Христофор Колумб, отправившийся на поиски золота для испанских королей, случайно открыл новый многообещающий континент. Это могло превратить Испанию в мирового лидера, а Севилью — в центр рыночного уклада. Но кастильскому порту (и расположенному вниз по течению Кадису) не хватает сельскохозяйственных земель, собственных банкиров и опытных судовладельцев; город слишком полагается на военных. Короли-католики и их дворы с ленцой проживают то, что они награбили в Америке, где истребили местное население. Они не развивают технологии и производство, не укрепляют торговые связи. Более того, изгнав евреев и морисков, подавляют развитие своего креативного класса. В итоге двумя следующими центрами становятся порты в испанских колониях, находящихся под властью империи Габсбургов, — Антверпен, а затем Генуя.

К 1500 году эти два города по очереди приходят на смену Венеции, господствовавшей на мировом рынке на протяжении полутора веков. XVI век — время их недолгого триумфа.

Урок на будущее

Приток иностранных элит — одно из условий успеха.

Антверпен, 1500–1560: время книгопечатания

В 1500 году наступает время Антверпена. Город известен производством шерсти, поскольку находится в окружении земель, на которых разводят овец. На протяжении двух веков Антверпен торгует фламандским сукном и стеклом, зеландской солью, английскими ножевыми изделиями, немецкими металлами и покупает товары с Востока. К 1450 году город стал центром обмена товаров Северной Европы на пряности, которые привозили из Африки и Азии португальские и испанские суда: перец, мелегетту, корицу, сахар. Все, даже англичане и французы, приезжают сюда, чтобы покрасить свое сукно с помощью особой технологии, которую держали в секрете. Антверпенская биржа постепенно превращается в финансовый центр Европы — развивается страхование, используются разные ставки, проводятся лотереи, действует сложная банковская сеть. В ходу серебряные монеты — безанты, курс которых находится под жестким контролем. У Антверпена нет своей армии, но, как и предыдущим городам-сердцам, ему удается быть центром мировой торговли за счет умения управлять финансовыми рынками.

Урок на будущее

Финансовая и страховая сферы играют важную роль в установлении власти на рынке.

Антверпен стал пионером в использовании чужих инноваций, в частности наборных печатных шрифтов — изобретения китайцев, которое заново открыли в Германии в 1455 году. Сначала печатали только религиозные тексты.

Речь идет о предвестии длительной истории прогресса, преследующего одну цель — увеличить скорость передачи данных. Текст — первый товар, издержки на воспроизводство которого практически равны нулю. Но не последний.

Книга стала первым номадическим предметом серийного производства. И опять же не последним.

Успех книгопечатания грандиозен. Ведь новые классы общества нуждаются в популяризации того, что они сами проповедуют: свободы

слова, индивидуализма, здравого смысла, греко-иудейского идеала.

К 1490 году, спустя 40 лет с момента появления в Европе, печатные станки работают уже в 110 европейских городах. Лидирует Венеция, Антверпен с типографиями Христофора Плантена не отстает. К 1500 году в Европе уже напечатали 20 млн книг. Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола в своих трудах вспоминают греко-иудейское и арабское наследие, до сих пор подлежавшее тщательной церковной цензуре. Читатели обнаружили, что в Библии написано не совсем то, о чем говорят священники. Что существуют философские трактаты, в которых рассказывается о разуме и любви. Что от них скрывали знания евреев, греков, римлян, арабов и персов. Люди хотят читать эти тексты не на латинском языке, на котором больше никто не говорит. Местные языки заменяют церковный, используемый в качестве официального лишь в нескольких канцеляриях.

Всего за несколько десятилетий книгопечатание разрушает мечты Ватикана и германской Римской империи объединить Европу вокруг латинского языка и церкви.

Урок на будущее

Новые коммуникативные технологии как средства централизации — безжалостный враг властей на местах.

В 1517 году Лютер читает Библию своим сторонникам, в борьбе с коррупцией и развращенностью папства объединяется с немецкими принцами против церкви и императора.

Протестантизм определяет национальное самосознание. Наступает время наций.

Нидерланды требуют независимости от Карла V Габсбурга, управляющего территориями от Мадрида до Фландрии, и находят поддержку в лице Англии. Обе страны становятся протестантскими. Карл V пытается запретить въезд в Антверпен иностранцам, которые ускоряют прогресс и развитие города. Главные немецкие банкиры — Хёшстеллеры, Фуггеры, Вельзеры — обосновываются в Антверпене. Из Америки прибывают корабли, груженные серебром, и торговля процветает. В 1550 году, в период расцвета, Антверпен насчитывает 100 тысяч жителей: масштаб рыночных центров увеличивается.

Однако постепенно третий город — сердце рыночного строя теряет позиции: ему не хватает средств, чтобы содержать свою структуру. Усиленная эксплуатация серебряных копей в Америке вызвала падение рыночной стоимости металла, торговля которым лежала в основе рыночной системы Антверпена. Золото (торговлей которого Антверпен не занимался) дорожает и становится более привлекательным для спекулянтов. Гугенотские войны разрывают морские связи между Нидерландами и Испанией и отрезают Антверпен, у которого нет военного флота, от торговых партнеров. Серебро остается в Севилье либо переправляется в средиземноморские страны. В Антверпене начинается финансовый кризис, к 1550 году он теряет лидирующие позиции. Не последнюю роль здесь сыграли спекуляции на бирже, начатые в Севилье.

Франция, к тому времени самая большая и густонаселенная страна Европы, получает второй шанс стать центром капитализма. Уровень жизни в этой стране повышается, морской флот обретает силу. В 1524 году Джованни да Верраццано — генуэзец, обосновавшийся во Франции, по приказу Франциска I отплывает из порта Онфлёр и первым достигает Гудзонского залива. Тем не менее во Франции нет ни буржуазии, ни морской торговли, ни большого порта на Средиземном или Северном морях, поэтому ей не удается занять место Антверпена. Кроме того, величина государства играет против него: география внешней торговли так широка, что Франции не нужно ни искать рынки для экспорта своей сельскохозяйственной и промышленной продукции, ни производить товары с высокой добавленной стоимостью.

В то же время в Германии и Польше сохраняются феодальный строй и крепостничество. Дворяне, обеспокоенные возникновением буржуазного класса, довольствуются торговлей с несколькими иностранными купцами, которые приобретают у них зерно для Европы. Несмотря на стремительное развитие некоторых портов Балтийского моря, Северная Европа остается в стороне.

Испания тоже получает второй шанс: серебро, а затем золото, поступающее из Америки, обеспечивают этому государству высокий ежегодный доход. Однако имперский уклад здесь силен как никогда: вельможи имеют большую власть, чем купцы, испанские солдаты требуют увеличить жалованье — им нужно покупать товары, которые

не производятся в Испании (ткань, украшения, оружие) и которые закупают в Нидерландах и Италии. Инфляция растет, Кастилия в долгах, денежные ресурсы истощаются, банкиры покидают Мадрид и Севилью. Б 1557 году оба города объявлены банкротами. То же самое происходит с Лиссабоном в 1560-м.

Испанский кризис затрагивает и Антверпен. К тому же Атлантика становится небезопасна для международной торговли.

Единственный подходящий на роль центра средиземноморский порт находится в Генуе, где сформировался рынок золота. К 1560 году именно этот город примерно на полвека становится новым рыночным центром, который явно не решается покинуть породившие его средиземноморские земли.

Генуя, 1560–1620: искусство спекуляций

В XIII веке генуэзские предприниматели поняли, что власть — дело хлопотное. Решение политических вопросов они отдали на откуп двум кланам: Висконти и Сфорца. При этом сами сосредоточились на торговле и финансах. В XIV веке лангобарды становятся банкирами и предоставляют денежные займы под проценты с разрешения Церкви. Среди них много обращенных евреев. В первую очередь банкиры снабжают серебром и золотом европейских принцев, кроме того, финансируют торговлю и текстильное производство Флоренции.

Могущество Генуи основано на бухгалтерском учете, который для этого города стал тем же, чем для Антверпена было книгопечатание, а для Венеции — купеческие галеры. По сути, это стратегическая инновация, обеспечивающая городу власть над рынком. Именно в Генуе Патини, а затем Массари изобрели двойную запись, которая входит во всеобщее употребление благодаря книгам генуэзца Луки Пачоли. Происходит революция в экономике и философии.

Ведь бухгалтерский учет, как и философия, представляет собой искусство взвешивать все за и против. Генуэзская философия строится вокруг фигуры банкира, который рискует и спекулирует, пытаясь предугадать будущее. В Генуе креативный класс находится под влиянием Ицхака Абрабанеля — изгнанного из Испании еврея, и Жана Бодена — француза, который разработал первую концепцию государственного суверенитета и выступил защитником религиозной терпимости.

Первую половину XVI века Генуя находилась под испанским господством, а к 1560 году стала ведущим финансовым рынком Европы и сердцем капитализма. Генуэзские банкиры, контролирующие рынок золота, устанавливают обменный курс всех валют и финансируют французских и испанских королей, итальянских, немецких и польских правителей.

Порт не может быть центром без сельского хозяйства и промышленности. Окружающие Геную земли — самые плодородные в богатейшей Тоскане. Генуя становится лидером металлургической и

шерстяной промышленности и последним отзвуком величия Афин, Рима, Флоренции, Карла V и Филиппа И.

Воды Атлантики снова стали безопасны для мореплавания: в 1579 году, спустя восемь лет после бесполезной победы в битве при Лепанто венецианского и испанского флота под командованием незаконнорожденного сына Карла V над турецким флотом Селима II, испанцев изгоняют из Нидерландов. Новоявленный английский флот, во главе которого стоят Фрэнсис Дрейк и Томас Кэвендиш, грабит испанские корабли, груженные золотом из Америки. В 1588 году непобедимая Испанская армада, неповоротливая и плохо вооруженная, гибнет вблизи английских берегов: точные английские пушки топят две трети испанского флота. Атлантика открыта для купеческих кораблей — генуэзских, голландских, английских и французских, важнейшие торговые пути пролегают именно через нее; она становится новым торговым путем.

В то время как в 1598 году Китай сражается с Японией на территории Кореи, не оккупируя ее (это происходит трижды и становится прецедентом на будущее), Генуя сдает свои позиции: городу не хватает человеческих и финансовых ресурсов для противостояния конкурентам. У Генуи нет войска, чтобы помешать свободным голландцам взять под свой контроль новые торговые пути через Атлантику и перевозить золото и серебро из Америки, чего тщетно добивался Антверпен 100 лет назад. Генуя, как и ее предшественник, ослаблена новым кризисом, начавшимся в Испании. Она теряет свое могущество к 1620 году в результате переворота, укрепившего позиции Амстердама и навсегда отдалившего Средиземное море от торгового лидерства.

В 1620 году центр капитализма перемещается ближе к Атлантике, а Средиземное море отходит на второй план. Окружающие его территории — испанское королевство, итальянские княжества и Южная Франция приходят в упадок. Они навсегда теряют связь с центром торгового уклада. С тех пор уровень жизни на этих территориях ниже, чем в новых государствах.

Нидерланды впереди планеты всей: Соединенные Провинции превосходят Геную и Венецию, уровень жизни здесь в пять раз выше, чем во французском, испанском и английском королевствах.

События развиваются по одному и тому же сценарию: постепенный торговый рост, развитие промышленности, финансов и технологий. В окружении сельскохозяйственных земель образуется современный порт с морским торговым и военным флотом. Сюда приезжают финансисты, судовладельцы, торговцы, первооткрыватели и авантюристы. К власти приходит новый креативный класс — сторонники одновременно дирижизма и свободы. У работников все больше прав, подневольный труд исчезает. Амстердам начинает контролировать добычу сырья и сырьевые рынки. Именно он на протяжении четырех веков будет править мировым рынком.

Амстердам, 1620–1788: искусство управления флейтом

Амстердам становится «центром» и устанавливает новые торговые сети. В его окрестностях выращивают лен, коноплю, рапс, хмель; разводят овец; развивается красильное и механизированное прядильное производство. После пищевого сектора индустриализируется производство одежды. В Амстердаме красят шерсть со всей Европы, включая Англию, несмотря на все протекционистские меры, предпринимаемые английским правительством. В городе располагается производство нового типа водного судна — флейта, изобретенного в 1570 году. Флейт намного рентабельнее своих предшественников, потому что его можно производить серийно, а для управления достаточно экипажа из пяти человек.

В начале XVII века Амстердам становится главным местом производства, продажи и ремонта кораблей. Корабельные мастерские используют подъемные краны и пилы, приводимые в движение силой ветра. Амстердамский флот разрастается, он вооружен лучше, чем флоты других стран: корабли вместимостью 2000 тонн и 800 человек могут перевозить в шесть раз больше товаров, чем все европейские торговые корабли вместе взятые (большую часть зерна, соли и древесины, половину продукции металлообрабатывающей и текстильной промышленности Европы). Голландский военно-морской флот господствует на морских пространствах от Балтики до Латинской Америки, контролирует торговые связи Севильи, куда продолжают прибывать драгоценные металлы из Америки. Вест-Индская компания, биржа и Банк Амстердама превращают Нидерланды в финансовый, торговый и производственный центр. В 1604 году наземные промышленные операции Амстердама финансируют акционерные общества.

Новая торговая форма предлагает новые промышленные товары и использует наемный труд. Богатство концентрируется в руках ограниченного круга лиц. При этом гражданам и потребителям

предоставляется все больше прав и свобод, что порождает возрастающее отчуждение рабочего класса.

Пятый рыночный центр — уже не только город, а целый регион, располагающий промышленностью в Лейдене и верфями в Роттердаме. Буржуазные правители Амстердама контролируют регион и распределение излишков производства, несмотря на разногласия между премьер-министром Голландии и штатгальтером Соединенных Провинций. Люди много работают и иногда голодают, однако рабство здесь давно исчезло. Протестантизм освобождает людей от чувства вины по отношению к богатству: церковь больше не монополизирует человеческую судьбу. Развивается насыщенная общественная и интеллектуальная жизнь, научные сообщества свободно обмениваются идеями, известные университеты принимают иностранцев. В 1650 году Барух Спиноза осмеливается заявить о мире, где Бог растворен в природе и не навязывает никаких правил свободным и одиноким людям.

Остальной мир в изумлении наблюдает за триумфом, который продолжается почти 200 лет: Амстердам — торговый уклад, существовавший дольше других.

Однако учебники истории больше рассказывают о судьбе монархов, чем об истории богатств. В 1644 году в Срединную империю, которая остается ведущей экономической державой мира, вторгаются маньчжурские кочевники. Они свергают династию Мин и основывают династию Цин, переносят столицу в Пекин. Династия Цин правит страной на протяжении 250 лет. В 1643 году французский престол занимает молодой король Людовик XIV. В 1648 году заканчивается Тридцатилетняя война, истощившая Европу: несмотря на показную роскошь двора, у Короля-Солнца нет средств, чтобы соперничать с Соединенными Провинциями. В 1685 году, когда Людовик XIV отменяет Нантский эдикт, доход на душу населения Амстердама в четыре раза выше, чем у парижан. Разрыв становится еще больше, когда Францию покидают протестанты.

Мир меняется: Брюгге — второстепенный городок; Антверпен — пригород Амстердама; Генуя приходит в упадок, как и вся Ломбардия, исключенная из главных торговых потоков; Венеция — прекрасное прошлое в установлении торговых связей с Востоком; Испания отгорожена Пиренеями. Китай потихоньку поднимает голову: в 1683

году император оккупирует остров Тайвань. При этом возникают новые мощные державы: Австрия противостоит Османской империи, в 1689 году на мировую арену во главе с Петром I выходит Россия, а в 1740 году — Пруссия под управлением Фридриха Гогенцоллерна. В 1720 году Китай, где правит династия Цин, завоевывает Тибет, а затем мусульманскую часть Алтая (то, что сегодня называется Синьцзян). 17 миллионов африканцев, проданных в рабство арабскими торговцами, насильно переселяют в португальские, испанские, голландские, английские и французские колонии. На геополитику все больше влияют торговля и экономика, а не королевские династии.

В XVIII веке продолжается триумфальное шествие Нидерландов — первой страны квазидемократии. Для ее соперников это время неудач. Амстердам с населением в 300 тысяч управляет европейской политикой. Его флот контролирует все моря, банкиры устанавливают обменные курсы, а купцы — цены на товары. Самая густонаселенная страна Европы — Франция, — несмотря на кажущееся могущество, терпит поражение за поражением: проиграны морские битвы; дипломатические провалы в Индии, Луизиане, Канаде; финансовое фиаско Джона Ло. В 1714 году французскому дворянству наконец разрешают заниматься торговлей, но буржуазная прослойка Франции не интересуется ни флотом, ни производством. Французская экономика довольствуется лидерством в устаревших производственных отраслях (пищевой, кожевенной, шерстяной) сельскохозяйственного капитализма, не представляющих интереса для торговцев-смельчаков Соединенных Провинций.

В Китае собирают урожай риса три раза в год, население страны увеличивается со 180 до 400 млн и намного превосходит численность населения других стран мира. Китайский император не реагирует на прибытие голландских купцов, намеренных закрепиться в Индийском океане и начать торговлю в Гуанчжоу.

Однако к 1775 году Амстердам приходит в упадок: голландский флот уже не самый могущественный в мире; морские просторы небезопасны; охрана торговых путей обходится все дороже; энергетические ресурсы — древесина, которая также используется для строительства кораблей, — истощаются; красильные технологии не развиваются; морское вооружение не совершенствуется; социальные

проблемы обостряются; заработная плата повышается; шерстяные изделия из Амстердама дорожают.

Урок на будущее

Ни одна империя, даже почитаемая как «вечная», не может существовать вечно.

Европейская буржуазия возмущена и провозглашает идею свободы, развивается национализм. Символ времени: все европейские правители требуют от придворных музыкантов, чтобы оперные либретто были написаны на родном языке страны, а не на итальянском, как прежде. Музыка становится предвестником будущего.

В 1776 году британские колонии в Америке провозглашают свою независимость, в 1781-м французский флот помогает американским повстанцам одержать победу в битве при Йорктауне. В Европе восстают голодающие, и война начинает угрожать всему континенту. Судовладельцы и лучшие финансисты покидают Нидерланды, отправляются в безопасный и растущий Лондон.

Верный признак упадка рыночного центра — наступающий финансовый кризис. В 1788 году голландские банки объявляют себя банкротами. Накануне Великой французской революции «сердце» капитализма пересекает Северное море и обосновывается в Лондоне, где рынок и демократия идут рука об руку.

Лондон, 1788–1890: сила пара

С XVI века Англия лидирует в производстве шерсти, добыче угля и изготовлении стекла. В стране много рек, которые можно использовать в качестве источника энергетических ресурсов. Развивается механизированное производство нового вида текстиля и конкурента шерсти — хлопка, давно известного в Европе и заново открытого англичанами в Индии.

Чтобы заполучить это растительное волокно, по стратегической значимости сравнимое с перуанским золотом и серебром, Британская Ост-Индская компания берет под контроль хлопковые плантации Индии, Северной Америки и Южной Азии. В 1619 году первый английский аванпост обосновался в Сурате, на северо-западе Индии. Чуть позже Ост-Индская компания открывает свои торговые представительства в Мадрасе, Бомбее и Калькутте. В это время английские войска занимаются тем же в Северной Америке. Из своих колоний Англия по очень низким ценам импортирует шерсть, хлопок, шелк, кожу, олово, табак, рис, индиго, а затем перепродает все это в виде готовой одежды и других товаров значительно дороже.

В 1689 году в Лондоне происходит политическое событие огромной важности: английские правители Мария II Стюарт и Вильгельм Оранский (после казни его деда Карла I, по окончании диктатуры Кромвеля Вильгельм, избранный парламентом, вместе с монархией вернулся на трон) наделяют парламент, избираемый буржуазией, правом контролировать ведение государственных дел. После первых шагов, сделанных голландцами, англичане продолжают формировать современную демократию: парламент принимает законы, гарантирует соблюдение прав граждан и разрешает королю собирать армию и вступать в войну. Англия стала первой страной с рыночной демократией.

В том же году и тоже в Лондоне Джон Локк публикует «Трактат о правлении», где говорится о демократическом правительстве, закрепляющем за человеком его естественные и неотчуждаемые права. Рожденный во Франции Монтескье разрабатывает теории разделения властей и политической свободы. Народ сплачивается вокруг идеала

равенства, но различия, неодобряемые демократией, нужны рынку. Греко-иудейский идеал продолжает распространяться по миру.

В XVIII веке благосостояние Великобритании растет, объем внешней торговли увеличивается в шесть раз, доходы от экспорта — в три раза. Страна может себе позволить финансировать модернизацию промышленности. Развиваются новые буржуазный и рабочий классы.

Британские торговцы на удивление быстро и решительно захватывают власть на мировых рынках. В 1734 году английский часовщик Джон Гаррисон по заказу парламента создает морской хронометр (его вес — 32,5 кг). С помощью этого изобретения можно определить точное местоположение корабля и сократить время трансатлантических переходов. В 1757 году Британская Ост-Индская компания берет под контроль Бенгалию и устанавливает очень низкие цены на местный хлопок, в результате чего от голода умирает около 10 млн человек. После трех войн с Голландией англичане, наконец, полностью контролируют моря и, в частности, торговлю южноамериканскими драгоценными металлами, право на которую голландцы отобрали у испанцев 150 лет назад.

В 1776 году Адам Смит издает первую книгу по экономике рынка — «Исследование о природе и причинах богатства народов». Согласно ей, Англия должна отказаться от североамериканских земель, потеряв то, что для нее действительно важно: хлопок и рабов, обеспечивающих низкую стоимость производства. Правительство Уильяма Питта рассматривает сложившуюся экономическую ситуацию в стране, опираясь на доктрину Смита, и в 1786 году Великобритания подписывает договор о свободной торговле со своей соперницей Францией.

В Англии, на первый взгляд непоколебимой, происходят серьезные внутренние изменения: сельская местность оживает с огораживанием общинных земель; благодаря новому закону о бедных дороги становятся безопаснее; старая элита уступает место новому креативному классу — джентри — дворянам без земель, которые выбиваются в управленцы, оставляя позади узкую прослойку аристократии с их земельной рентой. Все англичане платят косвенный налог, а во Франции только треть населения облагается прямым налогом.

Британские военно-морские силы по мощи равны французским, несмотря на то что Англия уступает Франции по численности населения в три раза, а доход на душу населения составляет лишь половину от французского показателя и в пять раз меньше по сравнению с Нидерландами.

В конце XVIII века английскую шерсть все так же окрашивают во Фландрии и Соединенных Провинциях, торговля британской продукцией частично контролируется Голландией.

За 20 лет, с 1790 по 1810 год, когда Европа погрязает в войне и крови, Лондон захватывает власть над миром. И опять, пока одна страна пытается завоевать другую, рынок передает власть третьему государству. Снова происходит невозможное, причем власть как всегда передается от одного города-порта к другому, и происходит это в сельской местности.

Ведь земля по-прежнему — источник всего: пищи, одежды, орудий труда, древесины в качестве сырья для получения энергии и материала для строительства кораблей. Она является основой дохода в виде ренты, за счет которого финансируется производство. В 1768 году Ричард Аркрайт изобретает новый прядильный станок, работающий на энергии падающей воды, что вызывает значительный рост производительности в текстильной промышленности.

Однако Англия еще более, чем Голландия, испытывает острую нехватку энергетических ресурсов: редкие лесные массивы, которыми она обладает, необходимо сохранить для нужд военно-морского флота. А поскольку в Англии нет высоких гор, соответственно, нет и бурных потоков.

В поисках энергетических ресурсов «новое дворянство» — джентри — решает использовать инновацию француза Дени Папена — паровую машину, которую дорабатывает англичанин Джон Уатт. С ее помощью англичане сначала добывают уголь, а затем используют в качестве двигателя для новых ткацких станков, изобретенных Эдмундом Картрайтом в 1785 году. Объемы хлопкопрядильного производства увеличиваются в 10 раз за 10 лет. Настоящий триумф машин! Доходит до того, что в 1812 году в Англии за уничтожение станка человека приговаривают к смертной казни.

Урок на будущее

Дефицит толкает на поиск новых богатств. Дефицит — это благословение для амбициозных.

Еще один урок

Не важно, кто изобрел; важно, кто первым применил новую технологию в культурном и политическом контексте.

Франция в очередной раз могла бы посоперничать с Англией. К 1780 году у нее уже есть инженеры, рынки, технологии, интеллектуальная свобода. Но нет ни большого порта, ни эффективного флота, ни иностранных элит, ни интереса к промышленным станкам. Несмотря на идеи Просвещения, Франция остается под властью помещиков-бюрократов, которые живут за счет земельной ренты и не стремятся к инновациям. Французская монархия предпочитает делать пакости английской монархии, поддерживая независимость американских колоний, нежели тратить силы на развитие промышленности. К 1778 году Франция истощена непрекращающимися войнами и засухой, в Париже наступает финансовый, а затем и продовольственный кризис.

Начиная с 1789 года из Франции, озабоченной только революцией и освобождением Европы от имперского гнета, бегут немногочисленные торговцы. В 1797 году по приказу генерала Бонапарта от власти отрекается последний из 120 венецианских дожей, а в Лондон переезжают оставшиеся французские финансисты.

Несчастье одной страны становится шансом для другой: Французская революция закрывает для Англии выход на континентальный рынок, что заставляет британских торговцев мыслить масштабнее. Небольшая островная страна, обладая самым могущественным флотом в мире, но едва ли превосходящая по численности населения Ирландию и такая же бедная, увлекается амбициозным проектом производства для мирового рынка. Теперь безопасный Лондон управляет главными европейскими капиталами: за 20 лет фунт сменяет голландский флорин и становится мировой торговой валютой.

В это время новое государство — США — принимает миллионы иммигрантов, не раздумывая бегущих из раздираемой войнами Европы на земли, с которых постепенно вытесняют коренных жителей. Это

идеальное место для строительства рыночной демократии без рантье и синьоров — с одними торговцами.

В 1803 году французы готовятся к высадке в Англии, Наполеон переводит экономику страны на военные рельсы и продает Соединенным Штатам за 15 млн долларов Луизиану. В 1804 году император отказывается от нововведения, предложенного ему американским инженером Робертом Фултоном, — парового двигателя для корабля, не видя его практического применения для военных целей. 1807 год знаменуется битвами при Прейсиш-Эйлау и под Фридландом; в этом же году возвратившийся в Америку Фултон строит первый пароход «Клермонт». Англичане мгновенно перенимают новшество. В 1814 году в разгар войны с агонизирующей Французской империей Стефенсон создает в Лондоне первый локомотив. У истории своеобразное чувство юмора: страна, обладающая самым могущественным флотом, осуществляет переворот в наземном транспорте.

С окончанием наполеоновских войн европейский континент снова открывается для английских товаров. К этому времени Лондон — уже огромный город, в котором проживает четвертая часть населения всей Англии. Здесь в 1815 году образуется первая межгосударственная финансовая структура, начало которой было положено еще во Франкфурте, — Банк Ротшильда. За счет европейских займов финансируется черная металлургия, строительство железных дорог и металлических кораблей в Англии. В 1821 году в пригороде Лондона строят первую ветку железной дороги.

В 1825 году, впервые за всю историю, в Великобритании добавленная стоимость в промышленности превышает добавленную стоимость в сельском хозяйстве (такое явление повторится лишь в Пруссии в 1865 году, в США — в 1869-м и во Франции — в 1875-м). В начале XIX века население Британии тратит на еду 90 % своих доходов, к 1855 году — около 70 %, при этом удваивается доля расходов на одежду.

В период с 1800 по 1855 год себестоимость английских хлопчатобумажных тканей уменьшается в пять раз, а их производство увеличивается в 50 раз. В 1800 году хлопчатобумажные ткани составляют треть английского экспорта, а к 1855 году — уже половину.

К 1855 году рабочий класс становится третьим по численности после крестьян и прислуги. Несмотря на то что три четверти рабочих английской текстильной промышленности — дети и женщины, у большинства женщин нет работы и они занимаются домом, как правило, ведя как бы сельский патриархальный образ жизни в городе. Содержание дома — главная стратегическая функция, влияющая на рентабельность экономики, которая частично будет индустриализирована полвека спустя.

Эффективность рыночного центра налицо: в 1820 году британские налоги составляют третью часть национального дохода, в 1860 году — лишь десятую.

Как и пять предшествующих, шестая форма рыночного уклада превращает новые блага в промышленные товары, новых крестьян — в наемных работников. Богатство сосредоточивается у ограниченного круга лиц. Самыми большими преимуществами обладают потребители и горожане. Работники находятся в ситуации возрастающего отчуждения.

Пролетаризация крестьянства, начавшаяся с огораживания, ускоряется. Чтобы контролировать передвижения рабочих и революционеров, вводятся удостоверения личности: отныне работающие представляют такую же опасность, как и безработные. Их условия труда хуже, чем у крестьян и ремесленников. В городе каждый третий ребенок умирает от голода или болезней, не достигнув возраста пяти лет. Так случилось и с тремя детьми политического беженца Карла Маркса, высланного из Германии в Лондон из-за провала революции 1848 года.

Технический прогресс ускоряется. В 1850 году пароходы заменяют парусные суда, используются для пассажирских, торговых и почтовых перевозок. Телеграф позволяет оперативнее передавать информацию. И пароходы, и телеграф активизируют процесс глобализации, запущенный рыночным строем. Отныне весь мир находится в пределах досягаемости армий, коммерсантов и первых туристов.

Демократия прогрессирует вместе с рынком: в Великобритании, как во Франции и некоторых других странах Европы и Америки, постепенно увеличивается количество граждан, имеющих право голоса.

Урок на будущее

Авторитарное государство создает рынок, который, в свою очередь, создает демократию.

Впервые центр рыночного уклада находится в столице империи, обладающей политическим и военным господством. Нидерланды приходят в упадок, Франция и Германия идут вслед за Англией; после открытия золотых месторождений в Калифорнии к ним присоединяется и Америка. Рыночный строй проникает дальше в Азию: с 1857 года британские войска приходят на смену Ост-Индской компании и напрямую контролируют Индию. В 1860 году английская армия заливает Китай кровью и огнем, чтобы установить контроль над торговлей опиумом из Гонконга и другими концессиями. Восемь лет спустя Япония, не желающая повторять судьбу Китая, решает подражать Западу и проводит кардинальные изменения, превращая в своих крепостных городских рабочих.

В 1869 году открывается Суэцкий канал. Теперь британские солдаты и коммерсанты могут еще быстрее добираться до Востока, еще стремительнее уничтожать текстильную промышленность Индии и под предлогом свободной торговли насаждать британские порядки.

Лондон — место встречи всех мировых инноваторов, изобретателей, промышленников, первооткрывателей, финансистов, интеллектуалов и артистов, от Диккенса до Маркса, от Дарвина до Тёрнера.

Но постепенно Англия устает от роли лидера, страна боится больших скоростей: в 1865 году в Англии издается «Закон о локомотивах», согласно которому для поездов в городской черте допустима скорость 2 мили в час, а в сельской местности — 4 мили в час.

В результате гражданской войны в Америке исчезает рабство, а цены на хлопок, который Англия закупает в южных штатах, повышаются. Мировому финансовому центру — Сити (который пребывает в этом статусе с 1790 года) угрожают новые американские банки, а фунту угрожает доллар. Чтобы оставаться на уровне, английским банкирам приходится поддерживать рентабельность своих финансов с помощью спекуляций.

С 1880 года прусские, французские и американские соперники становятся настойчивее: новые технологии и открытия создают в Лондоне «пузырь», спровоцировавший банковский крах Сити в 1882 году.

Урок на будущее

Финансовое банкротство ознаменовывает конец центра.

Впервые никто из европейских портов или государств не готов занять место Лондона. Даже Пруссия, объединившая всю Германию, и сильная Франция, которая всегда претендовала на это место.

«Сердце» капитализма продолжает свой путь на Запад, начатый в XIII веке, и пересекает Атлантический океан: после 100 лет господства Лондон уступает место Бостону.

Бостон, 1890–1929: машинный бум

Лошадь дала Центральной Азии преимущество перед Месопотамией. Изобретение кормового руля вернуло лидерство Европе. С помощью купеческих галер Венеция заняла место Брюгге. Книгопечатание принесло успех Антверпену. На каравеллах была открыта Америка. Лондон восторжествовал с паровым двигателем. Новый источник энергии (нефть), новая движущая сила (двигатель внутреннего сгорания) и новый промышленный товар (автомобиль) перемещают центр рыночного уклада в Америку, в город Бостон.

Появляются более быстрые способы транспортировки энергии и передачи информации, ускоряется ход истории.

На смену лошади, карете, дилижансу и железной дороге приходит машина — продукт массового производства, предназначенный для личного пользования.

В третий раз у Франции появляется возможность стать «сердцем» капитализма: она имеет превосходную сеть дорог, унаследованную от монархии, и находится в авангарде инновационно-технологического движения. Именно француз по имени Альфонс Бо де Роша в 1862 году создает прообраз автомобиля, оснащенный двигателем внутреннего сгорания.

Тем не менее новым рыночным центром становится Америка: Европа и, в частности, Франция считают автомобиль всего лишь заменой кареты, чуть более комфортным. В свою очередь, американские переселенцы, привыкшие быть в пути со времен завоевания Запада и озадаченные проблемой сокращения времени на дорогу, к тому же убежденные индивидуалисты, не желающие ездить в поездах, и предприниматели по натуре, превращают автомобиль в продукт широкого потребления. В США нет ремесленнической традиции, поэтому там легче ввести конвейер, необходимый для массового производства.

Бостон — первый центр американского капитализма.

В XVII веке пуритане, выходцы из Англии, заявляют, что разбогатеть — значит доказать, что ты являешься божьим

избранником. Другими словами, богатеть — достойное занятие, и хвалиться своим состоянием этично.

Бостон становится главным портом Америки, занимаясь экспортом рома, рыбы, соли и табака. В начале XIX века северо-восточная часть США превращается в самый большой промышленный центр на материке: здесь производят одежду, обрабатывают кожу, выпускают машины; процветает рыбный промысел (в 1855 году все обеспокоены нехваткой животного жира, в частности для освещения, из-за исчезновения китов). В регионе появляется все, что необходимо центру: банки — в Нью-Йорке, флот и промышленность — в Бостоне и Чикаго, а также Балтиморе, Детройте и Филадельфии. Множество инноваций, пришедших из Европы, получают в США развитие и находят применение. Например, электрическая лампочка и граммофон Томаса Эдисона. Телефон, изобретенный итальянским эмигрантом, продавался в США уже в 1877 году, то есть на два года раньше, чем во Франции.

У США нет ни одного потенциального соперника на континенте. Америка может вмешиваться в мировые дела, не подвергая опасности свои территории. Очень быстро она берет под контроль всю Латинскую Америку и часть Азии — от Филиппин до Кореи.

Рыночный уклад всегда внедряется там, где оседлое прошлое не препятствует мобильности, а буржуазия приходит к власти, не уничтожая дворянство.

С 1880 года вся Северная Европа, от Исландии до Польши, находится в состоянии экономической рецессии. Плюс наблюдается экономический кризис в Англии. Это порождает самое масштабное переселение народов в истории с начала эпохи оседлого образа жизни. С 1880 по 1914 год 15 млн европейцев (пятая часть населения континента), забрав с собой треть мировых сбережений, иммигрируют в Америку. Это как если бы сегодня все население Франции, Бельгии и Нидерландов покинуло Европу в течение 35 лет!

Благодаря долгой и упорной социальной борьбе новый американский рабочий класс получает нормальную зарплату, на которую можно купить базовые товары — продукты и одежду. Обогащается и буржуазия — клиенты зарождающейся автомобильной индустрии.

Теперь все будет вращаться вокруг этой промышленности — инструмента новой личной свободы. И все будет выстраиваться вокруг новой бостонской буржуазии, хорошо описанной Генри Джеймсом и изображенной на полотнах Джеймса Уистлера.

С 1880 года двигатель внутреннего сгорания используется в Америке для станков (21 год спустя после его изобретения во Франции в 1859 году). В 1890 году его начинают устанавливать на автомобили и первые аэропланы. В 1897 году в Бостоне открывается первое метро Северной Америки. В 1898 году в США производят уже 50 марок автомобилей. С 1904 по 1908 год создается еще 241 марка. Среди производителей — предприятие Генри Форда, основанное в 1903 году в Детройте. Инженер Форд, в начале своей карьеры работавший в осветительной компании Томаса Эдисона, за первый год продает 1700 машин.

На автомобильную промышленность работает вся страна: в северных штатах осуществляется добыча стали, открываются новые шахты, строятся стекольные заводы и создаются нефтеперерабатывающие компании; в южных — прокладываются дороги, развивается торговая и банковская сети. На конвейерном производстве намечается новая форма отчуждения рабочих.

Тем не менее в 1907 году французские производители по-прежнему лидируют на мировом рынке автомобилей: за этот год они выпустили 25 тысяч машин (в США — столько же, в Англии — в 10 раз меньше). Французские автомобили составляют две трети от общего числа машин, продаваемых по всему миру.

Ситуация меняется коренным образом между 1908 и 1914 годом: США начинают использовать привод модели «Т», что позволяет вдвое снизить стоимость производства автомобиля. Во Франции, находящейся под влиянием идей старого режима, автомобильная индустрия рассматривает машины как предметы роскоши и делает их в форме карет. Когда в Париже появляется первый массовый рынок такси, Луи Рено и его рабочие, бывшие служащие на производстве фиакров, отказываются серийно изготовлять такие машины.

В 1914 году Франция производит уже в 11 раз меньше автомобилей, чем Америка, несмотря на то что семь лет назад страны производили равное количество машин. Форд выпускает 250 тысяч автомобилей и контролирует половину американского авторынка.

Англия, погрязшая в финансовом кризисе, делает всего 34 тысячи машин в год, Германия — 23 тысячи, Франция — 45 тысяч, а США — 485 тысяч. Все очевидно.

Пальма экономического первенства переходит к американской нефтяной и автомобильной промышленности. Мировой рынок становится более открытым. Вместе с ним развивается демократия. К 1912 году около 12 % общемирового ВВП приходится на экспорт. Годом позже исчезает последняя китайская династия Цин, и в Китае провозглашается республика.

Иногда сильный экономический рост приводит к соперничеству за право контролировать рынки и источники сырья. В 1914 году начинается война, и границы снова закрываются. Будто английские, французские и немецкие коммерсанты устали бороться за власть, которая на самом деле давно уплыла из их рук. Нефть превращается в своего рода оружие и стиль послевоенной жизни: в то время как миллионы людей гибнут в окопах, в мае 1916 года подписывается соглашение Сайкса-Пико, согласно которому сферы интересов на Ближнем Востоке разграничены между двумя главными европейскими государствами. В ответ на телеграмму Циммермана, в которой немцы объявляют США беспощадную подводную войну и предлагают Японии и Мексике к ним присоединиться, Америка вступает в военный конфликт. Первая мировая война заканчивается эпидемией гриппа («испанкой») и коммунистической революцией в России и Германии, что только ускоряет процесс перехода мировой власти к США. Происходящее напоминает историю наполеоновских войн, которые были на руку Великобритании.

Урок на будущее

Победителем в войне оказывается тот, кто в ней не участвовал или, как минимум, не имел военных действий на своей территории.

Пока Европа в упадке, восточное побережье США, от Вашингтона до Чикаго и от Нью-Йорка до Бостона, укрепляет позиции на мировой арене. Автомобильная промышленность торжествует. Появляются радио и электрический двигатель. В 1919 году подписан Версальский мирный договор, экономическую часть которого, главным образом,

составили американские финансисты. Он заново перекраивает Европу, разделяя Оттоманскую империю на мелкие неуправляемые части, признает СССР и обязывает Германию выплатить огромные репарации. Всемогущий американский президент даже пытается ввести законы, предотвращающие новые войны. Это приводит к созданию Лиги Наций — зародыша призрачного мирового правительства.

В Америке и Европе производственные издержки растут, зарплаты повышаются, а чистый доход уменьшается. Будущее туманно, спрос падает, инвестирование прекращается и происходит всплеск безработицы. При этом усиливается протекционизм и ощущается все меньше свободы. В 1928 году главные нефтяные компании, так называемые «семь сестер», образуют картель, что приводит к повышению цен на бензин, падению уровня производства в автомобильной промышленности, началу Великой депрессии и концу седьмой рыночной формы. Восьмая не за горами.

Нью-Йорк, 1929–1980: триумф электричества

Рождение восьмого «сердца» капитализма, как и предыдущих семи, обусловлено совокупностью культурных, политических, социальных и экономических условий, заменой бесплатных и платных услуг новыми товарами серийного производства: появляются бытовые электроприборы, выполняющие обязанности домохозяек и домашней прислуги.

Кризис восьмой формы рыночного уклада предрешен задолго до ее начала: электричество совершает свое триумфальное шествие с конца XIX века.

Урок на будущее

Время, отделяющее инновацию от момента ее создания до распространения, составляет примерно полвека.

В 1889 году Никола Тесла изобретает электродвигатель, который используют для повышения производительности старых сельскохозяйственных машин, автомобильного производства и станков. Благодаря Томасу Эдисону его также применяют для уличного освещения: в конце XIX века главные американские города обзаводятся фонарями, и на улицах становится безопаснее. В 1906 году федеральное правительство принимает решение о создании национальной электросети.

Затем появляются лифты, небоскребы, развивается вертикальный урбанизм, главным архитектором которого становится Фрэнк Ллойд Райт. Электродвигатель опосредованно влияет на сельскую миграцию и уменьшение размера семьи. Новая продукция массового потребления (ванны, умывальники, стиральные машины, холодильники, кухонные плиты, радио, телевизоры) призвана выполнять часть домашней работы (мыть, хранить, готовить и развлекать) в тесных квартирках.

Америка идеально подходит для таких изменений. Женские журналы и феминистское движение подготавливают женщин к обретению статуса потребительниц. Реклама беспрестанно напоминает дамам об их так называемой особой связи с порядком в доме: под предлогом «освобождения» женщины рынок создает ее отчуждение.

Восьмая рыночная форма, как и предшествующие, превращает новых крестьян и ремесленников во временных работников. Богатство как всегда сосредоточено в руках ограниченного круга лиц. В положении женщин происходят коренные изменения. У граждан и потребителей появляется все больше прав и свобод, а степень отчуждения трудящихся растет.

В 1910 году был изобретен вентилятор, затем радиоприемник, который поначалу служит военным целям. В 1920 году появляются первые стиральные машины и холодильники. В половине американских домов проведено электричество и есть водопровод, иногда газ. Ванные комнаты становятся элементом комфорта, который не может позволить себе средний класс. В Америке принимается федеральный закон о гидроэнергетике, контролирующий источники гидравлической энергии. В 1921 году американская промышленность производит 2,5 млн сантехнических устройств, к 1925 году эта цифра удваивается. К 1930 году уже 80 % американских домов электрифицированы. Производство сантехники, пошедшее на спад из-за кризиса 1929 года, в 1941 году приближается к цифре в 3,5 млн. Несмотря на Великую депрессию, продажи телевизоров и холодильников растут. Постепенно бытовые приборы заменяют прислугу, которая в большинстве своем представлена неграми, воспринимаемыми как наследники освобожденных рабов: численность прислуги уменьшается с 4 млн в 1920 году до 300 тысяч в 1940 году. Растет число безработных. В 1935 году конгресс голосует за принятие закона о холдинговых компаниях в коммунальном хозяйстве, направленного на снижение цен на электричество, чтобы люди в больших городах имели возможность использовать новые приборы.

Восьмой рыночный уклад, ориентированный на небольшие семьи, прекрасно отражает американскую жизненную логику, которая находит свое место и в Европе, совпадая с установками диктаторских режимов Италии, Испании и Германии: семья лежит в основе фашистских и нацистских проектов. В 1935 году промышленное производство Германии по своим показателям превышает французское, английское и американское. С 1933 по 1938 год Германия в три раза увеличивает производство стали, цемента и алюминия. Ей нужны рабочие, нефть, сырье и сельскохозяйственные земли, ей недостаточно торговых связей для получения всего необходимого,

поэтому она выбирает войну. Советская модель, на первый взгляд, тоже преуспевает в построении военной экономики, хотя никто не может проверить данные, опубликованные пропагандистскими органами СССР.

Война, во второй раз начатая Германией, снова «помогает» Америке, чувствующей себя в безопасности на своей территории, взять под контроль технологии, промышленность и финансовую сферу, центр которой отныне располагается в Нью-Йорке.

Энергетические ресурсы играют ключевую роль: чтобы захватить кавказские нефтяные месторождения, Гитлер рвется к Сталинграду, нарушив германо-советский пакт, обеспечивавший Германию нефтью для ее первых побед. США перекрывают доступ к нефти Японии, а та, в свою очередь, в декабре 1941 года атакует Пёрл-Харбор. В феврале 1945 года возвращающийся с Ялтинской конференции президент Рузвельт легким росчерком пера лишает Великобританию контроля над Саудовской Аравией, где находятся главные мировые запасы «черного золота».

Из Второй мировой войны, унесшей 50 млн жизней (в пять раз больше, чем Первая мировая), мир выходит совершенно другим: ядерное оружие, последствия холокоста, дележ Ближнего Востока на 10 государств, торжество коммунизма. В одной части мира, включая государства с фашистским и нацистским прошлым, воцаряется восьмая рыночная форма, а другая — от Будапешта до Пекина — становится зоной влияния СССР. Между недавними союзниками начинается холодная война.

На этот раз новая рыночная форма образуется вокруг Нью-Йорка и электричества. Это уже второе «сердце» капитализма на территории Америки. И не последнее!

В 1945 году электрификация, семейные пособия, жилищные субсидии порождают массовый спрос на бытовую технику, появившуюся еще в 1920 году. Мировая экономика оживает.

Благодаря электродвигателю за 20 лет (с 1945 по 1965 год) Нью-Йорк превращается в самую большую мировую метрополию. Цены на бытовые электроприборы снижаются в пять раз, а их производство увеличивается в десятки раз. Создаваемые объекты потребления ускоряют развитие рынка, направляя его к кочевничеству, новому уровню личной свободы: в 1947 году в связи с изобретением батареек

и транзистора появляются переносные радиоприемники и проигрыватели. Теперь молодежь может танцевать не на балах и без родительского надзора. Молодые сексуально раскрепощаются, слушают музыку от джаза до рока и погружаются в мир потребления, желания и протеста.

Урок на будущее

Новые технологии и сексуальность тесно связаны с развитием рыночного строя.

В то время как самые бедные американцы в гетто активизируются, средний класс экономит. При этом растет число организаций, которые побуждают людей тратить свои накопления: банки, страховые компании, рекламные, маркетинговые и медиа-агентства. С 1954 по 1973 год количество банковских займов, выданных населению, увеличивается в пять раз.

С 1959 по 1973 год ВВП США вырос на 3 %. Обескровленные Второй мировой войной Великобритания, Франция и Германия восстанавливают железнодорожные пути, частично при американском содействии. ВВП Японии на душу населения поднимается с $300 в 1956 году до $12 000 в 1980-м. Весь мир, за исключением Европы, находится под контролем США либо СССР: когда в 1954 году иранский премьер-министр Мохаммед Мосаддык национализирует нефтяные месторождения, его мгновенно свергают в результате государственного переворота, организованного ЦРУ. Международный консорциум, состоящий из французских, голландских, британских и американских компаний, берет под контроль нефтяную промышленность Ирана. В 1956 году по приказу Никиты Хрущева советские танки входят в Будапешт, причем Запад на это никак не реагирует. Сохраняется прежний порядок.

Затраты рыночного центра на оборону и полицию для гетто увеличиваются. Столкновения американцев и коммунистов в Корее и во Вьетнаме демонстрируют уязвимость капиталистической сверхдержавы в военном и финансовом плане.

Западные государственные и частные службы, деятельность которых нельзя автоматизировать, требуют все больших затрат. Попытка автоматизации работы «белых воротничков» заканчивается

неудачей, производительность труда и рынки капитала стагнируют, а расходы на военные и социальные нужды растут. Рентабельность капитала снижается. Займы охотнее предоставляют предприятиям традиционного сектора промышленности, а не инновационного типа; общественным иностранным заемщикам, а не национальным частным; крупным фирмам, а не мелким предприятиям. В черную металлургию не инвестируется и половина средств, необходимых для противостояния Японии и Корее.

В 1973 году рост цен на сырье, в частности на нефть, приводит к уменьшению чистого дохода трудящихся, при этом уровень производства и спрос остаются прежними. Накопления тают, долги растут. Инфляция уменьшает цену заемного капитала. Соответственно, сокращается размер внешнего долга, что, в свою очередь, еще больше ускоряет инфляцию. Наблюдается рост безработицы, обнищание населения, всплеск преступности.

В 1980 году Америка теряет лидирующие позиции на экспортном рынке автомобилей, а доля США на мировом рынке станков уменьшается с 25 % в 1950 году до 5 % в 1980 году. Япония, наоборот, увеличивает свою долю с 0 до 22 %. Внешний долг Америки растет, превышая ее иностранные активы. Чтобы покрыть внешний долг, американское правительство закрывает глаза на широкое использование доллара иностранными кредиторами. Нью-Йорк — уже не единственный финансовый центр мира. Лондонский Сити, где эмигрант из Германии Зигмунд Варбург запускает займы в евродолларах и публичное предложение на покупку акций, понемногу возвращает свои позиции. Япония скупает американские предприятия и недвижимость, становится главным кредитором США. Америка для Японии — то же самое, что Польша для Фландрии в XVIII веке — богатые закрома.

Многие полагали, что однажды Токио станет центром рыночного уклада. Для этого у Японии было всё: финансовое влияние, дирижизм, технологии, промышленное превосходство и дефицит, толкающий к развитию. Но она не смогла решить проблемы своей банковской системы, взять под контроль «финансовый пузырь», предотвратить ревальвацию национальной валюты, повысить производительность труда государственных служб и «белых воротничков». Япония не стремится ни привлечь мировые элиты, ни стать оплотом

индивидуализма (что крайне важно для рыночного центра), ни выйти из-под американского влияния.

В Калифорнии тем временем — новый технологический бум. Крупные предприятия автоматизируют административные процессы, в чем не преуспела восьмая рыночная форма. В итоге производительность увеличивается в разы.

Экономический и геополитический центр мира продолжает путь с Востока на Запад. Отправившись из Китая более 5 млн лет назад, пройдя Месопотамию, миновав Средиземное и Северное моря, целый Атлантический океан, он, наконец, обосновывается на берегах Тихого океана.

Лос-Анджелес, 1980-?: калифорнийский номадизм

В девятый раз — на сегодняшний день в последний — «сердце» капитализма перемещается туда, где креативный класс, пользуясь благоприятными политическими и культурными условиями, превращает новейшие технологические достижения в продукцию серийного производства. Рыночный уклад и демократия распространяются. Увеличивается число рыночных демократий.

Девятая форма, в условиях которой мы сейчас живем, творит историю на ходу. Присмотримся к ней.

Новый рыночный центр возникает в 1980 году в Калифорнии — штате размером с Италию. На территории от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса и от Голливуда до Силиконовой долины проживает 36 млн человек (каждый восьмой американец). Это неслучайно: именно здесь когда-то обнаружили золотые месторождения, появились киноиндустрия и нефтяная промышленность; здесь собираются предприимчивые американцы и организуют производство электроники и авиационной техники; здесь располагаются одни из лучших университетов, важные научно-исследовательские центры, знаменитые виноградники; сюда съезжаются талантливейшие представители индустрии развлечений, великие музыканты, разработчики информационных технологий. На этом пространстве, от мексиканской до канадской границы, все приходит в движение, рождается невероятный вкус к жизни и ко всему новому.

Офисная деятельность сильно влияет на мировую производительность, поэтому на первый план выходит задача автоматизации процессов обработки данных. В 1920-х годах появляются электрические перфокарточные машины; в 1940-х годах — первые компьютеры на транзисторах, предназначавшиеся для военных целей; в 1971 году — «младший брат» транзистора, микропроцессор компании «Интел», основанной Гордоном Муром (небольшой кремниевый квадратик, на котором умещаются тысячи, миллионы и миллиарды единиц информации). Начинается серийное производство

компьютеров. И все это — звенья одной длинной цепи инноваций, которой в XVII веке во Франции положил начало Блез Паскаль.

В 1973 году компьютер приходит на смену электрическим перфокарточным машинам. Растет производительность разных служб и промышленности. Начинается эпоха оргтехники.

С появлением новых калифорнийских предприятий снижаются коммерческие и общехозяйственные расходы. Передовые технологии позволяют банкам автоматически использовать малейшие несовершенства рынка, производить миллионы транзакций одновременно, развивать финансовые инструменты и механизмы хеджирования рисков: финансовая и страховая сферы достигают промышленных масштабов.

Вся власть оказывается в руках одного центра, который индустриализирует финансовые и административные услуги. Футурологи прогнозировали возникновение постиндустриального общества, но все происходит наоборот: начинается индустриализация услуг, превращающихся в новую индустриальную продукцию.

На рынке появляются новые объекты потребления (новая рыночная форма отводит им ту же роль, что две предыдущие отводили автомобилям и бытовой технике): предметы номадизма, или мобильные устройства[2] — миниатюрные приспособления, которые позволяют хранить, обрабатывать, передавать информацию (звук, изображение, данные) на очень большой скорости.

Почему «предметы номадизма»? Кочевники (номады) всегда берут с собой в путь лишь те вещи, которые помогают им выжить во время путешествия. Первой такой вещью, несомненно, был острый камень, затем — талисман, огонь, одежда, обувь, орудия труда, оружие, украшения, реликвии, музыкальные инструменты, лошади, папирус. Затем появляется книга — первый номадический предмет серийного производства, позднее — миниатюрные и портативные предметы оседлой жизни: часы, фотоаппарат, радиоприемник, проигрыватель, видеокамера, магнитофон. Наконец, изобретают другие устройства для обработки информации.

В 1976 году калифорниец Стив Джобс создает Apple-1 — персональный компьютер с простым интерфейсом. В 1979 году японцы выпускают в продажу первый номадический предмет с

квазиномадическим названием — кассетный плеер Walkman, который изобрел немец Андреас Павел.

Люди входят во вкус предметов номадизма, точнее, их образов: заводят домашних животных, играя роль квазипастухов, отчасти подражая кочевникам, отчасти — рыцарям в сопровождении игрушечного войска. Так они приобретают хорошую компанию в мире непостоянства и непорядочности без присущих путешествиям угроз.

В 1981 году во Франции создают Minitel, а американский лидер промышленной информатики, компания IBM, без особой надежды на удачу запускает в серийное производство собственный персональный компьютер IBM 5150. Он оснащен микропроцессором «Интел» и программным обеспечением MS-DOS, созданным компанией Microsoft. Его вес — 12 кг, он в 32 тысячи раз менее мощный и в 12 раз более дорогой, чем новейшие персональные компьютеры 2009 года выпуска. Тем не менее его ждет невероятный успех: вместо прогнозируемых двух тысяч экземпляров IBM продает миллион. Десять лет спустя Microsoft становится одной из пяти крупнейших компаний мира. К 2009 году продано 271,1 млн персональных компьютеров и больше 1 млрд компьютеров используется населением.

В это же время появляются два важнейших атрибута современного номадизма — мобильный телефон и Интернет. Как и компьютер, они постепенно завоевывают рынок и одерживают блестящую совместную победу. Домоседам они заменяют путешествия, а для кочевников это средства связи друг с другом и с оседлыми жителями. Мобильный телефон и Интернет дают всем нетерриториальный адрес (номер мобильного телефона и адрес электронной почты).

Первый мобильный невоенный телефон появляется в Великобритании в 1970 году. Сначала ему нужна выделенная частота и тяжелая портативная батарея, но постепенно объем передачи данных в сотовой сети увеличивается, а батареи значительно уменьшаются. За 30 лет мобильный телефон покоряет мир. Это самый большой коммерческий успех всех времен и народов: в 2009 году мобильные телефоны имели 3 миллиарда человек (две трети населения планеты Земля).

Параллельно разрабатывается технология, позволяющая соединить два компьютера между собой с помощью телефона.

Интернету понадобится 30 лет, чтобы захватить мир. История его развития тоже интересна. В августе 1962 года Массачусетский технологический институт — престижное высшее учебное заведение, расположенное недалеко от Бостона, публикует исследования, в которых описаны возможные взаимодействия в сети компьютеров, соединенных посредством телефона. В 1965 году тестируется первое соединение между одним компьютером, находящимся в Массачусетсе, и вторым — в Калифорнии. В 1969 году по приказу Министерства обороны США создается сеть Arpanet для обмена электронной информацией по конфиденциальному каналу. В 1979 году американские студенты формируют первые новостные группы, чтобы обмениваться данными через компьютеры, подключенные к сети из научно-исследовательских центров и университетов. В 1981 году Arpanet появляется в Европе. С этого же года известен протокол TCP/IP и само слово «Интернет». В 1983 году запускается первый сервер, генерирующий имена для сайтов. К 1984 году уже тысяча компьютеров подключены к Сети, а в 1989 году Интернет становится доступен широкой публике и появляется электронная почта. В 1990 году британский исследователь Тим Бернерс-Ли, работающий в Европейском совете по ядерным исследованиям (ЦЕРН) в Женеве, изобретает язык HTML для всех участников, подключенных к данной сети. Он организует сообщество тех, кто пользуется сетью, и называет ее Всемирной паутиной. 6 августа 1991 года запускается первый веб-сайт по адресу http://info.cern.ch/.

Урок на будущее

Важнейшие инновации рыночного строя — это результаты исследований, оплаченных государственными фондами и преследующих свои собственные цели.

Повышается производительность служб: появляется программное обеспечение для коммерческого управления, электронная почта и электронная торговля, начинается обмен финансовыми данными. В 1992 году к Сети подключен уже миллион компьютеров, эта цифра увеличивается с 10 млн в 1996 году до 1 млрд в 2009-м.

Когда-то Интернет был чем-то вроде нового виртуального континента, который нужно было исследовать, заселить и с которым

требовалось наладить торговые связи. Предприятия, выпускающие программное обеспечение, превращаются в самые влиятельные компании мира: Microsoft, AOL, Oracle, Google. Все они находятся в Калифорнии. В 1998 году объемы интернет-продаж превышают объемы продаж авиа- и телекоммуникационных компаний. Интернет расширяет возможности мобильного телефона, который превращается в видеопроигрыватель, фотоаппарат, телевизор, блог. В 2004 году компания Apple приходит к выводу, что прибыль приносят мобильные устройства, а не циркулирующая между ними информация, бесплатная для большинства пользователей: iPod заменяет плееры, продажи новинки достигают 100 миллионов.

Развивается сфера видеоигр, в которых соединяется человеческое любопытство и приключения. Сначала создаются игры для одного человека, затем в Интернете появляются многопользовательские ролевые онлайн-игры, стремительно набирающие популярность: в 2009 году 100 млн человек играли в онлайн-игры и купили виртуальных товаров на сумму, превышающую $1 млрд.

За 2009 год в Интернете были совершены финансовые операции на сумму $4000 млрд, что составляет 10 % мирового ВВП и чуть меньше половины ВВП США.

Интернет ускоряет развитие финансовых услуг; соотношение между финансовым и реальным секторами экономики резко увеличивается — с двух в 1970 году до пятидесяти в 2009-м. В 2009 году объем международных финансовых операций был в 80 раз больше объема международной торговли по сравнению с 3,5 раза в 1997 году. Получается, что ежегодный объем международной торговли — это 4,3 дня транзакций на валютном рынке, рынке ценных бумаг и опционов.

Страховой рынок развивается за счет хеджирования основных рисков главных рынков и создания специализированных продуктов, таких как CDS, где любой может выступить в роли страховщика. В 2009 году доля индивидуального и имущественного страхования составила 15 % ВВП США и 7,5 % общемирового ВВП ($3700 млрд по сравнению с $2000 млрд, затраченными на электроэнергию в 2005 году). В третьем триместре 2008 года в распоряжении хедж-фондов находилось примерно $2680 млрд, что в три раза больше, чем в 2000 году. Хедж-фонды представляют третью часть всего биржевого

оборота; они активно сотрудничают с листинговыми компаниями, управляют активами частных лиц и финансовых участников. Иногда хедж-фонды сильно рискуют и заключают сделки, для совершения которых у них недостаточно денежных средств.

Экономический и демографический центр США перемещается с северо-востока на юго-запад: в 2008 году Калифорния лидирует среди штатов по объему ВВП (13 % общего ВВП США приходится на 12 % населения), она могла бы занимать шестое место в мире по ВВП, если бы была отдельным государством. В период с 1980 по 1990 год 54,3 % прироста численности населения США приходится на Калифорнию, Флориду и Техас. С 1990 года в южной и западной части США проживает половина населения страны.

По объему ВВП штат Нью-Йорк занимает второе место среди всех американских штатов. Это всего 60 % от ВВП Калифорнии, тем не менее Нью-Йорк продолжает оставаться мировым финансовым центром.

Америка динамично развивается: увеличивается количество рабочих мест, создаются предприятия, растет производительность, дух первооткрывателей снова просыпается в американцах. Мобильные устройства открывают для калифорнийской индустрии развлечений (от кино до музыки) новые рынки сбыта. Цены на промышленные товары, в том числе автомобили, падают. В 2009 году издержки потребления нефти на единицу продукции в два раза меньше, чем в 1985-м.

К 2008 году американцы успевают вложить $12,5 трлн в недвижимое имущество и ценные бумаги. К 2008 году 70 % американских семей имеют в собственности жилье (в 1939 году — всего 40 %). За последние 20 лет прирост капитала от перепродажи недвижимого имущества составил 60 % общего дохода. Стремление к равенству, о котором говорил американский философ Джон Ролз, заменяется тягой к справедливости.

В своей инаугурационной речи в январе 2005 года Джордж Буш так описал нынешнюю ситуацию: «Мы вступаем в будущее с абсолютной уверенностью в победе свободы… В истории были свои взлеты и падения справедливости, но для нас очевидно, что история двигается в направлении, заданном свободой и Творцом свободы». Эти строчки великолепно резюмируют идеологию рыночного уклада и его девятого центра.

Начиная с 2007 года экономический рост происходит в основном за счет увеличения кредитной задолженности домохозяйств, больше не откладывающих деньги, а не за счет роста покупательской способности работающего населения, который прекратился в 1982 году.

США — мировая сверхдержава. Америка налаживает связи, составляет базы данных, анализирует, соблазняет, побеждает и влияет.

Мировой экономический рост ускоряется: рыночный строй воцаряется в новых рыночных демократиях. Один за другим прекращают свое существование диктаторские режимы в Латинской Америке и Восточной Европе: Греция, Испания, Чили, Аргентина, Бразилия, Турция. Начиная с 1985 года даже советская система, в непоколебимость которой верил весь мир, больше не может участвовать в гонке вооружений, запущенной американским президентом при поддержке Западной Европы. В 1988 году Михаил Горбачев пытается установить демократический строй в условиях плановой экономики и коллективной собственности. На осознание своей неудачи, а значит, и того, что демократия не может существовать без рыночной экономики, ему понадобится чуть менее трех лет, по прошествии которых в СССР приходят гласность, а затем ее сменяет перестройка. СССР распадается, бывшие страны соцлагеря сближаются с ЕС.

Мировая политическая система становится более либеральной. К 2008 году смертная казнь запрещена в 137 странах; выборы проходят в 140 государствах, среди них 82 демократические страны, в которых парламент контролирует исполнительную власть и соблюдаются основные права человека.

Достижения девятой рыночной формы кажутся исключительными: в период с 1980 по 2008 год мировой ВВП увеличивается в три раза, а торговля промышленными товарами — в двадцать пять. Объем мировой промышленности превышает €45 квинтиллионов и каждый год увеличивается на 4 % — со скоростью, прежде невиданной в истории. С 1985 года доля экспорта составляет 13 % мирового ВВП, и это учитывая, что такой показатель не использовался с 1913 года.

Меняется и соотношение сил: Америка находится в состоянии относительной стагнации, Европа — в упадке, Азия — на подъеме. В

2008 году ежегодный экономический прирост азиатских стран превышает 7,6 %, чуть меньше данный показатель в США и намного меньше — в Европе. С 1980 по 2008 год ВВП азиатских стран увеличивается в четыре раза, в том числе Китая — в три, Индии — в три, Европы — только в два. В этот период доля США в мировом ВВП стабильно занимает 21 %, доля ВВП ЕС уменьшается с 28 до 20 %, доля ВВП азиатских стран (Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия) увеличивается с 16 до 38 %.

Европа теряет позиции, ее конкурентоспособность падает, развитие замедляется, население стареет. Несмотря на то что ЕС удалось внедрить единую валюту, Европа не превратилась в единую рыночную демократию. Она больше не идет в ногу со всем миром: в 2008 году европейский ВВП на душу населения на 25 % меньше ВВП США; европейские научные изыскания не представляют особого интереса; лучшие представители креативного класса покидают Европу и отправляются в Новый Свет; большая часть промышленных предприятий Старого Света перемещается в азиатские страны, и новые им на смену не приходят. Богатой нефтяными месторождениями России не удается добиться экономического роста: продолжительность жизни падает, инфраструктура разрушается. По официальным данным, расходы на социальное обеспечение составляют 20 % ВВП РФ, а в действительности — только 2 %. В то же время в Центральном банке РФ — $250 млрд резерва.

Тихий океан становится главным местом торговли: в 1990 году транстихоокеанская торговля наполовину обгоняет трансатлантическую. Девять из двенадцати мировых портов находятся на азиатском побережье Тихого океана, большинство грузовых авиаперевозок осуществляется через него.

Азия вновь приближается к центру: в 2008 году две трети выпускников американских университетов — инженеров и технарей — азиаты; многим из них удается создать впечатляющие проекты во взаимодействии с дальневосточными партнерами. Огромное количество предприятий США, особенно Калифорнии, основаны и управляются иностранцами: eBay — иранцем, Google — русским, Juniper — индусом.

В Японии в 1995 году начинается кризис, из которого она выходит ослабевшей только в 2005 году. Несмотря на это в 2008 году ее экономика — вторая в мире.

Китай набирает силы после 1989 года: в 2008 году крупнейшая диктатура в мире произвела больше половины основных продуктов прежних рыночных центров (холодильников, телевизоров, стиральных машин). Сам Китай — первый в мире потребитель кожи, железа, никеля, свинца, алюминия и второй — нефти (7 млн баррелей в день против 21 в США и 5,5 в Японии). Поднебесная способствует росту мирового потребления «черного золота». В 2008 году китайский ВВП на душу населения составил $2458, а в Шанхае превысил $7000. В том же году высшие учебные заведения Китая выпустили 800 тысяч инженеров. Здесь больше пользователей Интернета, чем в США. Однако заработные платы в Китае в 20 раз ниже, чем по ту сторону Атлантики.

В 1985 году Индия становится рыночной демократией. В этом государстве насчитывается 80 тысяч долларовых миллионеров, несмотря на то что социальное неравенство здесь выражено еще ярче, чем в Китае. Сотни индийских компаний оцениваются в миллиарды долларов. В 2008 году в сельскохозяйственном секторе Индии, производящем только четверть ВВП, была занята половина трудоспособного населения страны, на 80 % представленная крестьянами, на каждого из которых приходится не более 1 га земли. Неравенство между классами, родами, этническими группами и регионами огромно: например, сегодня у жителей штатов Бихар, Орисса и Ассам в 10 раз меньше шансов получить диплом о высшем образовании или купить мобильный телефон, чем у жителей Нью-Дели. А в трущобах Мумбай живет больше людей, чем во всей Норвегии.

Другие азиатские страны развиваются так же быстро: Южная Корея, освободившись в 1990 году от диктаторского режима, преуспевает везде — от производства автомобилей до выпуска телефонов. Она опережает всех в сфере оптоволоконных высокоскоростных соединений и лидирует в мультимедиа со своим проектом Cyworld, объединяющим треть населения страны, и одним из самых влиятельных новостных сайтов в стране OhMyNews, где каждый житель может выступить в роли репортера. В тени больших

конгломератов — чеболей — возникают новые передовые компании, например NHN, которая стала одним из самых серьезных конкурентов Google и NC Soft. Эта компания специализируется на разработке многопользовательских ролевых онлайн-игр, в частности Lineage. Южнокорейская культурная индустрия завоевывает остальные азиатские страны. Она вызывает живой интерес у всего азиатского населения — от токийских матерей до китайской, вьетнамской и филиппинской молодежи. Корейские фильмы, сериалы и певцы представляют «корейскую волну» (халлю), которая для молодых людей Азии является воплощением общества, сумевшего соединить в себе черты современного западного мира и традиционные азиатские ценности. Эту модель молодежь настроена получать из Южной Кореи, а не из Японии, которая не забыла свое имперское прошлое.

К 2008 году все страны Латинской Америки, кроме Кубы, представляют собой рыночные демократии. В Африке постепенно исчезают диктатуры, некоторым странам удается выйти из рецессии. С 1986 по 2008 год число грамотных людей увеличилась с 40 до 68 % в Руанде, с 33 до 64 % в Нигерии, с 27 до 47 % в Кот-д’Ивуаре и с 40 до 63 % в Алжире.

Все говорит за то, что девятая рыночная форма, значительно сократив бедность, сможет просуществовать еще долгое время.

Начало конца: великий финансовый кризис

Тем не менее конец девятой рыночной формы не за горами. Как и прежде, его признаки заметны еще до начала собственного финального процесса.

Рыночный строй подрывают многочисленные внутренние противоречия. Растет внешний долг, финансирование которого все больше зависит от иностранных государств: в 1985 году внешний долг США (составлял 2,8 % ВВП) покрывался за счет иностранных кредитов только на 8 %, а в 2008-м (уже 5,2 % ВВП) — на целых 30 %. Две трети мировых валютных резервов, выраженных в долларах, из которых $2000 млрд находится в азиатских странах, начиная с 2002 года потеряли треть своей стоимости в евро.

Американская промышленность уже не в состоянии поддерживать уровень рентабельности, который требует разбушевавшаяся финансовая система США; промышленные предприятия вынуждены вкладывать прибыль в финансовый сектор, а не инвестировать в собственную деятельность. Американские автомобили, бытовая техника, телевизоры, телефоны перестали быть лучшими в мире. Предприятия не справляются с растущей задолженностью пенсионерам.

Кроме того, для определенного сектора промышленности США представляет угрозу Интернет: во Всемирной сети можно все скачать бесплатно. Сегодня продается гораздо меньше компакт-дисков, чем 10 лет назад, а попытки заменить торговлю CD продажей цифровых файлов обернулись неудачей: в 2005 году в Интернете куплено и скачано 20 млрд музыкальных файлов, что соответствует одному диску из трех, проданных в мире, и составляет $4,5 млрд.

Заработная плата, в особенности на государственных предприятиях, не окупается. Показательна ситуация с двумя государственными компаниями США (Fannie Mae и Freddie Mac — второй и пятой по величине соответственно), чей общий ипотечный портфель и объем гарантированных бумаг равен $1400 млрд и чей долг за последние 10 лет вырос в четыре раза. Норма сбережений американцев не достигает и 0,2 %, что является самым низким

показателем в мире, хотя в начале 1990-х годов она достигала 7 %. С 2005 по 2009 год американцы потратили практические все, что заработали.

Конкуренция между кредиторами огромная: если 20 лет назад банкам не нравилось, когда на погашение задолженности уходило до 30 % семейного бюджета, в 2008 году они уже согласны и на 50 %.

В Америке стремительно увеличивается разрыв между самыми богатыми и бедными: половина богатства, накопленного в период 1990–2008 годов, принадлежит 1 % американцев. Из-за перемещений производства в азиатские страны и конкурентов-иммигрантов зарплата американского рабочего понижается. В 2008 году американцы в среднем работали 46 недель, что на шесть недель больше, чем в Европе, а их отпуск был на две недели короче, чем у европейцев.

Ураган «Катрина» 2005 года и ураганы 2007–2008 годов выявили организационный кризис государственных служб США и инфраструктурные проблемы страны: 30 % американских мостов оказались недостаточно безопасными.

В 2008 году даже в Калифорнии, где минимальная оплата труда составляет восемь долларов в час, каждый пятый ребенок находился за чертой бедности. Ежегодно в США 2,3–3,5 млн человек оказываются без жилья; каждый десятый чернокожий ребенок и каждый двадцатый латиноамериканский ребенок проводят, по крайней мере, два месяца в году в приюте. В аналогичной ситуации оказывается и каждый десятый старик. В Нью-Йорке муниципальные приюты принимают в сутки 38 тысяч человек, среди которых 16 тысяч детей. В 2006 году у 47 млн американцев (16 % населения страны) не было медицинской страховки.

Летом 2008 года выяснилось, что американская финансовая система выдавала кредиты на приобретение жилья людям, у которых не было средств для погашения долга. Речь идет о субстандартных кредитах — ипотеке низкого качества. В октябре 2008 года мировая финансовая система едва не потерпела крах (как раз перед выборами первого в истории чернокожего президента США), ее спасло лишь решение о перенесении финансового бремени на плечи налогоплательщиков.

В конце 1929 года общая задолженность хозяйственных субъектов США достигала 250 % ВВП страны, в конце 2007 года — 350 %, а к

концу 2009 года — все 500 %. Задолженность населения достигла 100 %, а внешний долг США превысил уровень ВВП страны.

Американские банки и страховые компании очень сильно пострадали. «Леман бразерс» объявила о банкротстве, а «АИГ» спасли в самый последний момент. К концу 2009 года только «Голдмэн Сакс» не сдал позиции на мировой арене.

Рецессия распространяется по всему миру. В 2008 году мировой экономический рост был равен нулю, экономический рост США и Европы находился в минусе. В 2009 году рецессия затронула все страны. Только Китаю удалось сохранить положительный экономический рост благодаря мерам антикризисной программы.

Устанавливается новая черта бедности: в 2009 году треть населения Земли жила на $1,25 в день, а 1,3 млрд — на сумму меньше $1. Минимальная оплата труда за час в Калифорнии в четыре раза больше, чем ежедневный заработок одной трети населения планеты. У половины жителей планеты Земля нет доступа ни к проточной воде, ни к образованию, ни к медицине, ни к кредитам, ни к жилью. 78 % населения южных городов живут в трущобах, в Эфиопии число таких людей достигает 99,4 %. Хаотично растут города: с 1950 по 2009 год население Дакки, Киншасы и Лагоса выросло в 40 раз. В мире насчитывается 200 тысяч трущоб: согласно отчету ООН за июнь 2006 года, каждый третий горожанин живет в трущобах. На 49 беднейших стран мира, в которых проживает 11 % населения Земли, приходится 0,5 % общемирового ВВП.

Мировое сельское хозяйство приходит в упадок, а численность населения растет, что приводит к голоду. Нужно увеличить общемировой выпуск сельскохозяйственной продукции в 2,25 раза, чтобы прокормить все население планеты до 2050 года. С 1994 по 2009 год количество потребляемых калорий на душу населения увеличилось всего на 3 %.

В 2009 году 850 млн человек (больше чем когда-либо в истории) страдали от недоедания, 1 млрд (среди них две трети — женщины) неграмотны, более 150 млн детей в возрасте от 6 до 11 лет не ходили в школу.

Экономический рост усугубляет бедность. Значительная часть продукции (одежда, игрушки, спортивные товары), по низким ценам экспортируемой в Европу и Америку, производится рабочими, которые

подвергаются сверхэксплуатации в беднейших странах Азии и Латинской Америки. 158 млн детей в возрасте от 5 до 14 лет, то есть каждый шестой, вынуждены работать; даже рабов столько никогда не было (их общая численность за всю историю — 12–27 млн). В 2009 году 22 тысячи детей умерли из-за несчастных случаев на рабочем месте. В Бангладеш минимальная заработная плата на предприятиях, изготавливающих экспортную продукцию, не превышает $10 в месяц и, несмотря на бурные протесты, не повышалась с 1994 года. Дети работают без выходных, но заработная плата составляет менее 10 % производственных затрат. При этом никто ни за что не отвечает!

В Африке дела обстоят еще хуже: в период с 1987 по 2009 год доход на душу населения упал на четверть. Задолженность африканских стран, расположенных к югу от Сахары, возросла в четыре раза — с $45 млрд в 1980 году до $175 млрд в 2003-м, а общий внешний долг африканских стран увеличился с $89 млрд в 1980 году до $231 млрд в 2003-м. В 2003 году в Африке насчитывалось 25,3 млн серопозитивных больных и 12 млн сирот, лишившихся родителей из-за СПИДа — болезни, уничтожающей население африканских стран. Только 27 тысяч человек получают необходимое лечение; стоимость тритерапии в 12 тысяч раз превышает сумму, которую каждый африканец ежегодно тратит на медикаменты.

В странах Северной Африки и на севере Индии, где вне зависимости от исповедуемой религии особенно ужасает положение женщин, уровень бедности еще выше.

Вследствие чудовищного неравенства население мигрирует по миру. Например, в Африке в 2009 году пятая часть населения проживала не в том месте, где родилась. То же самое можно сказать про каждого пятого жителя Австралии, каждого двенадцатого жителя США и каждого двадцатого гражданина ЕС.

Не прекращаются насилие и жестокость: несмотря на исчезновение противостояния между Востоком и Западом обостряются расхождения Севера и Юга. Гражданские войны бушуют по всему миру — от Балкан до Латинской Америки, от Африки до Ближнего Востока.

В июле 1991 года (сразу после падения Берлинской стены) новый союзник США — светский Ирак, чье правительство было убеждено, что при поддержке Вашингтона сможет захватить контроль над

кувейтской нефтью, затевает войну в Персидском заливе, по случаю которой американские войска высаживаются недалеко от Саудовской Аравии. Позже суннитские, а затем и шиитские бандиты, препятствовавшие по указке Соединенных Штатов советскому влиянию в Афганистане в 1970-х годах, вступают в борьбу с самими США. Растет число преступлений против «неверных», арабы хотят изгнать их из Святой земли. В первые годы третьего тысячелетия христианской эры враждебно настроенная исламская группировка, действующая в Саудовской Аравии, Африке, Нью-Йорке, Афганистане, Ираке, Ливане, превращается в главного врага капиталистического мира, США и их союзников. 11 сентября 2001 года террористы-смертники используют номадические средства (авиалайнеры), чтобы разрушить здания, созданные оседлым народом (нью-йоркские небоскребы).

Америка, пострадавшая в результате финансового кризиса, вынуждена увеличить затраты на безопасность, чтобы защитить страну изнутри и отразить внешние атаки. Она начинает нескончаемую войну в Афганистане, затем в Ираке. Складывается скверная ситуация: к 2009 году Америка тратит на войну в Ираке $3000 млрд, что составляет 2,5 % ВВП страны. И снова, уже в девятый раз, расходы на оборону рыночного центра ставят под угрозу его жизнедеятельность.

* * *

До наших дней рыночный строй прошел через девять форм, которые формировались вокруг девяти центров-«сердец»: Брюгге, Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон, Бостон, Нью-Йорк и, наконец, Лос-Анджелес.

Кажется, будущее навечно решило отдать пальму первенства Америке. Тем не менее нельзя забывать уроки прошлого. Девятая рыночная форма тоже придет в упадок, произойдут геополитические, экономические, технологические и культурные изменения, появится десятый уклад с новым центром и новыми побежденными.

История поможет нам увидеть очертания грядущего и его опасности, предотвратить их.

Глава 3. Первая волна будущего: конец американской империи

Здесь начинается история будущего, которое априори непредсказуемо: столько всего может повлиять на его развитие; столько совпадений способны превратить локальное происшествие в счастливое или несчастливое событие планетарного масштаба; участие стольких действующих лиц отразится на геополитике, культуре, идеологии, экономике, что не представляется возможным ответить на вопросы о том, что нас ждет даже в краткосрочной перспективе.

Закончится ли финансовый кризис очередной победой Уолл-стрит? Можно ли управлять мировым финансовым хаосом? Выведет ли Америка свои войска из Ирака? Воцарится ли когда-нибудь мир на Ближнем Востоке? Поднимется ли уровень рождаемости в мире таким же загадочным образом, как упал? Когда закончится нефть — через 20 лет или через 50? Будут ли найдены альтернативные источники энергии? Породят ли бедность и неравенство новые очаги насилия и жестокости в богатых странах? Приобщатся ли когда-нибудь к демократии арабские государства, как это удалось сделать Восточной Европе? Примут ли Пакистан и Египет сторону исламизма? Заполонят ли пираты Ормузский и Малаккский проливы, через которые осуществляется транспортировка нефти? Приведет ли в действие Северная Корея свое ядерное оружие? Помешает ли Запад Ирану разрабатывать ядерное оружие? Не заставят ли террористические атаки пойти западные государства на уступки? Воцарятся ли авторитарные политические режимы? Появятся ли новые формы диктатуры при поддержке передовых технологий? Станут ли религии терпимыми? Изобретут ли новые лекарства для лечения рака, СПИДа, ожирения? Будут ли люди подвержены болезням скота и птицы? Возникнет ли новая религия или новая идеология? Восстанут ли гиперэксплуатируемые рабочие в Китае и Бангладеш? Вырастет ли в несколько раз курс китайской валюты по отношению к доллару? Можно ли продолжать процесс европейской интеграции? Что несут ГМО и нанотехнологии — угрозы или удачу? Ухудшится ли климат до такой степени, что на Земле станет невозможно жить? Столкнутся ли в

религиозной войне христианский и исламский мир? Перевернут ли новые формы сексуальных и любовных отношений общественную мораль?

Ответы на каждый из этих вопросов и множество других определят ход развития будущих десятилетий в худшую или лучшую сторону. Что характерно для грядущих времен, так это явная нестабильность и тесная взаимосвязь. Любой мятеж, любая новая идея, любое техническое достижение, любой террористический акт, любой государственный переворот, любое массовое движение, любое научное открытие могут изменить направление мирового развития. Каждое из этих событий способно повлиять на свободное перемещение идей, товаров, капиталов и людей. И как следствие — на экономический рост, занятость и свободу. Невозможно дать однозначные ответы на эти вопросы, как и предсказать потенциальное направление развития будущего — вариантов неисчислимое множество.

Тем не менее большая часть данных событий лишь временно влияет на ход мировой истории. В дополнение к проблемам, которые кажутся важными на сегодняшний день и когда-нибудь будут решены (далее мы увидим, через что нам придется пройти), ряд тенденций останутся неизменными.

История всегда развивалась по нескольким простым правилам. С тех пор как появился рынок и демократия, процесс идет в одном направлении. Из века в век распространяется политическая свобода, а людские желания стремятся к материальному выражению. Из века в век крестьяне идут в города. Из века в век рыночные демократии объединяются в огромный рынок, сконцентрированный вокруг центра — временного города-«сердца». Чтобы захватить власть над торговым миром и стать таким центром, город или регион должен быть крупнейшим узловым пунктом своего времени и иметь в окружении районы с высокоразвитым сельским хозяйством и промышленностью. Центр должен обладать возможностями для создания банковских учреждений, достаточно рискованных, чтобы финансировать проекты креативного класса с применением новейших технологий, которые позволяют превратить самую популярную услугу времени в промышленный объект. Центр должен контролировать в

политическом, социальном, культурном и военном отношении враждебные меньшинства, коммуникации и сырьевые источники.

Несмотря на кризис, сильно затронувший США, особенно Калифорнию и Лос-Анджелес, девятый центр рыночного строя способен еще какое-то время (хотя и непродолжительное) исполнять свою роль.

Современная форма капитализма подвергается тем же опасностям, что и формы прошлых веков: над ней нависла угроза, креативный класс отворачивается от нее, технический прогресс замедляется, промышленность все менее рентабельна, финансовые спекуляции выходят за рамки разумного. Неравенство увеличивается, назревает народное возмущение, накапливается огромный долг. Конечно, центр сомневается в том, хочет ли он оставаться центром.

Максимум через 30 лет девятая форма, как и восемь предыдущих, исчерпает свои ресурсы.

И снова рынок сыграет против центра, новейшая технология заменит услуги промышленными товарами: на смену автомобилям, бытовой технике и мобильным устройствам придут иные важные вещи, которые будут производиться в другом центре, опережающем в идеологическом, военном и культурном отношении всех остальных.

Но прежде произойдет множество событий.

Прекрасное будущее девятой формы

Несмотря на серьезный финансовый кризис, креативный класс Калифорнии находится на пике изобретательности, он богат и перспективен. Никогда еще уровень жизни здесь не был так высок. Никогда еще доходы крупных американских компаний не были столь велики. Никогда еще военное и техническое превосходство США не было так значительно. Никогда еще промышленные и финансовые инновации США не являлись такими удачными. Никогда еще Америка не была так сильна в военном, политическом, экономическом, культурном и в некоторой степени демографическом отношении: сегодня это третья страна мира по численности населения, а к 2040 году с 350 млн граждан она сохранит свои позиции. И пока никто не способен заменить Уолл-стрит, стать новым финансовым центром мира.

Хотя социальные и экономические последствия финансового кризиса весьма ощутимы, ни в Европе, ни в Азии, ни в каком-либо другом месте не наблюдается подходящего соперника США и никакая другая модель развития не представляется приемлемой. По крайней мере до 2025 года для самых богатых людей мира и важнейших мировых банков США и американский доллар будут оставаться лучшим экономическим, политическим и финансовым прикрытием.

Америка, в скором времени собирающаяся отменить пошлины на наследуемое имущество, привлечет еще больше капиталов. Американские университеты будут постоянно пополнять креативный класс страны, набирая лучших студентов мира, которые затем останутся в США и будут создавать новое.

Лос-Анджелес продолжит играть роль культурного, технологического и производственного центра страны, Вашингтон — политической столицы, Нью-Йорк — финансового центра мира. США надолго сохранят первенство в сфере оборонных технологий, передачи данных, микроэлектроники, энергетики, телекоммуникаций, авиационной промышленности, производства двигателей, материалов, систем наведения. Они еще долгое время будут играть ведущую роль в мировой промышленности, а ее дефициты — выступать как средства

повышения уровня потребления в США и производительности — в других странах. В течение ближайших 20 лет, несмотря на временный финансовый кризис, спады и проблемы, Америка сохранит свое превосходство и останется центром главных культурных, политических, военных, духовных, художественных и социальных событий мира.

Мировой экономический рост восстановит свои темпы от 3 до 4 % в год, экономический рост в западных странах вернется на свои позиции (менее 2 %). К 2025 году, если развитие продолжится в том же ключе, мировой ВВП вырастет до 80 %, а средний доход каждого человека на планете — наполовину. К 2060 году ВВП Китая и Индии составит 50 % общемирового ВВП. Значительная часть беднейших слоев населения будет участвовать в рыночной экономике в качестве рабочего персонала и потребителей. В продажу поступит продукция, адаптированная под их покупательскую способность (продукты питания, одежда, жилье, медикаменты, мотоциклы, компьютеры, телефоны, финансовые продукты).

Эмигранты будут финансировать родные страны, отправляя туда свои заработки. К 2025 году к услугам микрокредитования (уже помогло более 100 млн беднейших людей стать предпринимателями) прибегнут по меньшей мере 100 млн глав семейств; микрострахование обеспечит социальную защищенность беднейших слоев населения. К 2025 году прожиточный дневной минимум для половины населения Земли будет составлять $1,25 и значительно увеличится доля грамотных людей, участвующих в рыночной экономике.

Экономический рост будет способствовать распространению демократии; ни один авторитарный режим не сможет долго противостоять изобилию. Недавние диктаторы (от генерала Франко до генерала Сухарто, от генерала Пиночета до генерала Маркоса) не смогли контролировать средний класс в условиях экономического роста. Большинство государств, еще не ставших рыночными демократиями (Китай, Северная Корея, Бирма, Вьетнам, Пакистан, Иран), наверняка станут таковыми. Правительства, институции, управления, судебный и полицейский аппараты этих стран будут подчиняться избранным парламентам, а не единственной партии или религиозной власти.

Еще на протяжении 20 лет ЕС будет всего лишь единым экономическим пространством, границы которого простираются до экс-Югославии, Болгарии, Румынии, Молдовы и Украины. Хотя евро и будет широко использоваться в мире, но ЕС не удастся создать единые политические, социальные и военные институции: его безопасность будет находиться под серьезной угрозой, которая станет ощутима позже, когда нахлынет четвертая волна будущего (о ней поговорим чуть позже). Без модернизации системы высшего образования, способной стимулировать инновационную деятельность и принимать иностранцев, ЕС никогда не сможет ни создать новый креативный класс, ни вернуть своих ученых и предпринимателей, уехавших за рубеж. Без демографической динамики смена поколений станет невозможна, особенно это касается Испании, Португалии, Италии, Греции и Германии. К 2025 году ЕС будет представлять 13 % общемирового ВВП в противовес 31 % в 2009-м; ВВП на душу европейского населения составит половину ВВП на душу американского населения вместо почти 70 % на сегодняшний день. Вероятно, это повлечет за собой ухудшение качества образования, здравоохранения, безопасности и транспортной системы. В результате столкновения между Фландрией и Валлонией Брюссель может превратиться в федеральный европейский округ без государственной принадлежности. Хотя случайный политический скачок способен все изменить.

Коммерциализация времени

Время людей будут все больше использовать в торговле, которая заменит бесплатные, добровольные или принудительные услуги. Сельское хозяйство встанет на индустриальную почву, и поэтому сотни миллионов трудящихся уедут в города. Масштаб мировой промышленности станет глобальным, капиталы и товары будут свободно пересекать границы, заводы — с легкостью перемещаться в районы с самой низкой оплатой труда, то есть в Восточную Азию, а затем в Индию. Научно-исследовательские центры и штаб-квартиры крупнейших фирм переедут в южные страны, в которых одним из государственных языков станет английский. Предприятия на местах будут заниматься только исследованиями рынка, которые необходимы для коммерциализации продукции, и послепродажным обслуживанием.

Скорость внедрения инноваций повысится: цикл от создания до производства и коммерциализации для продуктов питания и одежды уменьшится с месяца до четырех дней; для автомобилей и электротехники уже сократившийся с пяти до двух лет цикл будет составлять шесть месяцев; для медикаментов — вместо семи лет — четыре года. Продолжительность жизни брендов сократится, только самые приспособленные и всемирно известные марки смогут противостоять непрекращающемуся потоку новинок. Продолжительность жизни недвижимости также уменьшится. Акционеры крупных компаний будут своенравными, переменчивыми, равнодушными, заинтересованными только в сиюминутной прибыли, а не в долгосрочном развитии предприятий, в которые они инвестируют. Банки начнут требовать, чтобы предприятия чаще предоставляли отчетность. Руководителей будут назначать на короткое время и держать на посту, пока они соответствуют вкусам изменчивого рынка. Конкуренция между трудоустроенными и находящимися в поисках работы ужесточится. Знания станут главным активом, но их нужно будет постоянно обновлять. По-прежнему будет важно получить профессиональное образование; любой сможет самообразовываться, чтобы оставаться трудоспособным. Снижение рождаемости и

увеличение продолжительности жизни приведет к тому, что люди станут меньше работать в течение года, но больше в течение жизни. Пенсионный возраст для тех, чья работа не сопряжена с вредными факторами и опасностью, поднимется до 70 лет. Более пожилые будут выступать в качестве наставников, проводников, консультантов. Оздоровительная индустрия станет главной.

Границы между работой, потреблением, транспортом, развлечениями и образованием почти исчезнут. Потребители станут активными участниками разработки товаров, которые в основном будут изготавливаться на заказ по системе «точно в срок». Потребители предпочтут жить в долгах, нежели отказаться от потребления (об этом уже говорил Токвиль). Они будут править балом, а их интересы — стоять выше интересов трудящихся. Больше половины из них пожелают менять место жительства каждые пять лет, а место работы — еще чаще. Жители северных развитых городов будут покупать жилье по ипотеке.

Место жительства основной массы городского населения удалится от центра города; семьи, живущие в 2009 году в пределах городской черты, через 10 лет будут жить на 8 км дальше, а к 2025 году — на 40 км. Для организации такой номадической логистики понадобятся новые профессии.

Люди станут жить уединенно в тесных городских квартирках, иметь мимолетные сексуальные и любовные увлечения. Страх перед серьезными отношениями и привязанностями, видимое безразличие превратятся (уже превратились!) в своего рода форму обольщения. Культ тела, независимости, индивидуализма приведет к тому, что такие понятия, как эго и самость, станут абсолютными ценностями, а эротизм — необходимым навыком. Будут приемлемы всевозможные формы сексуальных отношений, кроме инцеста, педофилии и зоофилии. Кочевая мобильность и виртуальные сообщества создадут новые возможности для встреч торгового и неторгового характера.

Загородный дом — наследие прошлых поколений — станет основным местом жительства и единственным постоянным местом для горожан. Туризм превратится в поиски тишины и одиночества; появится много мест — религиозных и светских — для медитаций, уединения, ухода от реальности, недеяния. Оседлая жизнь будет

привилегией детей, которых растят бабушки и дедушки в защищенном месте, куда периодически приезжают разведенные родители.

На дорогу будет уходить невероятное количество времени; транспорт станет местом жизни, встреч, работы, покупок, развлечений. Время, проведенное в пути, будет засчитываться как рабочее. Станет нормой ночная работа и работа по выходным. Путешествие станет неотъемлемой частью университетского и профессионального образования; нужно будет постоянно проявлять качества путешественника, чтобы оставаться «в строю трудящихся». Все европейские города-миллионники соединятся континентальной сетью высокоскоростных поездов. Более 2 млрд пассажиров в год, по большей части «деловых туристов», будут летать самолетами; авиатакси станет популярным видом транспорта; одновременно в воздухе смогут находиться более 10 млн человек. Люди научатся пользоваться общественным дешевым энергоэкономичным беспилотным городским транспортом, сделанным из легких материалов, поддающихся органическому разложению; по завершении поездки его можно будет оставить для следующих пассажиров.

Будет изобретен новый вид права собственности: каждый человек на новом месте жительства будет иметь доступ к жилью определенного размера и качества, расположенному в определенном месте. В общих чертах мы перейдем от покупки к доступу. Нематериальный характер источников информации облегчит процесс передачи данных, обеспечит доступ населения к информационным, образовательным и культурно-развлекательным источникам. Однако станет труднее контролировать соблюдение прав интеллектуальной собственности.

Во всех сферах потребления появится продукция по очень низким ценам. Таким образом, беднейшие слои населения всех стран превратятся в участников рыночной экономики, а средний класс сможет тратить больше денег на покупку продуктов питания, компьютеров, машин, одежды, бытовой техники.

Средний и высший классы будут тратить основную часть доходов на покупку услуг: образование, медицину, безопасность. Для финансирования этих сфер поднимут налоги и взносы на социальное страхование. Люди предпочтут страховаться в частных компаниях, власть которых постепенно перевесит влияние госструктур.

Коммерческие, цифровые и финансовые потоки пойдут в обход государственной власти, лишив государство значительной части налоговых поступлений. Госучреждения перейдут на использование новейших средств коммуникации, в частности Интернета, что позволит им предоставлять услуги по более низкой цене и на заказ.

В мировой экономике будут доминировать (уже доминируют!) два вида индустрии: страхования и развлечений.

С одной стороны, чтобы обезопасить себя от рисков, любой участник рынка должен застраховаться — защититься от непредвиденных обстоятельств будущего. Страховые компании и учреждения, занимающиеся хеджированием финансовых рисков, дополнят систему социального обеспечения и по обороту и рентабельности превратятся (если еще не превратились) в одну из лидирующих мировых отраслей. Для беднейших слоев населения будут предоставляться услуги микрострахования.

С другой стороны, чтобы забыть о своем неустойчивом положении, люди захотят развлекаться — забыться и защититься от настоящего. Развлекательная индустрия (туризм, кино, телевидение, музыка, спорт, театр, игры и общественные площадки) станет (если это уже не произошло) лидирующей индустрией планеты по времени, которое люди будут затрачивать на потребление ее продукции и услуг. Влияние СМИ на демократию и мнение людей возрастет.

И у страхования, и у развлекательной индустрии будут темные двойники: рэкет станет своего рода криминальной формой страхования, сексуальные услуги и наркоторговля — криминальной индустрией развлечений.

Все предприятия и государства будут строиться вокруг двух понятий — защищать и развлекать. Защита и развлечение — уход от страхов этого мира…

Кочевая мобильность

До 2030 года все население, за исключением беднейших слоев, будет постоянно находиться онлайн в информационных сетях благодаря высокоскоростным мобильным (HSDPA, WiBro, WiFi, WiMax) и стационарным (оптоволокно) соединениям. Мир охватит кочевая мобильность. Этот процесс уже начался: компания Google обеспечила жителям Сан-Франциско и Маунтин-Вью (города, в котором находится штаб-квартира Google) бесплатный беспроводной и высокоскоростной доступ в Интернет. В Южной Корее некоторые города оснащены сетью мобильной телефонии HSDPA, которая в 10 раз быстрее, чем 3G, и мобильным высокоскоростным Интернетом (WiBro). Эти цифровые технологии помогают местным властям следить за городской безопасностью, дорожными пробками и предотвращать катастрофы.

Члены креативного класса, разбросанные по всему миру, станут работать совместно, но на удалении друг от друга. Необходимость в центре, объединяющем программное обеспечение, услуги, продукцию и производство, отпадет. Будут созданы программы, доступные большинству пользователей, в которых информация структурируется таким образом, чтобы обеспечить одновременный доступ к данным и сознанию людей.

Мобильные устройства станут более легкими, простыми и удобными для подсоединения к сетям «совместного творчества». Мобильный телефон и ПК превратятся в единое целое, уместившись на ручных часах, кольце, очках или карте памяти, интегрированной в одежду. Универсальный объект номадизма будет сразу и телефоном, и записной книжкой, и компьютером, и музыкальным проигрывателем, и телевизором, и чековой книжкой, и удостоверением личности, и связкой ключей. С помощью дешевых компьютеров с открытым программным обеспечением, типа Linux, люди смогут подключаться к сети за бесценок. Большой популярностью будут пользоваться индивидуальные системы поиска, сайты «совместного творчества» и бесплатного обмена данными, справочные сайты, а также со встроенным радио и телевидением.

Телевидение станет узкоспециальным. Люди будут меньше смотреть телевизор: подростки уже сейчас проводят в три раза меньше времени у телеэкранов, чем взрослые, и в шесть раз дольше сидят в Интернете. В основном на мобильных устройствах будут смотреть живые репортажные материалы. Появится много частных специализированных каналов.

Владельцам информации (издателям, музыкантам, режиссерам, писателям, журналистам, преподавателям, художникам, компьютерщикам, дизайнерам, кутюрье) не удастся надолго защитить свою интеллектуальную собственность — ни патентами, ни системами кодирования, препятствующими свободному обмену музыкой и фильмами. Авторам будут платить цифровые инфраструктуры, получающие абонентскую плату за пользование информацией и доходы от рекламы.

До 2030 года большая часть бумажной прессы, в частности ежедневные газеты, перейдет в виртуальный формат. Появится много общедоступных специализированных сайтов «совместного творчества» и моментального доступа по примеру американского Myspace, корейского OhmyNews или французского Agoravox. Под управлением профессиональных журналистов население привнесет что-то новое в информационный и развлекательный сектор: больше субъективного, эмоционального и бестактного, забытые или малоизвестные темы. Некоторые из таких журналистов станут известными, их доходы будут зависеть от популярности. Уже сейчас некоторые блогеры зарабатывают более $3000 в месяц. Произойдет ультраперсонализация содержимого, когда тексты, аудио- и видеофайлы отбираются для каждого человека в зависимости от его потребностей и интересов. Различия между прессой, радио, телевидением и новыми СМИ станут менее существенными. Чтобы выжить, средствам массовой информации придется смириться с неизбежным переходом к бесплатным, совместным и ультраперсонализированным продуктам.

Книги можно будет читать на дешевых гаджетах типа «электронная бумага» и «электронные чернила» — новых мобильных устройствах в виде свитка, таких же тонких, как обычная бумага. Однако они не заменят книги, у них иное предназначение: создание

однодневок, произведений «на злобу дня», специально создаваемых под новый формат.

До 2030 года новое искусство смешает все основы и формы подачи: уже нельзя будет увидеть в чистом виде живопись, скульптуру, кино, литературу. Книги дополнят изображениями в 3D, а скульптуры смогут танцевать под новую музыку вместе со зрителями. Игры будут предназначены для того, чтобы создавать, придумывать, информировать, учить, наблюдать, улучшать самооценку и чувствовать свою принадлежность к конкретному сообществу. Все фильмы станут доступны в 3D, дополнены сенсорными ощущениями и виртуальными запахами. Появится возможность общаться по Интернету с собеседником в 3D, просматривать в этом формате концерты, театральные постановки, спортивные соревнования, конференции и лекции.

Домашние роботы станут обычным явлением в повседневной жизни. Они также будут постоянно подключены к высокоскоростным соединениям и помогать инвалидам, престарелым, трудящимся и органам безопасности, являясь, по сути, наблюдателями. С 2015 по 2020 год в Южной Корее каждый дом намерены оборудовать роботами, которые будут выполнять всю домашнюю работу.

К 2030 году кочевая мобильность полностью охватит производственный сектор: упаковка продуктов питания, одежда, транспортные средства, бытовая техника — все станет «сообщающимся». Датчики вмонтируют в материалы, двигатели, машины, жидкости, мосты, здания и ограждения. Это позволит постоянно вести удаленное наблюдение. У продукции, машин и людей будет своя радиочастота, выступающая в роли своеобразного удостоверения личности. Так предприятия смогут улучшить качество продукции, производительность заводов и логистических процессов увеличится. Потребители будут знать все о происхождении и пути следования товаров, начиная от сырья, из которого они изготовлены, и заканчивая датой истечения срока годности. Мобильные телефоны смогут сообщать родителям, когда их дети пересекают школьный порог; удаленно будут открываться двери дома, включаться бытовые приборы, а еда заказываться по списку, составленному холодильником. В новейшие транспортные средства интегрируют детекторы ошибок, так что машины будут «развиваться» по мере приобретения опыта.

Люди смогут учиться вдалеке от университетов; посещать музеи, не выходя из дома; получать медицинское обслуживание в больницах на другом континенте.

Человек будет постоянно находиться онлайн, а к 2030 году кочевая мобильность перерастет в гипернаблюдение — одну из черт следующей формы рыночного уклада.

Старение населения Земли

В мире увеличится продолжительность жизни людей. При этом во всех странах с разной интенсивностью будет (этот процесс уже начался) снижаться уровень рождаемости. Население Земли постареет.

Если нынешние тенденции сохранятся, то к 2025 году продолжительность жизни в развитых странах вырастет на 3,7 года у мужчин и на 3 года у женщин и составит 100 лет. Женщины станут более свободными, но рождаемость упадет до уровня, при котором окажется невозможным воспроизводство населения. Например, в Южной Корее в 1970-х годах коэффициент рождаемости был примерно 4,5, а в 2000-х годах упал до 1,5. Уровень рождаемости снижается даже в мусульманских странах, хотя там он продолжает оставаться самым высоким (в некоторых регионах Ближнего Востока на одну женщину приходится до семи детей).

К 2025 году больше 10 млн американцев достигнут возраста 85 лет и старше; численность населения с возрастом, превышающим 65 лет, увеличится с нынешних 12 % до 20 %. В Японии этот показатель составит 25 %, в Китае — 20 %. Через 10 лет во Франции количество людей, чей возраст превышает 65 лет, достигнет 33 %, а тех, кому за 85, вырастет в два раза.

В некоторых странах старение заметно повлияет на уменьшение численности населения: по сравнению с 2009 годом к 2050 году население Японии сократится на 14 %, Италии — на 22 %. В Болгарии, Грузии, странах Балтии, России и на Украине этот показатель будет варьироваться от 30 и 50 %.

Женщинам, у которых будет меньше детей на содержании, удастся избежать мужского доминирования и найти свое место в обществе. Это приведет к изменению ислама, как ранее по тем же причинам изменились другие монотеистические религии. Пожилые станут политическим большинством, делая упор на сегодняшний день, стабильность цен и перекладывая налоговое бремя на грядущие поколения. Они будут потреблять специфическую продукцию (косметику, диабетические продукты) и пользоваться адаптированными услугами (больницами, специализированными

пансионатами с медицинской ориентацией, сиделками, домами престарелых). Потребление медикаментов и медицинских услуг приведет к значительному росту расходов на здравоохранение, а следовательно, и на страхование во всем мире.

Финансирование пенсионеров ляжет тяжким грузом на плечи экономически активного населения: сегодня в Европе на одного пенсионера приходятся более четырех работающих, а к 2050 году будет всего двое.

Для поддержания текущего соотношения работающих и пенсионеров необходимо увеличить либо налоги, либо рождаемость, либо уровень иммиграции. В странах, которые откажутся принимать иммигрантов, численность населения будет стремительно падать. Население государств, не запрещающих въезд иммигрантов, сильно изменится. К 2025 году в странах ЕС выходцы из Африки и их потомки будут составлять до 20 % населения, а 45 % жителей Брюсселя — являться потомками иммигрантов из исламских и африканских стран.

Произойдут массовые переселения людей, к чему Америка, безусловно, подготовлена лучше остальных. Города разрастутся до невероятных размеров.

Города завтрашнего дня

На юге миграция населения будет самой массовой: из деревень — в города, из сельской бедности — в городскую нищету. Ни одна политическая диктатура, даже китайская, не в состоянии замедлить эти процессы. Изменения происходят постепенно: в 1950 году в мире насчитывалось 86 городов с населением более миллиона, к 2015 году их станет 550.

Рост городов достиг небывалой динамики: в 2009 году половина населения Земли проживала в городских условиях. К 2015 году количество городов с населением, превышающим 10 млн, вырастет с 26 до 36, и практически все они будут расположены на юге: Сан-Паоло, Мехико, Мумбай, Шанхай, Рио-де-Жанейро, Калькутта, Дели, Сеул, Лагос, Каир. К 2025 году население четырех агломераций составит более 20 млн человек, Токио и Мумбай — по 30 млн. Девять из двенадцати самых густонаселенных городов мира будут располагаться на южных территориях (исключения: Токио, Нью-Йорк и Лос-Анджелес). В период с 2006 по 2025 год население китайских городов сравняется по численности с населением Восточной Европы. К 2035 году число жителей южных городов, увеличившись вдвое, достигнет отметки в 4 млрд. К 2050 году в 50 азиатских городах будет 1 млрд обитателей; население каждого из них превысит 20 млн, а некоторых — 30 млн.

Таким образом, за 30 лет нужно в три и даже в четыре раза увеличить городскую инфраструктуру, что в большинстве случаев невозможно. И все-таки часть городов будут пригодны для жизни; ряд компаний, применяя новую продукцию, например дешевый бетон, в сочетании с передовыми строительными технологиями и микрофинансированием жилья, смогут превратить трущобы в высокорентабельное жилье.

По сути, огромные города будут представлять собой соседство шатких домишек без дорог, канализации, полиции и больниц, а несколько богатых кварталов превратятся в бункеры, охраняемые наемниками. Мафия станет контролировать огромные районы, где царит произвол, как уже сейчас происходит в Рио, Лагосе, Киншасе и

Маниле. Бывшие сельские жители совместно с выдвиженцами привилегированных классов займут посты лидеров новых общественных и политических движений, целью которых станет изменение жизни людей. От них, а не от рабочих, служащих или преподавателей, будут зависеть важные экономические, культурные, политические и военные преобразования завтрашнего дня. Они станут двигателями истории и, в частности, четвертой и пятой волн будущего, о которых мы поговорим позже.

В течение ближайших 20 лет многие, чтобы спастись из этого ада, переберутся в южные страны в поисках мягкого климата и просторных территорий или в безопасные города ближе к северу.

Китайские переселенцы двинутся по направлению к Сибири. Российский город Владивосток уже сегодня по экономическому, общественному и культурному устройству во многом напоминает китайских собратьев, а в Хабаровске больше половины населения — китайцы. Интересно, что китайская провинция Хэйлунцзян, граничащая с Сибирью и по численности населения догоняющая Аргентину, занимает территорию, равную площади Швеции, при этом 70 % российских плодородных земель заброшены. Власти Екатеринбурга пригласили китайских крестьян на Урал, чтобы они обрабатывали 100 тысяч гектаров пустующих земель. Поток китайских иммигрантов будет расти по мере увеличения числа русско-китайских браков, то есть постепенно Россию наводнят китайцы. К 2025 году в этой стране будет минимум 15 млн иностранных рабочих, что составит 20 % трудоспособного населения. Над славянами снова нависнет угроза, по масштабам сравнимая с монгольским нашествием.

К 2020 году люди направятся из Центральной Африки в Южную и Северную части этого континента, из Индонезии в Малайзию, из Малайзии в Таиланд, из Бангладеш в страны Персидского залива, из Ирака в Турцию, из Гватемалы в Мексику.

Для многих мигрантов эти страны будут лишь временным пристанищем на пути в страны развитые. Число людей, стремящихся на Запад, очень быстро увеличивается: уже сегодня их каждый месяц прибывают тысячи, затем будут миллионы и десятки миллионов. С юга на север начнут мигрировать не только беднейшие слои населения, но и цвет общества. Все будут переправляться через русско-польскую,

испано-марокканскую, турецко-греческую, турецко-болгарскую, итальянско-ливийскую и мексикано-американскую границы.

Большинство иммигрантов по-прежнему хотят попасть в Америку: по данным на 2009 год, в Соединенные Штаты каждый год приезжает 1,6 млн иммигрантов и только 600 тысяч остаются на легальных условиях. Двенадцать миллионов — третья часть общего числа вновь иммигрировавших — въехали на территорию США нелегально: половина приехали из Мексики, а треть — из Центральной Америки. Стремительно растет количество людей, желающих принять участие в розыгрыше 50 тысяч американских виз (на данный момент насчитывается 8 млн заявителей, из которых 1,5 млн — выходцы с Ближнего Востока). В итоге через 20 лет в США будет преобладать латиноамериканское и южноафриканское население. Лучшие представители южноафриканских, латиноамериканских и азиатских иммигрантов поспособствуют укреплению позиций страны. Если сегодняшние тенденции сохранятся, население Америки увеличится с 281 млн в 2000 году до 357 млн к 2025-му. Это произойдет за счет притока населения в центр девятой формы рыночного уклада.

Страны Южной Европы из поставляющих иммигрантов превратятся в принимающих. Они будут динамично развиваться, экономический рост возобновится, у них появятся средства для пенсионных выплат. Другие европейские страны, например Франция, откажутся принимать выходцев из Восточной Европы и Африки. Некоторые страны, опять же Франция, слишком поздно осознают, что хорошо управляемый и интегрированный приток населения является условием их выживания. Огромное количество иммигрантов, в особенности из стран Центральной Европы, будет приезжать в Великобританию. В свою очередь, эти государства начнут принимать украинских мигрантов, вытесненных из их страны русскими, которых заставят бежать огромные массы китайских мигрантов. В конечном итоге приток иностранной рабочей силы в развитые страны облегчит финансирование пенсионных выплат, но ляжет тяжким грузом на плечи среднего класса.

Каждый год 10 млн человек будут переезжать из одной страны богатого Севера в другую. Некоторые, перемещаясь по служебной надобности, останутся яркими представителями своих стран в экономических, финансовых, промышленных и культурных вопросах.

Другая часть начнет мигрировать, лишь бы не зависеть от страны, с чьей налоговой, законодательной и культурной системой она не желает мириться. Чтобы исчезнуть, стать другим, прожить новую жизнь, мир наполнится добровольными анонимами. Все станет похожим на карнавал, где каждый сможет осуществить свою последнюю свободу — свободу перемены идентичности.

Миллионы пенсионеров отправятся на постоянное или временное жительство в страны с теплым климатом, где стоимость жизни ниже, в частности в Северную Африку. Для новоприбывших построят города, в которые вслед за своими клиентами будут стекаться врачи, архитекторы, адвокаты. Все будет продолжаться до тех пор, пока местное население сможет принимать новичков.

В общей сложности, в течение 25 лет приблизительно ежегодно будут переезжать по 50 млн человек. Около миллиарда навсегда окажутся вдали от родных мест и родины своих родителей.

Дефицит

До нашего времени рыночный уклад всегда находил возможности заменить дефицитное сырье, иногда прибегая к военным действиям или смене месторасположения центра.

Именно поэтому мы смогли пережить исчезновение плодородных земель во Фландрии, древесного угля в Англии, китового жира в Атлантике, каменного угля во всей Европе, В конце XIX века многие боялись, что города исчезнут под слоем лошадиного навоза. Но этого не произошло. На протяжении века состояние окружающей среды значительно улучшилось: лондонский воздух, которым было невозможно дышать в XIX веке, сегодня стал гораздо чище, как и в других промышленных центрах богатых стран, некогда являвшихся сердцами рыночного уклада или их окружавших. Уже почти сто лет говорят об энергетическом кризисе, но его пока не видно. Тем не менее начиная с XVIII века потребление природных ресурсов увеличилось в 30 раз: только за последние 40 лет оно выросло в три раза. С тех пор как стала использоваться нефть, ее сожжено 900 млрд баррелей.

До 2035 года городское население увеличится вдвое, что приведет к удвоению спроса на сырье. До конца XXI века нам точно хватит имеющихся природных ресурсов, а запасов серебряных и золотых месторождений — по крайней мере еще на два века. Кроме того, сегодня широко используется технология ресайклинга, с помощью которой можно перерабатывать промышленные отходы и получать обратно значительную часть сырья, например 40 % бытового алюминия. В конце концов, столкнувшись с реальной нехваткой полезных ископаемых, люди станут искать железо, титан и т. п. в океанах и на Луне.

Что касается собственно энергоресурсов, здесь есть о чем беспокоиться: при нынешнем уровне потребления запасов угля хватит на 230 лет, газа — на 65, нефти — на 40. Недостаточное инвестирование в нефтяную промышленность может привести к нефтяному кризису и значительному росту цен на «жидкое золото» к 2020 году.

Хотя не стоит забывать о запасах тяжелой нефти в Венесуэле, битуминозных песках Канады и горючих сланцах. Канадские запасы нефти, несмотря на то что их разработка экологически опасна и требует серьезных энергетических затрат, по объемам сравнимы с нефтяными залежами Саудовской Аравии. Переработка сланцев тоже требует энергозатрат: количество угля, расходуемого на разработку нефтеносных сланцев, превышает количество полученной из них нефти.

Другой энергоноситеть — газ, которого на первый взгляд в избытке, требует огромных вложений в транспортировку и отягощен геополитическими рисками, Кроме того, через 20 лет появятся экономичные технологии, позволяющие превращать уголь в газ, а газ — в нефтяную продукцию. Следовательно, запасы доступной нефти увеличатся в два раза. В целом еще примерно сто лет доступность природных ресурсов не будет обусловлена их ценой.

Однако постепенно придется переходить на другие энергоресурсы. Когда будет принято политическое решение о приемлемости радиоактивных отходов, атомная энергия получит широкое применение. Еще предстоит найти ответы на вопросы о безопасности, оптимальности и конкурентоспособности атомной энергетики, В итоге через 30 лет ядерные энергоресурсы составят 15 % общемировых первичных энергоресурсов. Запасы солнечной и ветряной энергии неистощимы, но использовать ее повсеместно станет возможно, если удастся решить проблему хранения. Переработку биомассы для получения энергии сложно осуществлять в больших масштабах, но этот вид энергоресурсов подходит в качестве горючего для машин. Другие природные источники — геотермальная энергия, энергия морских волн и приливов — не смогут в достаточной степени удовлетворить мировую потребность в энергоресурсах. Маловероятно и то, что до конца XXI века люди научатся использовать в промышленных масштабах термоядерный синтез, являющийся практически неисчерпаемым источником энергии. Подорожание энергоресурсов приведет к тому, что материальное движение будет заменяться нематериальным обменом.

Намного раньше, чем мы успеем почувствовать нехватку энергоресурсов, человечество столкнется с необходимостью наладить производство сельскохозяйственной продукции и прекратить

уничтожение лесных запасов: чтобы прокормить население Земли до 2050 года, надо увеличить выпуск сельхозтоваров, с учетом того, что каждый год будет требоваться на 1 млрд тонн злаковых больше. Для сравнения: ежегодный рост составит половину от того, что требовалось в 2009 году. Тем не менее 5 млн га сельскохозяйственных земель исчезает каждый год под напором растущих городов. Плюс человечество уже наполовину использовало фотосинтезирующую способность растений. В сельском хозяйстве широко применяются генетически модифицированные организмы, безвредность которых пока не доказана. Время поджимает — ведь запасы заканчиваются.

Исчезают лесные массивы — вначале из-за строительства флотилий, потом — для изготовления бумаги, затем — вследствие роста городов и расширения сельскохозяйственных угодий. Общая площадь вырубленных лесов с начала XVIII века равна площади Европы. За последние 10 лет XX века исчезла половина лесных запасов Западной Германии. Каждый час на земле вырубается лес на территории, по площади равной семи футбольным полям. Япония, мировой импортер тропического леса, несет ответственность за треть этой вырубки. Газовые выбросы предприятий — оксиды серы и азота — уничтожают деревья по всему миру, в первую очередь нанося вред влажным тропическим лесам, находящимся на периферийях рыночного уклада. Развитие нематериальной сферы экономики не приведет к снижению спроса на писчую бумагу. И если продолжать в том же духе, в течение 40 лет от мировых лесных массивов не останется ничего, кроме охраняемых лесов Европы и Северной Америки. А исчезновение лесов повлечет за собой смерть многих биологических видов, и над человечеством нависнет угроза вымирания.

Газовые выбросы предприятий в атмосферу — очень серьезная угроза. Несмотря на то что сегодня контролируется производство фреонов, являющихся главной причиной уменьшения озонового слоя планеты, каждый год в атмосферу попадает 23 млрд тонн углерода (образуется при сжигании угля, нефти и газа). Негативно влияют и другие газовые выбросы. Причем ситуация ухудшается: Китай, в 2006 году опередивший США по выбросам CO^2 на 9 %, в ближайшие 30 лет собирается построить электростанцию, вырабатывающую 1000 МВт в месяц, и станет одним из ведущих загрязнителей атмосферы. С 2000 года количество выбросов ежегодно увеличивалось в среднем на 3,5 %,

что в четыре раза быстрее, чем в период с 1990 по 2000 год (было 0,9 %), а начиная с сегодняшнего дня до 2030 года оно вырастет еще вдвое.

Большинство экспертов полагают, что выбросы углекислого газа в атмосферу вызывают потепление: за последние 100 лет средняя температура на поверхности Земли поднялась всего на 0,74 °С, зато последние 10 лет были самыми теплыми в истории. Всё только начинается: согласно результатам компьютерного моделирования, к 2050 году планета нагреется еще на 2 °С, а к 2100 году — в общей сложности на 6,4 °С. Последствия глобального потепления можно видеть уже сегодня. Полярные ледяные шапки тают, особенно быстро на Северном полюсе, с 2004 по 2009 год скорость таяния льдов увеличилась на 250 %. В частности, стремительно исчезают ледники Гренландии, которые представляют собой второй по величине запас пресной воды в мире. С 1990 по 2009 год подъем ледников на Северном полюсе снизился на 3 млн км^3 — с 8 млн до 5. При этом уровень воды в океане каждый год поднимается на 2,5 мм и к 2050 году достигнет общей отметки 19 мм, а может, и все 50–58 мм. Последний раз на Земле было так же тепло 3 млн лет назад, в эпоху плиоцена, когда уровень воды в океане превышал нынешний на 25 м.

Стихийные бедствия будут возникать по всей земле и повлекут за собой огромные финансовые убытки. Нас ожидают весьма ощутимые изменения климата и природных систем: деревья при быстром росте станут более хрупкими; распространятся дубы и уменьшится количество буков; в Скандинавии можно будет встретить цикад, богомолов и средиземноморских бабочек; рыбы мигрируют на север вслед за планктоном, которым кормятся, из-за чего исчезнут морские птицы. Некоторые побережья станут непригодны для жилья; семь крупнейших городов мира будут портами, а треть населения планеты поселится в прибрежной зоне. Африканская пустыня с каждым годом будет отвоевывать территорию, равную площади Бельгии; местом проживания 2 млрд человек (в том числе 700 млн в Африке) станут территории, находящиеся под угрозой опустынивания. Уже сейчас 15 млн человек вынуждены покинуть свои дома, ставшие непригодными. Согласно данным Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев, к 2050 году экологических беженцев станет в десятки раз больше.

Будет нелегко уменьшить выбросы углекислого газа и других загрязняющих веществ в атмосферу. Развитым странам трудно изменить стиль жизни, а бедные южные государства не могут соблюдать все ограничения. Ведь их деятельность заключается в поддержании благосостояния и комфорта севера. Бразилия продолжит сжигать леса Амазонии до тех пор, пока промышленные страны существенно не уменьшат выбросы углекислого газа. Единственное соглашение по этой теме, подписанное в Киото в 1999 году, не принесет особых изменений. Они произойдут, когда развитые страны в полной мере осознают последствия своего поведения, а бедные — поймут, что поток получаемых ими инвестиций уменьшится, если они не снизят энергопотребление. Как вы увидите в следующей главе, преобразования начнутся под давлением страховых компаний и общественного мнения.

Из-за засух возникнет острая нехватка питьевой воды. Цифры удручают: половина мировых водных потоков находится под угрозой загрязнения в результате промышленного, сельскохозяйственного и городского производства. Люди уже использовали 80 % природных запасов пресной воды. Сейчас в год на душу населения приходится 8000 м^3 питьевой воды по сравнению с 9000 м^3 в 1990-м и 15 000 м^3 в 1900-м. Более 1,5 млрд человек не имеют доступа к питьевой воде, свыше 2,5 млрд страдают из-за нехватки санитарных услуг, а 3,5 млрд — из-за отсутствия чистой воды. Каждый год 200 млн жителей планеты Земля заболевают холерой, употребляя непригодную для питья воду. Каждый день от загрязненной воды умирают 22 тысячи человек. Она же является причиной многих болезней. И ситуация будет ухудшаться: к 2025 году половина населения Земли будет страдать от нехватки питьевой воды, особенно в Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии. До 2040 года количество питьевой воды, приходящейся на душу населения, упадет вдвое — с нынешних 8000 м^3 в год до 4000 м^3.

Очень показательна ситуация в секторе Газа: там запасы грунтовых вод истощены настолько, что их горизонт заполняет морская вода и сточные воды, попадающие в море из-за того, что у 40 % населения нет доступа к общественной канализационной системе. Все долгосрочные решения для Газы предполагают развитие городской уличной сети, опреснение морской воды и улучшение

системы ее распределения. Хотя на самом деле в мире достаточно качественной пресной воды для 20 млрд человек. Чтобы ее хватало на всех, нужно лучше управлять сельским хозяйством и промышленностью, используя $70 млрд, ежегодно направляемые в промышленный сектор для распределения и управления запасами пресной воды, и поставив на широкую ногу процесс опреснения морской воды, которой в мире в 35 раз больше, чем пресной. Как и в случаях с другими видами сырья, это предполагает значительный рост цен для потребителей и бремени налогоплательщиков.

Далее мы увидим, как вторая волна будущего породит адаптированные технологии.

Ухудшение природных условий негативно повлияет на разнообразие животного и растительного мира. Каждый год из известных сегодня 1,75 млн и 14 млн, о существовании которых только догадываются, исчезают приблизительно 16 300 живых организмов. 23 % млекопитающих находятся под угрозой вымирания; десятой части коралловых рифов, без которых невозможна земная жизнь, нанесен непоправимый урон и еще треть рифов будет уничтожена к 2030 году; гигантский морской дьявол, а также четыре вида морских черепах из семи находятся на грани исчезновения; популяция морских коньков в течение последних пяти лет уменьшилась наполовину; 80 % некоторых видов акул вымерли за последние 10 лет; треска, вероятно, полностью исчезнет до конца текущего века; красный тунец встречается в природе все реже. В общей сложности с лица Земли может исчезнуть до 90 % живых существ, что уже дважды происходило в мировой истории: первый раз — 250 млн лет назад, второй — 65 млн лет назад, когда вымерли динозавры и появились млекопитающие. Поэтому велик риск того, что до конца XXI века исчезнет половина видов животных. Человечество как вид выживет, но не без труда.

Как и ранее, сейчас с помощью новейших технологий можно избежать многого из того, что описано выше. Такие технологии должны быть направлены на снижение потребления энергоресурсов, утилизацию отходов, перепланировку городов и транспортной системы.

Технологический спад

Два технических достижения — рост мощности микропроцессоров и батарей — обеспечили успех девятой рыночной формы, Но к 2030 году они исчерпают себя: закон Мура (удвоение производительности микропроцессоров происходит каждые 18 месяцев) достигнет своего физического предела, то же произойдет с возможностями хранения энергии в литиевых батареях.

Инновационные процессы в других областях замедлились: автомобильная промышленность находится в застое, как и производство бытовой техники; мобильный телефон и Интернет почти не изменились за последние 15 лет; генетика топчется на месте и не появляются новые медикаменты; сельскохозяйственный прогресс застопорился; новые энергоресурсы не приходят на смену старым. Более того, набирает обороты «ложный» прогресс: создаются ПК с бесполезной мощностью и навороченные автомобили. Современным потребителям не нужны такие сильные и дорогие вещи, им достаточно техники в 10 раз дешевле и проще.

Чтобы удовлетворить потребности в энергоресурсах, воде, сырье, продуктах питания и одежде, транспортных средствах и средствах связи, утилизации отходов растущего населения, необходимо решить старые научные вопросы, а потом заняться разработкой эффективных промышленных технологий и логистических систем, финансово приемлемых для общества.

В частности, нужно добиться сокращения огромного числа процессов не за счет размещения большего объема информации и энергии на меньших пространствах, а сводя к минимуму потребление живыми и неживыми организмами энергии и информации. Например, нужно так изменить посевную, чтобы затрачивать на нее меньше воды, энергии и удобрений. Необходима система хранения газообразного водорода в баках из нанофибры, чтобы на экономически приемлемых условиях делать водородные батареи высокого давления, а потом и гибридные двигатели, вырабатывающие водород в ходе электролиза. Такие задачи стоят перед биотехнологиями и нанотехнологиями, но они не получат широкого применения, по крайней мере, до 2025 года.

К тому же, подчиняясь требованиям финансового рынка, научно-исследовательские лаборатории на заводах предпочитают не афишировать свои достижения. Промышленные предприятия не настроены рисковать и инвестировать в производство. Они выбирают доходы от финансовых спекуляций, а не полученные благодаря смелым техническим решениям.

И наконец, остается преодолеть еще одну серьезную проблему — нехватку времени.

Дефицит времени

Производство товаров станет занимать все меньше времени, как и любая работа, готовка, уборка, прием пищи. И наоборот, увеличится времязатратность рыночной продукции. Одновременно с размером городов увеличится и время, необходимое на дорогу. Это станет своего рода «вынужденным временем», в течение которого люди будут продолжать потреблять или работать. В дороге они смогут общаться, получать информацию, смотреть фильмы и спектакли, играть, слушать музыку, аудиокниги или живые выступления и продолжать работать. Музыка будет утешением в горестях, одиночестве, отчаянии.

Несмотря на наличие свободного времени в дороге, многие люди поймут, что им его не хватит, чтобы все прочитать, послушать, посетить, узнать. Объем знаний увеличивается каждые семь лет, а к 2030 году будет расти каждые 72 дня. Следовательно, потребуется больше времени, чтобы оставаться в курсе дел, изучать, «быть в форме». То же касается времени, которое мы тратим на себя и развлечения. Однако количество времени, необходимое на любовь и сон, не изменится.

Преодолевая препятствия на пути потребления, рыночный уклад сначала придумал материальные носители информации — книги, диски, фильмы. На смену им пришли неограниченные по объему виртуальные хранилища. Казалось, это дало надежду людям на то, что до конца жизни есть шанс перечитать все книги, переслушать всю музыку и прожить «сэкономленное» время. Напрасные мечты!

Превалирующей темой в искусстве будущего станет именно время. Люди поймут, что единственный настоящий дефицит — это дефицит времени: его никто не может ни производить, ни продавать, ни аккумулировать. Некоторые попытаются «добывать время» за счет увеличения средней продолжительности человеческой жизни до 125 лет при 25-часовой рабочей неделе.

Чтобы продвинуться еще дальше, нужно преодолеть априори непреодолимые барьеры, уменьшив время, затрачиваемое на выполнение жизненно важных функций: рождение, сон, учебу, заботу, любовь, принятие решений. Например, вынашивать ребенка не девять

месяцев, учить его ходить не в течение года, а говорить — не за три тысячи часов, а быстрее.

Люди осознают, что свобода — главная цель человека с начала истории рыночного строя — всего лишь каприз темницы времени.

Наступит кризис и девятой формы. Более того, он уже начался.

Конец девятой формы

К 2030 году центр девятой формы столкнется, как и в предыдущих случаях, с более серьезными трудностями, нежели простые собственные недостатки. Это приведет к упадку, а потом и к исчезновению девятого центра рыночного уклада.

Кризис 2007 года, вызванный субстандартными кредитами, приведет к тому, что США и другие страны пересмотрят роль государства, значительно поднимут налоги и создадут прообраз международной системы финансового регулирования. Уолл-стрит потеряет власть. В зависимости от ситуации та или иная валюта будет брать на себя роль резервной мировой валюты, заменяя доллар.

Иностранные рабочие усилят конкуренцию на американском рынке труда, предприятия будут перемещаться в другие страны, заработные платы уменьшатся. К этому прибавится повышение налогов из-за финансового кризиса 2008–2009 годов. Люди перестанут свято верить в американскую мечту, увидев разрыв между доходами рабочего класса и представителями самых богатых слоев населения.

Расходы на здоровье и образование, безопасность и пенсионные отчисления, электроэнергию и воду, защиту окружающей среды будут «съедать» значительную часть доходов каждого американца.

С 2015 года рентабельность капитала начнут искусственно поддерживать за счет постоянного увеличения стоимости активов.

Вашингтон сохранит хорошие отношения с Европой и странами еврозоны, поэтому Европа продолжит пользоваться американскими займами и делить с США затраты на оборону. Этот союз позволит участникам ЕС возобновить экономический рост и не тратить значительные средства на собственную защиту.

Однако в 2015 году виртуальная реальность бросит людям новый вызов. Если сегодня Интернет — это, по сути, американская «колония», где говорят на английском и большинство доходов которой утекает на американскую «родину», скоро этот «седьмой континент» станет независимым. Он превратится в автономное могущественное доходное образование. Новейшие финансовые, информационно-развлекательные, образовательные силы выступят против

политической и культурной власти Америки. Финансовое, экономическое, политическое, идеологическое и эстетическое господство США в системе рыночной демократии будет оспорено. Люди поймут, что можно быть демократом и участником рыночной экономики, не говоря по-английски и не уповая на превосходство американской империи.

С 2015 года американские предприятия начнут отдаляться от Америки. Стратегические американские производители, испытывающие острую конкуренцию со стороны иностранных компаний и научных центров, переведут свои предприятия и научно-исследовательские лаборатории в другие страны. Компании поймут, что их коммерческие интересы не совпадают с интересами правительства, негативный образ которого только вредит реализации их продукции. Сначала они попытаются изменить отношения с Белым домом, переориентировав правительство на нужды мировых потребителей. Затем, разочарованные в администрации, отдалятся от нее, перестанут инвестировать в американские университеты и госпитали и создавать рабочие места в США. Многие компании перейдут под контроль иностранных инвестиционных фондов — суверенных или частных, которые будут аккумулировать свою прибыль в офшорных зонах, тем самым отнимая у американских акционеров значительную часть их доходов, а у американского государства — существенную долю налоговых сборов.

С 2020 года рынок будет все сильнее ущемлять интересы трудящихся. Средний класс, важный участник рыночной демократии, окажется в шатком положении, которого однажды ему уже удалось избежать — когда он отделился от рабочего класса. Но в качестве итога — устаревшие кадры, временные рабочие, плохое отношение работодателей, разрушенные семьи, обремененные долгами собственники, разочарованные и негодующие потребители, ущемленные в правах меньшинства, исступленные в своем одиночестве верующие, царящая несправедливость и неравенство, социальная дезинтеграция.

Финансовая система, сконцентрированная вокруг страховых компаний и хедж-фондов, будет очень рискованной.

К 2025 году разразится новый финансовый кризис, который будет намного серьезнее, чем кризис 2008–2010 годов. Федеральное

правительство, парализованное невозможностью быть кредитором последней инстанции, окажется неспособным прийти на помощь слабейшим. Производство ожидает спад, безработица приобретет невиданный размах. Капиталы уйдут в другие страны, в частности в спекулятивные фонды, управляемые через Интернет из офшорных зон и не поддающиеся проверке. Вновь, как в ситуации с любым «экономически пузырем», рентабельность капитала не удастся обеспечивать за счет постоянного увеличения стоимости активов и «кредитного плеча».

Разразится небывалый экономический кризис. На сей раз он приведет к абсолютному поражению Америки на ее собственной территории — к решительному концу господства доллара и истощению геополитической мощи США.

США не смогут аккумулировать на своей территории основную часть прибыли американских предприятий, в том числе в передовых отраслях; повышение внутренних и внешних организационных расходов приведет к огромному структурному дефициту платежного баланса. Азиатским странам, финансирующим основную часть дефицита платежного баланса США, будут самим нужны ресурсы, чтобы выровнять положение регионов, разрешить урбанистические проблемы и создать свою систему социального страхования и пенсионного обеспечения. Китай, политический строй которого станет жестче, прекратит финансировать дефицит финансового баланса США и решит вернуть капиталы, инвестированные в обесценившиеся американские ценные бумаги. Иностранные центральные банки тоже начнут переводить свои резервы в другие валюты. Американское казначейство будет вынуждено повысить процентные ставки по ипотеке, продажам в кредит и кредитным картам.

Страны Латинской Америки, Европы, Африки, Азии и Ближнего Востока поднимутся против американского господства. Маленькие тоталитарные государства вполне преуспеют на мировой арене, а рыночная демократия уже не будет восприниматься как синоним экономического успеха и экологической эффективности.

К 2025 году Калифорния перестанет быть центром креативного класса, где создаются и финансируются важнейшие промышленные инновации всего мира.

В Америке воцарится либо социал-демократия по типу скандинавских стран, либо диктатура. Возможно, один строй придет на смену другому. И этому не надо удивляться: первым руководителем, который использовал принципы, позволившие выйти из кризиса восьмой рыночной форме, был Муссолини, вторым — Гитлер. Рузвельт стал лишь третьим.

В будущем появится новая, десятая форма мирового рыночного уклада. Девятая форма отжила свое.

Креативные элиты мира сконцентрируются в других городах и регионах. Как когда-то было в Венеции, Генуе, Антверпене, Амстердаме, Аондоне, Бостоне и Нью-Йорке.

Глава 4. Вторая волна будущего: полицентрическая система

Возможно ли появление десятой формы рыночного уклада?

Несмотря на резкие скачки, затишья, противостояние, сопровождавшие девять предыдущих форм рыночного уклада, современники всегда полагали, что форма, которая была в их время, несмотря на все угрозы не может исчезнуть и ее центр навсегда останется мировой столицей.

Часто при давно перешедшей в другие руки власти никто ни в центре, ни вокруг не осознавал этого. Бывшие хозяева продолжали считать, что их продукция, культура, дипломатия и армии доминируют в мире, хотя на самом деле форма была в упадке, и другие успели занять их место. В свое время так произошло с Брюгге, Венецией, Лондоном, Бостоном и Нью-Йорком. Так будет и с Калифорнией.

Если следовать логике истории, через 30 лет, а то и раньше девятая форма рыночного уклада, истощенная борьбой с конкурентами, должна прекратить свое существование. Ей на смену придет новая форма с другим центром, технологиями и геополитическим раскладом сил.

Более детально обратившись к истории предшествующих форм, можно понять, что нас ждет в будущем.

Если десятая рыночная форма будет на них похожа, произойдет новый передел сфер влияния государств, а общество ждет либерализация нравов. Новейшие технологии сократят производственный цикл продуктов питания, одежды, транспортных средств и развлекательных товаров. Новые услуги превратятся в промышленные товары, новые работники — во временных наемников. На смену старым энергоресурсам придут новые. Богатство будет аккумулироваться в руках привилегированных классов, у горожан и потребителей появится огромный выбор, у работников — новые формы отчуждения.

Центром десятой формы станет регион, сосредоточенный вокруг огромного порта или аэропорта, откуда будет осуществляться управление мировой торговлей. В либеральном и динамическом климате нового центра креативный класс начнет получать доход от

своих идей и технологий, которые позволят разрешить проблемы рыночного уклада (снизить расходы на здравоохранение, образование и безопасность) и создадут новые товары, необходимые для мирового экономического роста.

Наиболее вероятно, что новая форма будет располагаться на территории США. Даже после кризиса 2025 года Америка останется мировым военным, технологическим, финансовым и культурным центром, самым надежным убежищем и большим рынком для мировых элит и капиталов. Вашингтон продолжит быть политической столицей мира, американская армия — сильнейшей в мире. В конце концов, Америке удастся восстановить свои позиции, организовать производство новых товаров и возродить экономический рост, как это однажды уже произошло с автомобильной промышленностью, бытовой техникой, а затем с мобильными устройствами.

Если именно американскому городу суждено стать десятым центром рыночного уклада, несомненно, он будет располагаться недалеко от Калифорнии: минимум на протяжении 50 лет этот штат останется самым динамично развивающимся местом на планете. Никто не сможет соперничать с Калифорнией: Нью-Йорк будет отставать по развитию промышленности, а изолированному Техасу не хватит инфраструктуры.

Если два предыдущих центра — Бостон и Нью-Йорк — находились на Восточном побережье США, то новый, второй, калифорнийский центр расположится южнее, ближе к мексиканской границе, по соседству с другим большим городом, одним из самых динамичных портов Тихого океана — Сан-Диего, и будет обладать оборонной, космической, телекоммуникационной, микроэлектронной промышленностью, важнейшими центрами развития нано- и биотехнологий (Ля-Хойя) и лучшими университетами (Стэнфордский и Калифорнийский в Беркли), где учатся студенты со всего мира. Территория десятого центра будет простираться от Северной Мексики до Западной Канады.

Несмотря на все это я склонен полагать, что возможен другой сценарий: к концу девятой формы, через 20 или 30 лет, Америка просто устанет от власти и от неблагодарности тех, чью безопасность она обеспечивала, но считающих себя ее жертвами. США понадобится передышка, время, чтобы восстановить финансовое положение,

залечить раны, позаботиться о благополучии собственных граждан, заняться своими делами и безопасностью. Америка не захочет брать на себя расходы, связанные с содержанием центра. Она не захочет подвергаться угрозе ведения военных действий на своей территории, перестанет стремиться к мировому господству. Американская армия будет выполнять исключительно оборонительную функцию. Кстати, сейчас Вашингтон оправдывает присутствие американских войск в других регионах мира исключительно необходимостью защиты своих границ и граждан.

Однако Америка останется могущественной страной и, если и решит отказаться от роли доминирующего государства и центра рыночного уклада, то по собственной воле.

Трудно сказать, когда именно это произойдет. История учит, что продолжительность жизни империй сокращается: Восточная Римская империя просуществовала 1058 лет; Священная Римская — 1006 лет; империи Востока — по 400 лет каждая; китайские — меньше 300 лет; персидские, монгольские и европейские — по 200–300 лет; голландская — 250 лет; британская империя — 100 лет; советская — около 70 лет; японские, немецкие и итальянские — и того меньше. Америка, доминирующая на протяжении 120 лет, должна сдать свои позиции в самом скором времени.

Многим такой вариант развития событий может показаться немыслимым. Большинство американских руководителей думают, что их империя вечная, для них США — демократическое, не имперское государство, которое спасает человечество и ведет себя так, будто ему подчиняется время, а значит, и сам Бог; будто безупречная и неуязвимая Америка будет управлять миром на протяжении многих веков. Немалое число людей в мире, включая заклятых врагов США, тоже в это верят. Некоторые из них готовы даже на суицид, лишь бы навредить вечной, как они полагают, власти США. Но все это не имеет никакого значения: через 30 лет придется искать новый центр.

Другие страны вполне могут претендовать на эту роль. История показала, что городу-«сердцу» необязательно находиться на территории большой и густонаселенной страны: ни у Брюгге, ни у Венеции, ни у других городов ничего подобного не было. Чтобы стать центром, нужны силы, созидательная энергия, стремление к инновациям, массовому производству, риску и доминированию.

Исходя из данных критериев многие города через 20–30 лет смогут претендовать на роль центра.

Во-первых, Лондон — первый финансовый центр европейского континента, место, где сосредоточены европейские элиты и располагаются два самых известных университета мира. Возможно, через 20–30 лет в этом городе будут сочетаться многочисленные характеристики центра: разношерстное население, крупный порт и аэропорт, креативный дух. Но этого недостаточно: Лондон как центр XIX века обладал развитой промышленностью, транспортной и коммунальной инфраструктурой, необходимой для производства товаров. Сити наших дней будет всего лишь финансовой платформой, современной и неустойчивой, которую при следующем взрыве «пузыря» на рынке недвижимости покинут многие жители.

Центр может быть образован слиянием нескольких европейских городов, расположенных на пути следования высокоскоростных поездов из Лондона во Франкфурт через Брюссель, Лилль и Париж: эти города обладают промышленными и финансовыми преимуществами. Такое станет возможно, если несколько стран ЕС, среди которых Франция и Германия, объединят политические, промышленные и военные усилия. Тогда новый европейский регион сможет заменить Калифорнию, а евро — прийти на смену доллару. Но пока не произойдут сильные потрясения, речь о которых пойдет в следующих главах, этому не бывать. Конечно, чтобы стать центром, нужно иметь огромное желание жить, управлять, продвигаться вместе, собирать таланты со всего мира. Нужно обладать особой страстью к власти и смело идти на риск, как это делали прежние центры. Однако необходимость всего этого сегодня может оказаться не бесспорной, особенно при многочисленных опасностях, поджидающих эту часть Европы.

Другой центр может появиться в скандинавских странах, между Стокгольмом, Хельсинки и Осло. Там царит особый климат — передовые индустрии, прекрасные университеты, нефтяные месторождения, высокий уровень образования и безопасности, высокая степень социальной защищенности и качество жизни. Несмотря на негативные последствия, глобальное потепление будет на руку Скандинавии. В ее городах можно собрать весь мировой креативный класс. Тем не менее северные государства, которые

предпочитают держаться в стороне от мировых потрясений, вряд ли станут вмешиваться в чужие дела, за исключением отдельно взятых дипломатических миссий. Они сами откажутся от роли центра, поскольку это предполагает отказ от привычной для них нейтральной позиции.

Из других европейских городов ни один не готов взять на себя расходы, связанные с защитой и расширением центра рыночного уклада.

Серьезный кандидат — Токио: к 2030 году японская промышленность будет иметь некоторые преимущества перед остальными тихоокеанскими и азиатскими страна, ми и сыграет важную роль в создании товаров будущего. Но этот город уже упустил свой шанс в начале 1980-х годов. Вряд ли к 2030 году ему удастся вписаться в схему общечеловеческих ценностей: философский идеал Японии не предполагает индивидуальной свободы. Сюда будет трудно привлекать таланты со всего мира. К тому же из-за сложных отношений с Китаем и Кореей Япония не сможет взять на себя роль политического покровителя и защитника периферии и внутренних районов, тем более — стать мировым военным лидером.

Два других азиатских города — Шанхай и Мумбай — к 2030 году превратятся в важнейшие города мира с крупнейшими экономиками. Это большие порты, куда стекаются товары со всех уголков света. Следовательно, и они могут претендовать на роль центра. Однако чтобы занять это место, им нужно формировать системы связи, законодательную базу, полицейскую, военную и технологическую инфраструктуру; стабилизировать внутреннюю политическую обстановку и создать рабочие места для многочисленного населения сельских районов. Эти города не готовы возглавить новую рыночную форму, так как слишком заняты решением внутренних проблем, усмирением недовольства своих беднейших провинций и не обладают даже элементарной инфраструктурой.

Австралия вполне может оказаться в роли будущего центра: новая Америка, динамичная, способная принимать иммигрантов и развивать технологии, обладающая крупнейшими в мире портами. Но она так мало заселена и так далека от остального мира! Нужен транспортный прогресс, который приблизит Сидней на расстояние четырех часов лёта или пяти дней по морю до Лос-Анджелеса и Токио, а также

увеличение населения хотя бы до 100 млн. Для Австралии такие показатели будут недостижимы еще в течение долгого времени.

Глобальное потепление улучшит климат России и Канады, но эти страны — не самые удачные кандидаты на роль центра. Крупнейшие города исламского мира — Каир, Анкара, Багдад и Джакарта — тоже мечтают о высоком статусе, но к 2035 году у них будет недостаточно промышленных, финансовых, культурных и политических сил. К тому же центру нужна интеллектуальная свобода, в этих странах немыслимая.

Возможно, центр будет существовать в виртуальном мире. Позже мы вернемся к этой мысли.

Можно предположить, что центр по-прежнему двигается на Запад, продолжая начатое три тысячи лет назад путешествие. Следовательно, он должен пройти через Японию, Китай, Австралию и Индию, чтобы в конечном итоге завершить полный круг на Ближнем Востоке, где когда-то зародился торговый строй. Можно представить, что центр обоснуется в Иерусалиме, столице всех государств региона, наконец-таки обретших мир. «Город-мир» — почему бы нет? Мировая столица рыночных демократий или столица мировой рыночной демократии.

Но пока мы ждем «светлого завтра», ни один из городов не займет место Лос-Анджелеса. В течение долгого времени, пока не нахлынут три волны будущего, центр не нужен рыночному строю.

11 государств

В ближайшем будущем в мире будет одиннадцать мощных экономических и политических держав: Япония, Китай, Индия, Россия, Индонезия, Корея, Австралия, Канада, ЮАР, Бразилия и Мексика. Я их так и называю — одиннадцать. Через 20–25 лет эти страны превратятся в рыночные демократии, но ни одна из них не станет центром в прямом смысле слова.

20 стран, в том числе Аргентина, Иран, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Венесуэла, Казахстан, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия, Алжир, Марокко, Нигерия и Египет, будут находиться на экономическом подъеме, но еще тяготиться положением институциональных лакун. Другие страны, более скромные по размерам, — Ирландия, Норвегия, Дубай, Сингапур и Израиль — сыграют особую роль.

Азиатские страны выйдут в лидеры. Две трети коммерческих сделок будет совершаться через Тихий океан. Через 20 лет уровень производства азиатских стран превысит уровень мирового производства. Тринадцать из двадцати крупнейших контейнерных портов находятся в Азии (включая Шанхай, Гонконг, Сингапур, Нагоя в Японии, Пусан в Корее, Гаосюн на Тайване, Дампьер в Австралии). Уже сейчас порт Пусан и шанхайский Яншань способны обрабатывать до 90 контейнеров в час; в будущем портовые и аэропортовые инфраструктуры этих городов разовьются еще сильнее.

Экономика Китая будет второй в мире. К 2025 году его население составит 1,48 млрд человек. Сохраняя сегодняшние темпы, ВВП Китая превысит ВВП Японии к 2015 году и ВВП США к 2040 году. Его доля в мировом ВВП увеличится с 4,5 до 7 % к 2015 году и достигнет 15 % к 2025-му. Средний уровень жизни в стране в 2050 году составит половину от американского. К 2025 году, даже если ежегодный экономический рост сократится вдвое, ежегодный доход на душу китайского населения составит $6000. Миллионы китайских граждан станут представителями среднего класса, тысячи — буржуазии. В стране будет наблюдаться положительный баланс движения капиталов и кредитов. Китай продолжит финансировать дефицит бюджета США.

Будто поддерживая сообща мировой экономический рост, они на самом деле копят силы, чтобы сразиться в будущем. Китай превратится в главного инвестора региона от Филиппин до Камбоджи, отодвинув на второй план Японию и США. В его прибрежные регионы будут съезжаться представители креативного класса со всего мира, а китайский креативный класс возвратится на родину.

Коммунистическая партия Китая не сможет организовать городскую жизнь. Даже несмотря на то, что коммунистам удалось сохранить экономический рост в 2008–2009 годах благодаря принятой программе по активизации экономики, им все равно придется отдать власть в городах в руки выборных представителей. Без реформирования компартии не решить существующие проблемы: у 90 % китайского населения нет ни пенсионных выплат, ни медицинской страховки; половина городского населения и 80 % сельских жителей не имеют доступа к услугам здравоохранения; в половине из пятисот крупнейших городов страны нет питьевой воды и системы утилизации отходов. Китай должен формировать городскую инфраструктуру; укреплять валютную стабильность; бороться с коррупцией; проводить мероприятия по оздоровлению государственных финансов; создавать рабочие места для миллионов крестьян, наводняющих города; снижать разрыв в уровне доходов; улучшать систему образования, которая должна выпускать больше управленческих кадров; реформировать устаревший государственный сектор; построить судебную систему, которая могла бы защитить частную и интеллектуальную собственность. Эти задачи не могут быть выполнены при однопартийной системе. К 2025 году срок правления компартии приблизится к 76 годам (еще ни одной политической партии в мире не удавалось так долго и непрерывно оставаться у власти). Недалек тот час, когда она перестанет существовать. После этого в стране какое-то время будет царить хаос, как уже неоднократно случалось в ее истории. Может, установится новая форма правления, и события будут напоминать 1912 год, названный «эрой милитаристов», когда власть над Китаем поделили несколько военных правителей. Если страна не сможет сохранить единство, она наряду со многими другими будет вовлечена в процесс распада, о котором мы поговорим в следующей главе. Пытаясь продлить свою жизнь, компартия Китая сможет предпринять вторжение на Тайвань и в Сибирь.

К 2025 году Индия займет первое место в мире по численности населения — 1,4 млрд, а ее экономика выйдет на третье место вслед за Китаем и США. С 2010 года экономический рост Индии превышает экономический рост Китая, но ВВП на душу населения меньше, чем в КНР, из-за быстрого демографического роста. Tata, Infosys и Mittal станут крупнейшими в мире компаниями. Правительству Индии предстоит решить те же проблемы, что и Китаю: финансировать развитие городской инфраструктуры, найти альтернативные источники энергии, заняться строительством дорог и аэропортов, запустить процедуру финансового оздоровления, уменьшить разрыв между регионами и социальными классами. Если правительству не удастся это сделать, стране грозит участь Китая — дезинтеграция: ведь Индия была единой только во времена британской колонизации.

Несмотря на финансовый кризис, относительный упадок и старение населения, Япония останется одним из важнейших игроков на мировой арене. Однако если она не примет 10 млн иммигрантов или не попытается восстановить уровень рождаемости, ее население будет уменьшаться — этот процесс уже начался. Несмотря на то что положение Японии идеально подходит для доминирования в сфере технологий будущего — от роботов до нанотехнологий, — ей чуждо понятие личной свободы. Это государство будет существовать за счет окружения: оружие из Северной Кореи, продукция из Южной Кореи, инвестиции из Китая. Оно будет вести себя решительно, обладая всеми видами оружия, в том числе ядерным, и выбирая оборонительную и протекционистскую стратегию, что принесет значительные убытки. К 2025 году экономика Японии будет всего лишь пятой в мире.

Южная Корея станет одной из важнейших азиатских стран. К 2025 году ее ВВП на душу населения удвоится; культурный и технологический динамизм превратит это государство в новую экономическую и культурную модель для остального мира. Китай, Малайзия, Индонезия, Филиппины и Япония постараются скопировать успешную южнокорейскую модель, которая заменит американский стандарт развития. Долговечность успеха Южной Кореи будет зависеть от ее способности проложить дорогу между двумя катастрофическими сценариями: воссоединением, вызванным крахом северокорейского режима, чья экономическая политика невыносима, и военным обострением с применением ядерного оружия

северокорейского соседа, которое разрушит полувековое экономическое чудо Южной Кореи.

К 2025 году население Вьетнама превысит 125 млн жителей. Если вьетнамскому правительству удастся провести реформу политической, банковской и образовательной систем, создать дорожную инфраструктуру и победить коррупцию, экономика страны станет третьей в Азии. В любом случае, Вьетнам будет одним из важнейших государств на мировой арене, привлекательных для иностранных инвесторов.

На пути развития Индонезии стоят следующие проблемы: коррупция, низкий уровень образования населения, разногласия между этническими группами. Если она их преодолеет, то станет одним из самых влиятельных государств в мире и первой страной в исламском мире. К 2025 году население Индонезии достигнет 280 млн. И у нее достаточно своих природных ресурсов: нефть, газ, серебро, золото, никель, медь, бокситы. Как в случае с Индией и Китаем, одного экономического роста не хватит, чтобы усмирить сепаратистские настроения на архипелаге: позднее Индонезия распадется на множество более мелких территорий. К этому мы еще вернемся.

Россия достигнет демографического равновесия и использует часть нефтяной и газовой ренты, чтобы организовать свое развитие. ВВП страны, ставшей в 2008 году первым производителем «черного золота» (в день добывалось 9,87 барреля, что на 10–12 % больше, чем в Саудовской Аравии) и титана, превысит в 2025 году ВВП Франции и Италии, а российская экономика займет шестое место в мире. Россия будет располагать средствами (нефтедолларами) для покупки западноевропейских промышленных предприятий, что обойдется ей дешевле, чем модернизация собственных заводов. Нефтяная промышленность по-прежнему будет приносить половину налоговых доходов. Как и остальные 11 стран-лидеров, Россия создаст городскую инфраструктуру, правовые основы, защищающие частную и интеллектуальную собственность, современную банковскую систему и значительно улучшит систему здравоохранения: продолжительность жизни, в 2008 году снизившаяся до 59 лет у мужчин и до 72 лет у женщин, начнет расти. Численность населения к 2025 году стабилизируется на уровне 120 млн человек против сегодняшних

142 млн. Однако России будут угрожать мусульмане с юга и китайцы с востока.

В Латинской Америке к 2025 году на ведущие позиции выйдут два государства. ВВП Мексики, чье население достигнет 125 млн, превысит ВВП Франции. Однако Мексике будет тяжело справиться с неконтролируемым ростом городов, снизить уровень загрязнений и уменьшить неравенство социальных классов и этнических групп. Набирающие силу антисевероамериканские политические настроения замедлят ее экономический рост и поставят под удар союз с США. Бразилия, население которой к 2025 году достигнет 229 млн, станет четвертым крупнейшим государством в мире — вслед за США, Китаем и Индией, оставив позади Японию. Она будет крупнейшей агропромышленной страной. Если экономический рост сохранит нынешние темпы, к 2025 году бразильский ВВП превысит ВВП Италии, затем Франции, Великобритании и Германии. Бразилии тоже предстоит разрешить ряд серьезных проблем: построить городскую инфраструктуру, создать эффективный и надежный государственный аппарат, победить коррупцию, улучшить образовательную систему, реформировать устаревший государственный сектор, развить экспортные индустрии.

Африка не преуспеет в создании широкой прослойки среднего класса, даже несмотря на то, что будет испытывать экономический подъем, сопровождающийся значительным демографическим ростом. К 2025 году население африканского континента составит 1,4 млрд человек. Нигерия, Конго и Эфиопия войдут в десятку самых густонаселенных стран мира. Хотя в Африке находится 80 % месторождений платины и 40 % залежей алмазов, пятая часть мирового запаса золота и кобальта, африканские леса представляют огромный интерес для туристов со всего мира, а Китай, Индия и другие страны покупают африканское сырье, помогая улучшить инфраструктуру континента, она никогда не будет играть важную роль на мировой арене. Причин для этого много: из-за природных условий в Африке сложно организовать производственный процесс; климатические изменения повлекут за собой снижение урожайности в полузасушливых регионах на 20 % и затопление обрабатываемых земель в заболоченных районах, так что в 2025 году Африка сможет прокормить только 40 % своего населения. Рабочий класс,

уменьшавшийся в течение веков из-за работорговли, а сегодня из-за СПИДа и других эпидемий, еще недостаточно сформирован. Элиты покинут родные страны. Большая часть континента будет разорена политическими беспорядками, коррупцией и насилием. «Искусственные» страны, типа Нигерии и Конго, окажутся на грани распада. К 2025 году ВВП Африки составит меньше четвертой части среднего общемирового ВВП, а большинство населения континента будет жить за чертой бедности. Количество недоедающих детей достигнет 41 млн. Лишь некоторым государствам удастся преуспеть — ЮАР (ВВП на душу населения превысит ВВП России), Египту, Ботсване и Гане. Другие страны африканского континента столкнутся с угрозой распада.

Доля ВВП арабского мира в общемировом ВВП возрастет, но незначительно и, скорее, за счет демографического роста, чем производственного. Из-за отсутствия политической стабильности, правовых основ, в связи с разделением жизни на светскую и религиозную, несоблюдением прав человека и женщин ВВП на душу населения арабских стран не будет расти с такой скоростью, как это происходит во всем мире. За исключением стран Магриба, где вероятное примирение Алжира и Марокко позволит создать общий рынок государств юго-западного бассейна Средиземного моря и установить многообещающее сотрудничество со странами Южной Европы. На востоке Средиземного моря будут набирать силу Турция и Иран.

Самый долгий и значительный экономический подъем в истории человечества будет сопровождаться невероятным ускорением процессов глобализации и коммерциализацией времени.

Рынок станет могущественным, а стоимость обмена данными относительно низкой. Членам креативного класса будет не нужно собираться в одном месте, чтобы управлять миром. Новым производством займутся одновременно тысячи сайтов, и торговая форма сможет функционировать без центра.

Капитализм будет развиваться динамичнее, чем когда-либо. Все, кто пророчит его смерть, ошибаются.

Глава 5. Третья волна будущего: гиперимперия

Многие люди в США и других странах говорят, что отныне история будет рассказывать лишь о распространении рынка и демократии внутри каждого государства. Это то, что они называют концом истории. По мнению большинства, все произойдет спокойным и естественным образом, без войны между демократическими и диктаторскими режимами. Ведь СССР распался не из-за того, что Москву начали бомбить, и Ирак надо было «демократизировать» без вооруженного вторжения и бомбежек Багдада. И даже без введения экономических санкций: никакие эмбарго никогда не побеждали ни одну диктатуру. Люди могут стать свободными лишь благодаря экономическому росту, прозрачности информации и расширению среднего класса. Торговый строй будет полицентрическим — несколько развивающихся рыночных демократий сосредоточатся вокруг пары-тройки ведущих держав.

Возможно, события будут развиваться именно по такому сценарию. В период с 2025 по 2035 год исчезнет девятая рыночная форма, ей на смену не придет новая, и миром будут править несколько ведущих стран. Но, мне кажется, что это продлится недолго. Постепенно все успокоится и возникнет новая ситуация: рынок без демократии.

К 2050 году под давлением требований рынка и благодаря новейшим техническим средствам мир объединится вокруг планетарной торговой площадки без центрального государства. Начнется то, что я называю гиперимперией. Сначала распадутся государственные службы, затем демократия, а потом и сами государства.

Единый мировой рынок будет долго верен старым ценностям калифорнийского центра. Как культурные ценности Лондона долгое время напоминали культурные ценности Амстердама, бостонская культура походила на лондонскую, Лос-Анджелес ориентировался на Нью-Йорк, так и гиперимперия частично останется проамериканской: товары, сильно напоминающие мобильные устройства, смешанная

культура, непостоянный стиль жизни, индивидуализм как ценность и нарциссизм в качестве идеала.

Нахлынет третья волна будущего. Затем начнутся крайне жестокие войны, которые приведут к гиперконфликту. Все закончится балансом между демократией и рынком в планетарном масштабе — мировой гипердемократией.

Распространение рыночной демократии: полицентрический мир

К 2035 году везде, кроме Китая и мусульманского мира, торговый рост приведет к созданию прослойки среднего класса, который положит конец диктатуре и учредит парламентскую демократию.

Уже на протяжении двух веков мы наблюдаем постепенное — параллельное, хаотичное и необратимое — распространение демократии и рынка (рыночной демократии) по всему миру. В будущем данный феномен коснется даже Египта, Индонезии, Нигерии, Конго, Китая и Ирана. Целиком или частично эти страны подчинятся логике, которая еще недавно свергла диктатуры в Чили, Испании, России и Турции. Ислам, индуизм и конфуцианство больше не станут противостоять демократии; каждое из этих древних учений будет отстаивать свое право называться прародителем демократии.

Свободных выборов будет недостаточно для установления рыночной демократии: примеры Ирака, Алжира и Кот-д’Ивуара продемонстрировали, что просто свободные выборы, не сопровождаемые созданием стабильных экономических и политических институций и желанием граждан жить сообща, могут только помешать демократическому развитию. Нужно, чтобы эти государства постепенно, как их предшественники, обзавелись светскими институциями, парламентами, политическими партиями, судебной и полицейской системами, соблюдающими права человека и свободу слова. На это может уйти много времени, но не следует требовать от Азии и Африки того, чего никогда не требовали от Европы.

Чтобы помочь демократическим государствам, необходимо использовать свои ценности и институции, а не ракеты. Они должны открыть собственные рынки для предприятий, продукции и студентов; инвестировать в них, что приведет к созданию новых рабочих мест; поддерживать новые СМИ; способствовать переходу к новому типу сельского хозяйства, появлению банковской системы, системы социального страхования, юридической и полицейской систем,

продвижению журналов, радиостанций, новых элит и негосударственных организаций.

В ходе этого процесса нации, регионы, люди решат, что они больше не хотят жить друг с другом; богатые регионы отделятся от бедных, как когда-то Чехия отделилась от Словакии. Возможно, Фландрия решит отделиться от Валлонии, Северная Италия — от Южной, Каталония — от оставшейся части Испании; Шотландия объявит себя независимым государством; курды отделятся от иракцев; индусы как единый народ распадутся, то же самое произойдет с индонезийцами.

Государства, которые были искусственно созданы при колонизации Африки и Азии, перестанут существовать. Очень вероятно, до конца века появится сотня новых государств.

В каждой из этих демократий значительная часть национального дохода будет формироваться за счет государственных бюджетов, государственных и частных систем страхования, которые разделят страховые риски, связанные со здоровьем и пенсионным обеспечением. Этот процесс дополнится постепенным исчезновением крестьян и рабочих, ростом прослойки среднего класса, менее зависимой от тяжелого труда и ценящей формальные свободы и материальное благополучие.

Пока демократия и рынок остаются равными силами, они разделяют свои сферы влияния и соблюдают границы. Торговый строй будет представлен несколькими рыночными демократиями. Мир станет полицентрическим, на каждом континенте выделятся одна-две ведущие державы: США, Бразилия, Мексика, Китай, Индия, Египет, Россия и ЕС (несмотря на то что он не обладает всеми признаками государства). Если к тому времени Нигерия еще будет существовать, она присоединится к ним, хотя маловероятно. Вместе эти девять государств станут правителями полицентрического мира и образуют неформальное мировое правительство, о котором я еще буду говорить в главе о пятой волне будущего. Но прежде все должны стать участниками Совета безопасности ООН и расширенного состава «Большой восьмерки».

Полицентрический порядок не продержится долго: по своей природе рынок — завоеватель. Он не признает границ и дележа территорий. Он не станет подписывать с государствами соглашение о

мире и откажется отдавать им свои полномочия. Он распространится на весь государственный аппарат и отнимет у правительств (даже в полицентрическом мире) их последние прерогативы, в том числе суверенитет.

Даже если в течение какого-то времени государствам, регулятивным органам и международным организациям удастся ограничить власть рынка, все равно производственные, финансовые и технологические силы легально или нелегально откажутся принимать любое полицентрическое равновесие, постоянно сотрясая границы и соперничая со всеми государственными органами. Образование, здравоохранение и все, что связано с понятием суверенности и сегодня заполнено государственными служащими, уйдет из-под контроля государства: медики, учителя, судьи и солдаты превратятся в наемных работников частного сектора.

Их услуги станут более затратными по времени и дорогими с денежной точки зрения — из-за старения населения Земли, урбанизации, снижающегося уровня безопасности, экологических проблем и постоянной необходимости самообразования. Поэтому их заменят промышленными товарами массового производства.

Начнется (уже началась) геополитическая битва между рыночными демократиями и самим рынком за мировое господство. Эта борьба закончится победой капитализма над США и победой рынка над демократией. А значит, и над историей.

Заменители государства: гипернаблюдение и самонаблюдение

Постепенно рынки найдут новые источники доходов, переключившись на деятельность, которой сегодня занимаются государственные службы: образование, здоровье, окружающая среда, суверенитет. Частные предприятия коммерциализируют эти услуги, а затем заменят их товарами массового производства, которые идеально впишутся в ход технического прогресса.

Сначала люди будут искать (и найдут) новые средства, которые позволяли бы экономить аккумулированную информацию и энергию. Прежде всего для того, чтобы снизить потребление энергоресурсов, сырья и воды, а также уменьшить негативные последствия для окружающей среды. Это станет возможно с помощью технологий, позволяющих хранить энергию и информацию в нанометрических единицах (отсюда название «нанотехнологии»). Мы дойдем до строительства наномашин по сборке молекул, отслеживающих атомы и манипулирующих ими. Посредством новейших технологий можно будет экономить воду, древесину и нефть, использовать неисследованные морские и космические пространства. В микропроцессорах будут применяться биомолекулы, ДНК и пептиды, из таких микропроцессоров начнут собирать нанокомпьютеры. Наноэлектростанции смогут работать на водородных батареях. Авторепликаторы смогут восстанавливаться и самовоспроизводиться. Технический прогресс улучшит экологические качества материалов, реактивность, аэродинамику, строение, горючесть и скорость.

Эти технологии коренным образом изменят современные способы производства. На выпуск единицы продукции будет требоваться намного меньше энергии; улучшится система управления питьевой водой, городскими отходами и вредными выбросами; повысится качество продуктов питания, одежды, жилья, автомобилей, бытовой техники и мобильных устройств.

Уменьшатся в размере средства получения информации, развлечения, коммуникации, передвижения и возрастет кочевая мобильность. Универсальный номадический объект интегрируют в

тело человека. Это будет своего рода датчик и контроллер. Из специальных материалов, подлежащих переработке, создадут одноразовые экраны, которые можно будет использовать в качестве стен-картин в общественных местах и домах. Это радикальным образом изменит подход к освещению пространства, строительству, чтению. Персональные роботы будут помогать инвалидам и обычным людям в повседневной жизни; появится возможность одновременно присутствовать на нескольких виртуальных собраниях и воссоздавать, по крайней мере виртуально, исчезнувшего или воображаемого человека. Автомобили оснастят автопилотами, на скоростных трассах они смогут перемещаться самостоятельно. Сверхскоростной самолет будет долетать из Токио или Лос-Анджелеса до любой точки в Тихом океане менее чем за четыре часа; корабль сможет переходить из одного азиатского порта в другой менее чем за сутки и пересечет Тихий океан за три дня. Частные компании будут отправлять туристов в отели на орбите, устраивать поездки на Луну, а затем и на Марс.

К 2040 году произойдет самое главное преобразование: значительно сократятся организационные издержки рыночных демократий, повысится рентабельность промышленности, снизится роль государства и постепенно исчезнет полицентрический порядок. Новые промышленные товары займут место автомобилей, стиральных машин, мобильных устройств: речь идет о «*наблюдатчиках*», которые заменят множество контрольных функций государства.

Образование, здравоохранение, управление будут постепенно замещены, как это когда-то произошло с транспортом, бытовыми службами и коммуникациями, машинами массового производства. Предприятия выйдут на новые рынки, а экономику ожидает взлет. Так как речь идет о главных общественных сферах, определяющих государства и народы, коренным образом изменится отношение к личности и коллективу, самобытности, жизни, независимости, знаниям, власти, нации, культуре, геополитике.

Это и есть самая важная революция, которая настигнет человечество в ближайшие 50 лет.

«Наблюдатчики» не появятся по воле чудаковатых ученых и одаренных инженеров; они станут выражением финансовых потребностей рыночного уклада, который постоянно требует изобретения новых средств для сокращения времени производства

товаров, увеличения пропускной способности сети, уменьшения общих расходов, повышения стоимости времени, превращения желаний и потребностей в рыночные богатства.

Этот процесс будет проходить в два этапа: гипернаблюдение и самонаблюдение.

Когда рыночные законы распространятся на законы демократии, с такими общественными институциями, как образование, медицинское обслуживание, обеспечение безопасности, правосудие и верховная власть, начнут конкурировать частные компании. Государства будут вынуждены приравнять иностранные клиники к собственным государственным больницам, а филиалы частных зарубежных университетов — к своим государственным высшим учебным заведениям.

Частные охранные, полицейские, разведывательные службы начнут конкурировать с государственной полицией. Они будут наблюдать за передвижениями людей и собирать информацию для страховых компаний и предприятий, которые захотят все знать о своих работниках, клиентах, конкурентах и рисках, а также защитить принадлежащие им материальные, финансовые и интеллектуальные активы от различных угроз. Сдвиг в пользу частных компаний позволит снизить общественные издержки и минимизировать расход редких ресурсов. Эти службы станут неотъемлемой частью жизни, давая возможность отследить маршрут движения предметов и людей. Кочевая мобильность положит начало гиперконтролю: за любым подключением к сети можно будет проследить.

Частные службы возьмут в свои руки управление социальными правами и административными структурами. Станет возможным получить документы и пособия быстрее, заплатив дороже: в Великобритании уже существует такая система. Независимые власти будут принимать множество решений, освобождая государство от ответственности.

В обмен на снижение налогового бремени, что пойдет на пользу богатым, государственные услуги сделают платными. В итоге это сильно навредит бедным слоям населения. Так как частным конкурирующим компаниям нужно затрачивать огромные суммы на привлечение клиентов, чего избегают государственные учреждения, конечная стоимость услуг для клиентов сильно увеличится.

Постепенно физические и юридические пользователи превратятся в потребителей, которые будут оплачивать услуги в виде прямой покупки либо страховой премии частным или государственным страховым компаниям, что станет своего рода заменителем налогов. Налоги, в свою очередь, значительно уменьшатся.

Страховые компании потребуют от своих клиентов выплаты страховых премий (страхование от болезни, потери работы, смерти, кражи, несчастного случая, необеспеченности). Также они захотят, чтобы для снижения рисков их клиенты следовали определенным нормам. Компании будут диктовать людям, как жить: что есть и знать, как управлять и вести себя, как защищаться, производить и потреблять. Они станут наказывать курильщиков, пьяниц, лиц, страдающих ожирением, безработных, незащищенных, агрессивных, рассеянных, опрометчивых, растяп, мотов. Невежество, уязвимость и расточительность будут считаться болезнями. Предприятия подчинят правилам, чтобы снизить риск производственных инцидентов, травм и внешних угроз, например перерасхода реальных ресурсов. Все компании будут вынуждены считаться с интересами общества. Некоторые даже введут собственное «гражданство» как один из аспектов своего имиджа и деятельности.

Увеличение рисков в связи со старением населения, ростом городов, экологическими катастрофами, преступлениями приведет к повышению доли страховых премий в общенациональном доходе с одновременным уменьшением налоговых поступлений.

Предприятия будут вынуждены соблюдать правила, навязываемые страховыми компаниями, и требовать от своих сотрудников выполнения других правил: следить за собственным здоровьем, знаниями, собственностью, быть бдительными, экономить редкие природные ресурсы, заботиться о себе, самообразовываться, защищаться. Все, что можно обозначить выражением «быть в форме», станет нормой общественного поведения.

В целях обеспечения экономической рентабельности страховых компаний каждому частному лицу и предприятию будет необходимо проверять третьих лиц на соответствие этим правилам; для этого все должны согласиться быть под наблюдением.

Наблюдение — модное словечко грядущих времен.

Наступит время гиперконтроля. С помощью новейших технологий можно будет узнать всё о происхождении продукции и передвижении людей, что в далеком будущем станут использовать для военных целей. Датчики и миниатюрные камеры на всех общественных и частных территориях, в офисах и местах отдыха, даже в мобильных устройствах начнут следить за приездами и отъездами. Уже сейчас телефон позволяет не только общаться, но и отслеживать абонента. Посредством биометрических технологий (отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза, форма рук и лица) будут наблюдать за перемещениями путешественников, работников, потребителей. Контроль за состоянием здоровья тела, души или качества продукции станет осуществляться с применением многочисленных аналитических машин.

Местоположение универсальных мобильных устройств будет определяться в любой момент. Все данные, содержащиеся в них, включая фотографии повседневной жизни каждого человека, смогут сохранять и продавать специализированным предприятиям, государственным или частным полицейским органам. Личные сведения о состоянии здоровья и профессиональных качествах будут постоянно обновляться в частных информационных базах. Станет нормальной практикой тестирование в целях превентивной терапии. Тюрьму заменит домашний арест под постоянным удаленным наблюдением.

Ничего не удастся держать в секрете, больше не останется причин для скромности и скрытности. Все будут знать всё обо всех. У людей исчезнет чувство стыда и одновременно увеличится толерантность. Еще вчера забывчивость скрашивали оттенком сожаления, завтра прозрачность информации не позволит раскаиваться и сожалеть о чем-либо. Любопытство, вдохновляемое тайной, исчезнет, к великому сожалению «желтой прессы». И знаменитости тоже.

Рынок не ограничится товарами для удаленного наблюдения: к 2050 году промышленная продукция массового производства позволит каждому осуществлять самоконтроль, отслеживать степень соответствия себя нормам и правилам — появятся *самонаблюдатчики*. Эти устройства дадут возможность частным лицам и предприятиям контролировать потребление энергии, воды, сырья и т. д.; можно будет следить за своими сбережениями и собственностью. С помощью таких

приборов люди выиграют время. Уже сейчас зеркала, весы, термометры, алкотестеры, тесты на беременность, электрокардиографы, многочисленные датчики измеряют параметры, сравнивают полученное значение с показателями нормы и выдают результаты. Новейшие технологии уменьшат размеры портативных средств наблюдения: миниатюрные компьютеры будут интегрированы в одежду из нановолокон. Подкожные микрочипы смогут непрерывно регистрировать сердцебиение, артериальное давление, уровень холестерина; микропроцессоры, встроенные в органы, — отслеживать отклонения от нормы в организме. Миниатюрные камеры, электронные датчики, биомаркеры, наноустройства, нанотрубки (микроскопические датчики, которые можно вводить в альвеолы или кровь) позволят любому человеку постоянно или время от времени измерять показатели своего тела.

В образовательной и информационной сфере появятся устройства и программное обеспечение для самоконтроля знаний, будет организована их постоянная проверка.

На протяжении некоторого времени только медики и профессора, работающие над созданием и выпуском самонаблюдатчиков, смогут ими пользоваться. Затем эти предметы уменьшат, упростят, начнут выпускать и продавать по низкой цене, так что они будут доступны всем, несмотря на сильную конкуренцию со стороны знатоков своего дела. Наблюдение станет мобильным и автономным. Все захотят обновлять эти устройства: страх перед деградацией и невежеством, растущая непосредственность в отношениях и недоверие к медицинским и образовательным учреждениям, убежденность в технологической непогрешимости создадут новые рынки многочисленных устройств. Страховые компании будут способствовать этому, пересматривая размеры страховых премий по мере увеличения рисков, которым подвергаются их клиенты. Они потребуют от людей доказательств использования самонаблюдатчиков.

Практикующие врачи займутся лечением новых болезней, которые не были диагностированы ранее, а преподаватели станут репетиторами всех, кого определят как «неподдающихся обучению».

Коллективные услуги, на сей раз государственные, превратятся в товары массового производства. Каждый будет стражником своей

тюрьмы. В то же время индивидуальная свобода достигнет пика, по крайней мере в воображении людей.

Помимо самонаблюдатчиков (существуют уже сейчас) будут созданы *самовосстановители*, с помощью которых можно исправлять ошибки, обнаруженные «автонаблюдатчиками». Прародителями самовосстановления являются индустрии красоты, косметики, моды, эстетической медицины, диетологии и фитнеса. Старение мирового населения лишь увеличит потребность в них. Мы начнем с интеграции самовосстанавливающих приборов в искусственные системы — механизмы, мосты, недвижимость, автомобили, бытовую технику, мобильные устройства. Затем микропроцессоры, изготавливаемые ранее из органических материалов, потом — биоматериалов, перейдут к восстановлению тела человека. Через регулярные промежутки времени будет осуществляться поступление медикаментов в организм; микрокапсулы начнут вводить в кровь для выявления и борьбы с раковыми клетками, старением мозга и тела. Если удастся разгадать генетические механизмы предрасположенности человека к тому или иному заболеванию, то можно будет заблокировать их проявления. Вероятно, однажды человек попробует совершать манипуляции внутри клеток без их разрушения, что позволит делать операции на органах in vivo.

Помимо этих устройств все будут пользоваться услугами и механизмами для «последнего путешествия»: повышение стоимости времени приведет к появлению на рынке средств для достижения вечности. Когда-то Церковь занималась продажей индульгенций, теперь рынок будет предлагать услуги суицида, эвтаназии, крионики. Затем люди коммерциализируют механизмы, позволяющие симулировать агонию, частичные суициды, состояние клинической смерти, экстремальные путешествия без гарантии возвращения.

Достижения в области нейронаук сделают возможным ментальный поиск знаний и информации во внешних базах данных без сохранения этого в своей памяти. Бионические протезы, встроенные прямо в мозг, помогут людям соединить знания — создавать образы, путешествовать, изучать, фантазировать и общаться с другими умами. Уже сегодня известно, что можно переместить курсор на мониторе благодаря мысленному импульсу, переданному компьютеру с помощью электронного имплантата, вживленного в моторную кору головного

мозга. Посредством этой технологии парализованные люди способны написать 15 слов за минуту благодаря простой передаче мысли, а затем отправить их по электронной почте. Телепатия стала реальностью. Завтра эти процессы сделают возможными новые формы прямой ментальной коммуникации, улучшат процесс обучения и совместного творчества. Также это будет новым источником художественного творчества.

Распад государств

Подобные технологии появятся, когда возрастут коллективные расходы населения. В связи с этим постепенно уменьшится роль государства и государственных институций, социальной взаимопомощи. Так, сначала увеличившись, доля коллективных расходов в общенациональном доходе впоследствии значительно снизится.

Рост рынков в полицентрическом мире наряду с развитием новейших технологий будет способствовать ослаблению роли государства. Сначала крупные предприятия при поддержке многочисленных специализированных компаний станут воздействовать на СМИ посредством шантажа в рекламе, чтобы влиять на выбор людей. Затем они ослабят государства.

Когда богатое меньшинство поймет, что его потребности лежат в сфере, подчиняющейся законам рынка, а не выборам, оно сделает все возможное, чтобы приватизировать эту сферу. Например, когда состоятельные люди осознают, что солидарная пенсионная система не соответствует их интересам, они переделают ее в накопительную пенсионную систему, так что пенсионные выплаты больше не будут зависеть от неблагоприятного для них решения основной части населения. То же самое произойдет с системой здравоохранения, полицией, образованием и охраной окружающей среды.

Затем рынок, носящий глобальный характер, преодолеет сами законы демократии, по природе носящей локальный характер. Самые богатые члены креативного класса (всего несколько миллионов человек из 2 млрд акционеров, обладателей мобильных активов и знаний) будут рассматривать свое пребывание в любой стране (в том числе в стране рождения и ведущих государствах полицентрического порядка) как индивидуальный контракт, исключающий всякую лояльность и солидарность с соотечественниками. Они без колебаний сменят страну проживания, если сочтут, что мало получают. А если предприятиям в странах — правителях полицентрического порядка не понравятся действующие там налоговые и юридические законы, они переместят свои штаб-квартиры за границу.

Государства будут соревноваться в снижении налогов на доход для креативного класса, что лишит их важной части бюджетных поступлений; обескровленные и теснимые самонаблюдатчиками страны уступят рынку права на предоставление большинства услуг, касающихся образования, здравоохранения, безопасности и собственного суверенитета. Сначала государственный аппарат переместится в страны с дешевой рабочей силой, затем его передадут в частные руки. Налоги будут уменьшаться, доходы падать, беднейшие слои населения останутся без поддержки и защиты государства.

Без государственной поддержки предприятия будут работать на благо потребителей, а не сотрудников, чьи доходы уменьшатся. Технологии автоконтроля лишь ускорят этот процесс. На первое место встанет потребитель, а не пользователь общественных услуг; прибыль, а не заработная плата; страховые и развлекательные компании и фирмы, производящие системы автонаблюдения.

В 2050 году начнется долгий процесс разрушения государств, многие из которых появились тысячи лет назад. Представители среднего класса, главной движущей силы рыночной демократии, снова окажутся в неустойчивом положении. Они полагали, что им удалось спастись, отделившись от рабочего класса. Однако контракт придет на смену закону, наемники — армии и полиции, арбитры — судьям. Адвокаты в области частного права будут процветать.

В течение какого-то времени ведущие страны полицентрического порядка еще смогут устанавливать правила общественной жизни. Политическое совершеннолетие сольется с экономическим — возрастом, когда ребенок становится независимым потребителем. Во всех странах политические партии, находящиеся в полном замешательстве, будут искать новые сферы влияния, но напрасно: ни правые, ни левые не смогут остановить приватизацию образовательной системы, здравоохранения, безопасности, страхования, а также замещение этих услуг товарами массового производства. И тем более наступление гиперимперии. Правые только ускорят процесс приватизации. Левые тоже будут ему способствовать, предоставив среднему классу справедливый доступ к средствам коммерциализации времени и частного потребления. Публичные компании потеряют популярность, социальное движение не сможет противостоять коммерциализированному миру. Посредственные

государства, опираясь на малочисленных чиновников и дискредитированное правительство, которым будут манипулировать частные группировки, продолжат свое «предоставление услуг» еще некоторое время. Но люди перестанут воспринимать государство всерьез. Его мнение все меньше будет влиять на общественность, как сегодня мало кого интересует мнение и поступки оставшихся монархов в некоторых европейских странах.

Национальные государства будут напоминать оазисы, соревнующиеся за право принять проходящие караваны. Их образ жизни будет ограничен редкими ресурсами, которые принесут с собой кочевники, решившие сделать в них остановку, чтобы производить, продавать и развлекаться. В своих странах на долгое время останутся лишь домоседы, вынужденные жить на одном месте из-за угроз врагов, слабости, юности или старости, к ним прибавятся люди, приехавшие из других мест в поисках более достойной жизни.

Развиваться будут лишь государства, сумевшие сохранить лояльность своих граждан, благоприятствуя их креативному началу, социальной интеграции и мобильности. Некоторые социал-демократические и мелкие страны окажутся в лучшем положении, нежели другие. По мере наступления гиперимперии люди станут возвращаться к городам-государствам, которые правили миром на заре рыночного строя.

Чтобы помешать разрушению национальной идентичности и остановить массовую иммиграцию, в ряде стран к власти придут расистские, религиозные или светские диктаторы. События, которые в скором времени произойдут в таких государствах, как Бельгия и Нидерланды, — первых центрах торгового мира и старейших демократиях, продемонстрируют ход эволюции. Впоследствии это отразится даже на самых крепких государствах, озабоченных вопросами свободы. Мы еще поговорим об этом в главе, посвященной четвертой волне будущего.

Пока Африка будет напрасно бороться за свое становление, в другой части мира под давлением глобализации начнется процесс дезинтеграции. Африка завтрашнего дня не будет напоминать современный Запад; скорее, западный мир станет напоминать современную Африку.

До конца XXI века правительство США, без сомнения, последним из полицентрического мира лишится своих главных инструментов независимости.

Сначала это произойдет в виртуальном мире: как когда-то книгопечатание помешало властям на местах, теперь Интернет сыграет против США. Он перестанет подчиняться Вашингтону, будут развиваться многочисленные бесплатные информационные источники, СМИ высвободятся из-под контроля богатейших людей, и, в конце концов, Сеть опустошит правительства Америки и других стран. Многие люди, отказавшись от настоящего гражданства, потребуют гражданства виртуального мира.

Американские корпорации перенесут научно-исследовательские центры и штаб-квартиры в другие страны, и федеральное правительство США потеряет значительную часть доходов. Будет все сложнее финансировать государственные функции, в частности оборону. Граждане больше не захотят видеть, как умирают их дети на поле битвы, и участвовать в защите своей страны.

Военные постараются вернуть государству бразды правления посредством национализации стратегических предприятий, закрыв границы и выступив против бывших союзников. СМИ будут лгать и подтасовывать факты. Но это не поможет: в перспективе Вашингтон должен отказаться от принятия важных экономических и политических решений в пользу штатов и крупных корпораций. Государственные службы передадут в частные руки. Тюрьмы превратятся в частные предприятия с бесплатной рабочей силой. Последний оплот государственного суверенитета — армия — сначала будет заменена наемными солдатами, а потом приватизирована.

Американская империя исчезнет, как когда-то исчезла Римская империя, но, в отличие от последней, не оставит своего наследия новому Риму. Государства станут ностальгическим воспоминанием, растворяющимся призраком нашего времени, входящего в стадию своей абсолютной коммерциализации.

Абсолютная коммерциализация времени

Капитализм подойдет к своему концу: он уничтожит все, что ему не принадлежит, и превратит мир в огромный рынок, лишенный государств и наделенный характеристиками центра. В гиперимперии воцарится дух свободы, но вместе с тем и крайнего отчуждения. Она завершит все, над чем работал рынок с момента своего появления: каждая минута нашей жизни будет занята производством, обменом или потреблением рыночных ценностей.

Как когда-то победители Римской империи, рынки захотят облачиться в одежды побежденных; модель американского общества еще долгое время прослужит образцом для гиперимперии, которая заставит выйти на рынки наблюдения все предприятия; каждый студент должен будет сам оплачивать высшее образование и профессиональную переподготовку. Чтобы защитить частную собственность, товары, идеи, патенты, людей, окружающую среду в отсутствие государства, рынок создаст полицию, армии, частные органы юстиции, заполнив их наемниками и судьями.

Время, потраченное не на потребление или аккумулирование объектов потребления, будет считаться проведенным зря. Исчезнут офисы, заводы, мастерские — чтобы люди могли потреблять дома: работать, играть, просвещаться, контролировать себя. Исчезнет такое понятие, как пенсионный возраст, транспорт превратится в места для торговли, больницы и школы — в пункты продаж и послепродажного обслуживания самонаблюдатчиков и самовосстановителей, предвестников пятой волны будущего.

Чем более человек одинок, тем больше он потребляет, занимается самоконтролем и развлекается, чтобы скрасить одиночество. Растущая индивидуальная свобода приведет к тому, что каждый будет считать себя ответственным за личную и профессиональную жизнь, будто бы подчиняясь только собственным прихотям, хотя на самом деле — установленным правилам.

Кочевники первых обществ, как и граждане рыночных демократий, следовали жестким правилам, которые являлись выражением коллективных амбиций. Граждане гиперимперии не будут

связаны никакими социальными обязательствами. Люди будущего, находясь в ситуации кочевой мобильности, займутся лишь удовлетворением своих потребностей в пределах ограничений, налагаемых на их поведение страховыми компаниями. Граждане будут считать, что всё, что их окружает, создано для их счастья, искать повсюду удовольствия или выгоду. Мы прекратим заботиться друг о друге: зачем что-то делить, если можно за это бороться? Зачем делать вместе, если можно быть конкурентами? Мы перестанем делать счастливыми других людей, пытаться найти счастье друг в друге. Коллективная деятельность будет невозможна, как и любые политические изменения.

Одиночество начнется с детства. Биологические и приемные родители перестанут воспитывать детей. Рано повзрослевшая молодежь будет страдать от одиночества, которое ничем не заполнить. Пожилые станут чувствовать себя брошенными еще сильнее — наступит время, когда вокруг них не останется ни одного знакомого лица. Мир зальет одиночество, а любовь заменит мастурбация.

Чтобы скрасить тяготы изоляции, люди захотят разделить с кем-то кров, имущество, выгоду, борьбу, игры без претензий на длительные сексуальные отношения и верность, соглашаясь с полигамностью партнеров. Многие будут искать случайных встреч за деньги или без. Избавление от одиночества люди найдут в самонаблюдатчиках и наркотиках.

Двумя ведущими индустриями станут страхование и развлечения. Страховые компании (плюс хеджевые фонды) организуют частную полицию, которая установит гипернаблюдение за предприятиями, потребителями и работниками. Страховые компании будут тратить огромные средства, чтобы оказывать влияние на общественное мнение и привлекать клиентов. Они потребуют от людей соблюдать правила, а затем заставят всех установить самонаблюдатчики. Микрострахование для беднейших слоев населения станет не средством продвижения демократии, а ее заменителем. Индустрия развлечений с помощью технологий наблюдения будет записывать эмоции публики и интегрировать их в транслируемые выступления. Оставшиеся бесплатные сервисы простимулируют процесс потребления. Автослежение замаскируют под информирование, игры и развлечения,

чтобы избежать опасений людей. Политика превратится в своего рода театральную постановку, где роли будут исполнять сами политики.

Предприятия-«кочевники»

Еще до того как гиперимперия уничтожит государства, многие предприятия не будут иметь постоянного местоположения. Они превратятся во временные объединения отдельных личностей либо длительные союзы групп людей. В обоих случаях они будут вынуждены завоевывать клиентов и инвесторов в условиях жесточайшей конкуренции.

Первые организуются по примеру театральных трупп, объединяя профессиональные качества и капиталы для выполнения поставленной задачи. Продолжительность жизни таких структур будет зависеть от проектов, для реализации которых они создавались, способности вырабатывать новую продукцию, желаний инвесторов и клиентов. Люди станут жить дольше, но время существования подобных предприятий будет намного короче, чем жизнь их сотрудников. Большинство образований распадется после смерти их основателей; работать в них будет временный персонал, нанятый для выполнения определенной задачи. Труд, ограниченный требованиями рентабельности, концепцией «точно в срок», заказным форматом, приобретет стрессовый, гибкий и временный характер. Такие «труппы» (предприятия) будут играть в «театрах» (на рынках), пока у них остаются «зрители» (клиенты). Они распадутся после «премьеры» (выпуска продукта). «Театральные компании» — в основном микропредприятия, многие из которых представляют собой мультинациональные объединения, состоящие из нескольких партнеров, проживающих в разных точках мира. Креативный процесс останется главным источником дохода.

Организация предприятий второй категории, встречающихся намного реже, будет выстроена по модели цирка или киностудии, то есть складываться вокруг имени, истории, проекта. Они объединят множество «трупп» (временных работников), а «представления» будут давать в разных местах (там, где располагаются рынки). Публика, привлеченная одним громким именем, станет потребителем продукции, о которой ей, по сути, ничего не известно. Главное качество таких предприятий — умение выбирать «спектакли» для

каждого сезона. Их культура, языки и местонахождение будут носить мобильный и временный характер, а административный состав будет представлен хорошо оплачиваемыми профессионалами. Руководителям этих компаний понадобится время, чтобы продумывать в долгосрочной перспективе новые «спектакли»; им придется управлять процессами гибкого производства, командами по реализации на местах и международным маркетингом. Они будут делать все, чтобы развивать креативность своих сотрудников и верность клиентов, даже случайных.

Такие фирмы станут «сборщиками», «оформителями», объединяющими субподрядчиков («театральную труппу»), которые состоят в острой конкуренции друг с другом. Это своего рода объединения партнеров-«кочевников». Чтобы удержать ценных сотрудников, предприятия предложат им все, что раньше предлагало государство: комфортные условия жизни, защиту, страхование, образование. Самым главным активом данных организаций будет их марка, которую нужно беречь и делать все, чтобы она жила, стимулируя новых потребителей. Эти фирмы начнут финансировать масштабные коммуникационные программы, чтобы занимать передовые позиции в созданной ими вселенной. Они станут воплощением идеалов, которым все захотят соответствовать, и мест, куда все захотят поехать. Даже частично возьмут на себя функции государства, например будут финансировать неправительственные организации. Главными «цирками» станут промышленные предприятия, строящие инфраструктуры, производящие станки, двигатели, продукты питания, бытовую технику, одежду, транспорт; работающие в сфере туризма, дистрибуции, красоты, фитнеса, развлечений, энергоресурсов, информации, финансов, страхования, обороны, здравоохранения, образования. Также они будут заниматься защитой окружающей среды, частной безопасностью, рекрутингом, арбитражем, «наблюдатчиками», финансовой, городской, транспортной и коммуникационной инфраструктурой, инфраструктурой путей сообщения и природы. Огромные рынки наполнятся продукцией, предназначенной для беднейших слоев населения. Микрокредитование начнет играть более важную роль, чем традиционная банковская система. Страховые компании станут главными покупателями этих «цирков», обеспечивая их рост.

«Цирки» обладают достаточной смелостью и умом, чтобы радикальным образом изменить свой рыночный сегмент, как это когда-то сделали такие компании, как «Нокиа» и «Дженерал Электрик».

Первые «цирки» будут преимущественно американскими или проамериканскими, потому что именно американцы сумеют объединить ресурсы в длительный глобальный проект. Уже известен ряд таких компаний: «АИГ» — в страховании, «Ситигруп» — в банковской сфере, «Дисней» — в развлекательной индустрии, «Бектэл» — в строительстве, «Вирлпул» — в производстве бытовой техники, «Юнайтед Хелс Груп» — в сфере здравоохранения, «Пирсон» — в образовательной сфере, «Уолмарт» — в области продаж, «Эксон» — в нефтяной сфере, «Майкрософт» — в сфере программного обеспечения, «Боинг» — в области обороны и авиации, «Найк» — в производстве одежды, «Моторола» — в сфере коммуникаций, «Кока-Кола» — в производстве напитков и продуктов питания. В Европе их намного меньше: «Нокиа», «Лореаль», «Нестле», «Данон», «Мерседес», «Виттон», HSBC, «Санофи».

«Цирки» будут преимущественно индийскими, бразильскими, японскими, китайскими, русскими, мексиканскими.

Такие фирмы вненациональны и мобильны. Они смогут жить намного дольше, чем их временные владельцы — финансовые империи и инвестиционные фонды. На смену организационной иерархической структуре придет лабиринтообразная; одинаковые локальные предприятия будут объединяться по запросу в конгломераты, производящие продукцию на заказ.

Некоторые «цирки» даже создадут (уже создают) свою валюту, чтобы заручиться лояльностью поставщиков и клиентов. Валютой станут бонусы, начисляемые клиентам и поставщикам; потом их будут использовать и в партнерских компаниях. И никто, даже правительство США, не сможет им противостоять.

Время гиперимперии наступит, когда страховым компаниям удастся взять под контроль главные корпорации и навязать свои правила государствам; наемники заменят армии, а собственная валюта корпораций — основные мировые валюты.

В противовес слабым, умирающим государствам появятся еще две категории предприятий, отвергающих законы гиперимперии: пиратские фирмы и компании социальной направленности.

Пиратские фирмы, существующие со времен зарождения рыночного строя, снова зацветут пышным цветом. Некоторые из них будут заниматься разрешенной законом деятельностью, но при этом не соблюдать законы (в частности, налоговые). Другие сольются с криминалом (наркобизнес, незаконная торговля оружием и людьми, азартные игры, взяточничество, отмывание денег, изготовление подделок известных брендов). Обороты таких фирм превысят обороты легальной экономики. Они будут отмывать деньги, которые частично возвратятся на легальные рынки. Криминальные фирмы объединятся с компаниями рыночной экономики, финансируя их и создавая с ними совместные предприятия. Они обзаведутся всеми атрибутами государств: коммуникационными сетями, инструментами для сбора ресурсов, вооружением. Эти организации будут контролировать СМИ, превратив их с помощью коррупции и запугивания в собственные инструменты пропаганды и обмана. Располагая системой микрофинансирования, подпитываемой грязными деньгами, пиратские фирмы привлекут на свою сторону беднейшие слои населения. Кроме того, они выступят в роли главных участников и инициаторов четвертой волны будущего — гиперконфликта, о котором мы поговорим в следующей главе.

Некоммерческие организации и фонды социальной направленности будут выполнять некоторые обязанности государства (уже сейчас занимаются такой деятельностью). Эти компании восстановят понятие бесплатности и добровольчества, интегрируются в рынок и создадут совместные предприятия. Они вызовут пятую волну будущего — гипердемократию, в ходе которой мировые демократические институции уравновесят гиперимперию.

Хозяева гиперимперии: гиперкочевники

Хозяевами гиперимперии будут звезды «цирков» и «театральных компаний» — обладатели капиталов предприятий-«цирков» и мобильных активов, финансовые стратеги, владельцы страховых и развлекательных компаний, архитекторы программного обеспечения, творцы, юристы, финансисты, авторы, дизайнеры, артисты, штамповщики мобильных устройств, то есть гиперкочевники. Ими станут несколько десятков миллионов женщин и мужчин, непримиримых конкурентов — не работодатели, не служащие, но в то же время занимающие несколько рабочих мест одновременно, управляющие своей жизнью, словно пакетом акций.

В условиях жесточайшей конкуренции они создадут новый креативный класс — гиперкласс, который будет управлять гиперимперией. Представители гиперкласса поселятся во всех центрах полицентрического мира. Им необходимо защищать свои капиталы, изобретения, программные продукты, патенты, профессионализм, доходы и произведения искусства. Они будут говорить на многих языках, пользуясь машинными переводчиками. Одновременно ипохондрики, параноики, мегаломаны, нарциссы и эгоцентристы, гиперкочевники будут одержимы новейшими самонаблюдатчиками и станут активными потребителями электронных и химических наркотиков.

Они будут экспериментировать с технологиями, которые позволят увеличить продолжительность их жизни вдвое. Гиперкочевники раскроют всем секреты медитаций, релаксаций и любви к себе.

Обучение и опыт станут для них жизненной необходимостью, любопытство — безоговорочным требованием, манипулирование — частой практикой. У них появятся особые каноны красоты, особые развлечения, особая культура. Их образ жизни все больше будет напоминать лабиринты; потребность в творчестве приведет к тому, что для них исчезнут границы между работой, потреблением, творчеством и развлечением.

Гиперкочевники станут лучшими и худшими представителями мирового сообщества — непостоянного, беззаботного, эгоистичного.

Арбитры элегантности, хозяева богатств и СМИ, не принадлежащие ни одной национальности, политической партии, культуре. Их одежда будет напоминать одеяния кочевников, внешний вид и оснащение — говорить о направлениях путешествий и предприятиях. Они станут покровителями художников, которые смешают разные формы виртуального искусства и с помощью устройств слежения будут стимулировать, измерять, записывать и изменять эмоции людей. Их жизнь пройдет в закрытых городах в окружении наемников (яркий пример — город Гринвич в штате Коннектикут). Они установят цены на произведения искусства и недвижимость.

Союз двух человек перестанет являться основой жизни и полового поведения; люди предпочтут мимолетные и полигамные отношения. Их будет гораздо больше увлекать процесс охоты, нежели добыча; удел — копить трофеи и постоянно переезжать с места на место в поисках новых развлечений. Воспитанные в свободных семьях, не принадлежащих ни к одной культуре и не привязанных к постоянному месту жительства, они останутся верны только себе. Их больше интересуют собственные достижения, винные погреба, «наблюдатчики», коллекции произведений искусств, сексуальная жизнь и планирование суицида, чем будущее потомства, которому они не оставят ни денег, ни власти. Государственные дела, популярность и известность для таких людей — вне сферы их забот.

Некоторые из них займутся теневой экономикой и станут главными участниками четвертой волны будущего. Другие, напротив, посвятят себя решению острых проблем современности. Вкладывая свои деньги в гуманитарную деятельность, они станут альтруистами. Эти люди будут вдохновителями социальных предприятий, хранителями мировой демократии и главными участниками пятой волны грядущего. Как и креативные классы, существовавшие ранее, они окажут огромное влияние на образ жизни других людей.

Виртуальные кочевники: от спорта до всеобщего спектакля

Ниже гиперкочевников на социальной лестнице окажутся оседлые работники и их семьи: «белые воротнички», коммерсанты, медицинский персонал, адвокаты, судьи, полицейские, управляющие, преподаватели, разработчики, лабораторные исследователи, технические специалисты, квалифицированные рабочие, работники сферы обслуживания. К 2040 году их будет около 4 млрд. Большинство — без постоянного места работы. Они предпочтут следить за своей физической и интеллектуальной формой, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Молодые будут рассматривать путешествие как шаг на пути в гиперкласс: чем больше оседлый работник путешествует, тем выше он поднимется в иерархии компании.

В XX веке неквалифицированные рабочие являлись главной политической и общественной силой, а в ближайшие три десятилетия основной движущей силой станут квалифицированные оседлые массы.

Перенос предприятий в другие страны и иммиграция рабочих кадров приведут к снижению заработков. Работникам придется с сожалением вспоминать о том времени, когда границы были закрыты, работа стабильна, продукция делалась на века, браки заключались на всю жизнь, а законы считались непоколебимыми. Чиновники будут их идеалом, постоянная работа — капиталом, а жалованье — регулярным источником дохода. Очень немногие продолжат работать на то, что останется от государства; их положение будет крайне неустойчивым. Они используют любые средства, даже насилие, чтобы задержать процесс разрушения государств.

Оседлый по своей природе средний класс будет остерегаться болезней, распространяющихся по миру с огромной скоростью по вине кочевников. Представители среднего класса захотят замедлиться, держаться своих корней. Некоторые станут затворниками, зацикленными на мобильных устройствах и средствах слежения, наподобие японских отаку — фанатиков виртуального номадизма, музыкальных фанатов и одержимых нарциссической любовью к

своему телу. Другие будут страдать ожирением: на сегодняшний день им больны 31 % американских взрослых и 10 % европейского населения; в будущем больше половины мирового населения может оказаться в таком положении, выражая таким образом протест против грядущего номадизма.

Для средних классов главными в жизни будут страхование и развлечения: застраховаться — их цель, развлекаться — их способ забыться.

Для миллиардов оседлых жителей страховая индустрия создаст специальные продукты — страхование от болезни, переезда, неизвестности, хаоса в экономической, финансовой и культурной областях. Однажды можно будет застраховаться от любовной печали, сексуального бессилия, незнания или лишения материнской любви.

Индустрия развлечений изобретет новые способы виртуального общения гиперкочевников, положив начало виртуальному кочевничеству.

Продолжительность жизни представителей среднего класса увеличится. В полном одиночестве они будут создавать иллюзию движения, занимаясь четырьмя видами спорта старых элит: верховой ездой, гольфом, парусным спортом и танцами. Идеальные представители конкурентной борьбы в гиперимперии, где каждый может одержать победу. Имитация путешествий заменит им настоящие турне: это будут перемещения знакомыми тропами через безопасные леса по морскому побережью без пиратов, под надзором спасательных служб, с остановками в закрытых клубах (club-houses), гаванях и гостеприимных убежищах. Чтобы стать хорошим наездником, прекрасным игроком в гольф, отличным мореходом и танцовщиком, потребуется, преодолевая усталость, развивать качества путешественника: ловкость, интуицию, выносливость, грациозность, упорство, смелость, ясный ум, осторожность, чувство равновесия, командный дух. Самонаблюдатчики помогут окружить себя вселенной в 3D формате и заниматься спортом виртуально. Спорт привнесет элемент игры в жизнь оседлых классов, существующих в условиях жесткой конкуренции, разовьет их физически, даст возможность свыкнуться с устройствами слежения и почувствовать себя гиперкочевниками, хотя последние давно перестанут отвлекаться на занятия такого рода. Им нужны эмоции посильнее.

Средний класс будет отдавать огромные деньги за право посещения настоящих соревнований, подражая жизни гиперкочевников: эти мероприятия станут походить на ужасные кровопролитные войны, участники которых должны проникнуть во вражескую цитадель, защищаемую оседлыми жителями (гол в футболе) или другими кочевниками (заброшенный мяч в баскетболе, гол в американском футболе, регби, бейсболе). Спортивные состязания будут последними местами встреч «в реале» и единственной темой для разговоров. Новейшие технологии обеспечат доступ к любой информации в двумерном или трехмерном изображении и позволят людям наблюдать за своими эмоциями со стороны. Зрители смогут играть в онлайн-футбол с другими игроками. Большие соревнования, в частности футбольные, станут важным рынком для предприятий-«цирков» — организаторов данных зрелищ.

Виртуальные кочевники и подражатели гиперкочевникам пополнят ряды употребляющих алкоголь и наркотики: марихуану, опиум, морфий, героин, кокаин, синтетические вещества (амфетамины, метамфетамины, экстази). Химические, биологические и электронные наркотические вещества, отпускаемые самовосстановителями, приобретут статус продукции массового потребления в мире, где воцарится беззаконие, а главными жертвами будут инфракочевники.

Жертвы гиперимперии: инфракочевники

Гиперимперия будет способствовать мировому рыночному триумфу. Однако бедность не исчезнет. Значительная часть мирового населения продолжит жить за чертой бедности: численность инфракочевников, чей ежедневный прожиточный минимум составит менее $1,25, к 2015 году приблизится к 1 млрд по сравнению с 1,4 млрд в 2005 году и 1,9 млрд в 1981-м.

Слабые государства больше не смогут выплачивать приличные пособия. Попытки уменьшить число бедных с помощью рынка обернутся неудачей — рыночный рост не обеспечит достаточного количества рабочих мест, рынок будет не способен дать всем малоимущим базовые товары и строить в мегаполисах новые инфраструктуры, необходимые в связи с ростом численности горожан.

Инфракочевники пострадают больше всех от эпидемий, нехватки воды, последствий опустынивания и глобального потепления. Они будут вынуждены переезжать из сельской местности в города, а затем из города в город, убегая от нищеты и засухи, в поисках работы и жилья. Станут активными участниками волнений и теневой экономики, основными клиентами наркодилеров и первыми жертвами гиперконфликта — если он произойдет. Вместе с тем они окажутся главными победителями в гипердемократии — если она когда-нибудь наступит.

Пока всего этого не случится, никто не сумеет организовать грамотное управление гиперимперией.

Управление гиперимперией

Победа рынка над демократией создаст беспрецедентную ситуацию: рынок без государства. Все теоретики сходятся во мнении, что основными чертами такого рынка будут образование картелей, неполное использование производственных мощностей, финансовые спекуляции, безработица, непроизводительный расход природных ресурсов, расцвет теневой экономики и власть криминальных авторитетов. Так было в Китае в 1912 году, в Сомали — в 1990 году, в Афганистане — в 2002 году и в Ираке — в 2006 году. Так будет и в гиперимперии.

Государства, или то, что от них останется к 2050 году, станут совокупностью предприятий, преследующих одинаковые цели. Никакого гражданского равенства, справедливых выборов и информационной свободы.

Рынок не может успешно развиваться с таким положением дел, ему всегда необходимо сильное государство: чтобы правила соблюдались, не приходили «плохие» игроки, военные законы не заменяли рыночные, право собственности не нарушалось, потребители оставались платежеспособными, а применение силы контролировалось.

Страховые и развлекательные предприятия, представляющие главные рыночные силы, попытаются выступить в этой роли: они установят правила для всех и предложат зрелища, чтобы народ смог забыться. Они будут опираться на специализированные управленческие организации — своего рода самопровозглашенное правительство.

Банки и финансовые учреждения обзаведутся (уже обзавелись) международными надзорными органами, которые каждый месяц будут собирать в Банке международных расчетов в Базеле президентов центральных банков мира. Базельский комитет по банковскому надзору в настоящее время издал рекомендации («Базель-I» и «Базель-II») в области банковского регулирования, применимые для всех банков мира. Этот координационный банковский орган попытается собственными силами сформировать стабильный паритет между

основными мировыми валютами, навязав государствам свои бюджетные правила. Затем он введет мировую квазивалюту и постарается вытеснить «частные» валюты.

Другие организации установят правила, контролирующие источники капитала, чтобы противостоять теневой экономике. Общественные, а затем частные организации такого типа, опираясь на наемников, заменят полицию.

Профессионалы — бухгалтеры, адвокаты, рекламисты, программисты, фармацевты, архитекторы, преподаватели, инженеры, — подталкиваемые страховыми компаниями, создадут свои правила. Они откроют специальные организации, финансируемые за счет квазиналогов, чтобы следить за профессионалами и избегать скандалов. При этом будут использоваться новейшие технологии гипернаблюдения.

Правительственные институции такого же типа появятся на национальном и континентальном уровнях, в частности в области энергетики, телекоммуникаций, здравоохранения и образования.

Рейтинговые агентства введут финансовые, социальные, экологические и этические стандарты. Они заставят предприятия и государства, стремящиеся создать хорошее впечатление по сравнению с рынком, изменить свое поведение. В целях снижения негативных климатических последствий и ущерба от природных катастроф, страховые компании потребуют от предприятий соблюдения норм, установленных рейтинговыми агентствами.

Управление станет доходным сектором экономики, Им займутся предприятия, чтобы поддержат ь страховые компании, которые помогли им появиться на свет. Постепенно такие фирмы заменят национальные регулирующие органы. Для подтверждения соблюдения норм и правдивости показаний застрахованных лиц многие обзаведутся частной полицией, которая заменит развалившуюся армию и общественную полицию. Появятся предприятия, специализирующиеся на управлении, поставляющие компетентные управляющие кадры в компании.

Развитие наблюдательных (надзорных) организаций начнется под покровительством США: ICANN, контролирующий сегодня Интернет, является хорошим примером самопровозглашенного международного органа, за которым скрывается американское правительство. Такие

компании будут продвигать американские законы по всему миру, пока другие страны не создадут собственные надзорные органы.

Оценщики и страховщики станут чуткими правителями гиперимперии. У них появятся соперники, им будут угрожать и подкупать. Криминальные организации захотят уничтожить их, а сами займутся ликвидацией социальных организаций.

Сегодня футбол является ярким примером того, каким будет правительство гиперимперии. Нет более могущественного международного органа, чем FIFA (Международная федерация футбола), даже несмотря на то, что США не играет в ней важной роли. В ее распоряжении находятся значительные средства, получаемые от СМИ. Никто не знает, куда идут эти деньги и кто занимается финансовым управлением, У федерации есть свои антидопинговые лаборатории, которые она использует, как считает нужным. Даже самые маленькие футбольные клубы должны подчиняться любому изменению в регламенте, исходящему из Цюриха. В данном случае право, установленное вненациональной организацией, преобладает над национальными законами.

То же касается других международных спортивных ассоциаций, особенно Международного олимпийского комитета в Лозанне.

Вслед за спортивными организациями органы управления гиперимперии превратятся в самопровозглашенные институции, что окажется на руку их хозяевам — американцам и гиперкочевникам — законным или криминальным представителям. Их доктрина, восхваляющая конкуренцию, будет идеализированным представлением о гиперимперии.

Контролем этих федераций займутся страховые компании, покрывающие их основные риски: в 2003 году FIFA застраховала Чемпионат мира по футболу 2006 года на $262 млн — на случай его отмены из-за угрозы террористических актов. Так страховые компании взяли под свой надзор актуальные события.

Если данные управленческие институции покачнут теневую экономику, они приблизят момент, когда гиперимперия рухнет под натиском криминальных элементов в четвертой волне будущего. Вместе с тем если им удастся пробудить всемирный интерес и участие в людях, то они приблизят пятую волну будущего, которая породит мировое демократическое правительство.

Конец свободы во имя свободы

К 2050 году гиперимперия превратится в мир крайних диспропорций и огромных противоречий. Она рухнет под грузом неразрешимых проблем. С одной стороны, прозрачность выявит крайние формы неравенства, с другой — колебания экономических, политических и военных циклов будут иметь огромные амплитуды. Под предлогом спасения людей от нужды рынок породит еще большую нужду; промышленные предприятия под давлением страховщиков будут требовать максимальной рентабельности и минимального риска; заработные платы работников не вырастут; потребители призовут к снижению цен. Экономический рост, подчиненный краткосрочной перспективе и извлечению немедленной прибыли, затруднит финансирование исследований и сбор налогов. Страховые компании будут не в состоянии покрыть все риски. Информационные и развлекательные программы не смогут заглушать грохот приближающейся трагедии. Экономический рост, который сегодня заставляет всех надеяться на лучшее, больше не сможет служить оправданием для происходящего. Гипернаблюдение ограничит свободу и затормозит инновационный процесс.

Номадизм, двигатель торгового строя, столкнется с технологическими пределами, затрудняющими путешествия: экологические требования ограничат авиапутешествия; Луну колонизируют к 2030 году; чуть позднее станут продавать туры по Солнечной системе. Но люди не смогут забраться дальше: даже при движении со скоростью света понадобится три-четыре года пути до ближайшей звезды, а чтобы выбраться за пределы Солнечной системы, астронавтам нужно провести всю жизнь на борту космической ракеты, затем их родившиеся в космосе дети, которых они обучат искусству пилотирования, будут вынуждены сменить их на посту.

Гипермир гиперимперии не сможет смириться с внутренними границами, не согласится с тем, что Земля одновременно является тюрьмой и домом человечества. Он попытается (уже делает это) выйти за их пределы. Гипермир попробует заново воспроизвести себя как индивидуальный объект, чтобы существовать как бы «вне себя».

Человечество всегда искало способ размножаться не только естественным путем. Пытаясь отделиться от царства животных, люди начали отрицать репродуктивную функцию сексуальности, а затем придали ей совершенно другое значение. В большинстве космогоний ритуального строя рассказывалось, что боги не рождаются таким же образом, как люди; монотеистические религии считают сексуальность производной злых сил. Торговый строй, напротив, принимает эту функцию, наделяя ее иным содержанием — удовольствием. В рыночном строе, как и в предыдущих укладах, размножение считается животным инстинктом. Начиная с конца XIX века сексуальность рассматривается отдельно от воспроизводства в качестве вполне нормального чувства. В XX веке рыночный строй стремится уничтожить репродуктивную функцию, развивая технологии искусственного материнства: таблетки, преждевременные роды, оплодотворение в пробирке, суррогатные матери. В гиперимперии рыночный уклад дойдет до окончательного разделения функции воспроизводства и сексуальности: сексуальность будет властвовать над удовольствием, размножение передадут аппаратам.

Гипернаблюдение, самонаблюдение, самовосстановление позаботятся об этом: после того как удастся вылечить больные органы, мы захотим воспроизвести их, а затем и создать новое тело. Сначала мы займемся клонированием стволовых клеток без уничтожения эмбриона, получит развитие генотерапия, далее — терапевтическое, а потом и репродуктивное клонирование. Появится возможность создать человека на заказ в искусственной матке и выбрать признаки, которыми он должен обладать. Человек превратится в товар.

Благодаря невероятному прогрессу нанонаук все будут рассчитывать на пересадку своего мозга в другое тело, захотят получить двойника, копии любимых, мужчин и женщин своей мечты, гибридов с конкретными характеристиками для достижения определенных целей. Некоторые даже попытаются превозмочь человека, создав другую, высшую форму жизни и разума.

Смерть будет отодвинута до момента исчезновения последнего клона, и каждый такой клон забудет всё о других клонах.

Затем человек, воспроизводимый в качестве товара, перестанет признавать смерть: как и все промышленные предметы, он больше не сможет умереть, так как не рожден.

Но «последней смерти», «конца смерти» не будет: прежде чем люди превратят себя в машины и прежде чем установится власть гиперимперии, человек будет противиться этой перспективе. Это мы видим уже сейчас. Гиперимперия потерпит крах, разбившись о берег. Человечество сделает все, чтобы предотвратить ужас. При этом власть денег сменится властью оружия.

Глава 6. Четвертая волна будущего: гиперконфликт

Распад СССР и торжество демократического строя в мире отдалили начало новой войны. Гонка вооружений закончилась. Политики поняли, что намного важнее заниматься экономическим развитием. Кажется, мир еще никогда не был таким «тихим»: уже более полувека страны живут в относительном спокойствии.

Но как только государства распадутся и воцарится гиперимперия, запахнет новой войной. Рынок распространится по миру, различия нивелируются, все будут жить в условиях взаимной конкуренции. Государства ослабнут, и некому будет следить за порядком. Вспыхнут, набирая силу, региональные конфликты; сойдясь в жесткой схватке, регионы будут отстаивать свои амбиции. Человеческая жизнь обесценится. С распадом СССР с политической арены ушла одна из держав, регулирующих мировой порядок. Грядущий крах гиперимперии, появление нового вида оружия, увеличение количества игроков на международной арене спровоцируют глобальную войну. Гиперконфликт, превосходящий по разрушительной силе все предыдущие столкновения, вмиг распространится по планете.

Региональные амбиции

К 2025 году с наступлением полицентрического порядка на мировой авансцене появятся новые региональные силы.

Заручившись поддержкой военных, они захотят обеспечить себе доступ к источникам власти и богатства. Среди них будут и безусловные лидеры времени, и второстепенные воинственно настроенные участники.

Китай, чьи расходы на оборону сегодня незначительны, пожелает стать главной стратегической силой в мире; он завоюет Тайвань и подчинит себе территорию Восточной Азии, как когда-то в XIX веке США установили гегемонию во всей Америке. Китай отдалится от Японии и США, опираясь на поддержку Южной Кореи. Последняя будет вынуждена противостоять режиму Северной Кореи и ядерной угрозе с ее стороны. Япония также станет бороться с этой угрозой и растущим влиянием Китая. Индия начнет сопротивляться мусульманскому влиянию. Пакистан, если не перейдет в руки исламистов, будет препятствовать влиянию Индии и попытается подчинить себе соседние государства от Афганистана до Кашмира. Индонезия постарается сохранить исламскую направленность и начнет борьбу за место лидера Юго-Восточной Азии. Австралия тоже захочет взять в свои руки управление прилегающими территориями и защититься от поползновений Индонезии.

Шиитский Иран пожелает контролировать арабский мир к большому неудовольствию суннитов. Эта территория древней Персии обладает удачным геополитическим положением, необходимым количеством населения, деньгами и нефтяными ресурсами. Однако Турция не захочет отдавать власть над тюркоязычными территориями. Саудовская Аравия, ненадежный вассал США, попытается сохранить лидерство в своем регионе. Египет — тоже потенциальный кандидат на роль ведущего государства арабского мира. Израиль продолжит бороться за выживание и не выпустит из рук власть над регионом. Алжир и Марокко будут оспаривать лидерство в Магрибе. Находясь под угрозой распада и одновременно на пике демографического роста, Нигерия и Конго захотят контролировать соседние страны. ЮАР

попытается доминировать в близлежащих государствах, чтобы не превратиться в анклав.

Россия постарается восстановить статус мировой державы перед лицом исламского мира и Китая. Защищаясь от соседей, она обзаведется военными союзниками по линиям нефте- и газопроводов. В Западной Европе Франция и Германия будут бороться за пальму первенства — ЕС больше не сможет их удержать от столкновений.

В Южной Америке Венесуэла попытается оспорить превосходство Бразилии и объединить вокруг себя андские страны, чтобы освободить регион от североамериканского влияния. Мексика и Аргентина не останутся в стороне от борьбы за региональное лидерство. В Мексике антисевероамериканские настроения поставят под удар ее союз с США. При этом инициированная США борьба с наркотрафиком потребует от мексиканцев усиления военного потенциала. Канада сохранит нейтралитет.

Американский континент восстанет против экономического и политического влияния США, арабский мир захочет уничтожить израильское государство, персидский мир — потеснить арабский, Россия — снова доминировать над частью Европы, защититься от Китая и исламского нашествия. Индия и Пакистан попытаются поглотить прилегающие страны. Китай и Россия продолжат претендовать на одни и те же пограничные территории. Япония, США и Китай будут сражаться за лидерство в Восточной Азии.

Возникнут самые немыслимые военные союзы: Иран объединится одновременно с Китаем и Россией, Китай — с Пакистаном, Россия — с ЕС; Пакистан, Египет, Индонезия и Иран создадут мусульманский союз, небольшие страны Юго-Восточной Азии, представленные в АСЕАН, — военный союз, пытаясь избежать американского, китайского и японского влияния; Иран и Венесуэла будут искать поддержки со стороны России и Китая; ЕС сблизится на военном поприще с США, Россия — с Алжиром (уже сейчас продает оружие Венесуэле, которая пожелала получить статус наблюдателя… в Лиге арабских государств!).

Столкновение дипломатических и экономических интересов может привести к военным конфликтам между государствами, в которые вмешаются пираты и наемники.

Армии пиратов и корсаров

Мафия, банды, террористические группировки (я называю их пиратами) всегда вмешивались в жизнь государств и наций, выступая против их власти и попирая законы. Процесс дезинтеграции ослабит страны, полиция и законодательство потеряют власть над обществом, в отношениях между людьми пышным цветом расцветут насилие и жестокость. Пираты станут ключевыми участниками экономики и геополитики.

Когда закончится девятая торговая форма и воцарится гиперимперия, ряды пиратов пополнятся. Они будут сильны как никогда. Отведенного им места в гиперимперии и холодной войны окажется недостаточно. Не имея ни территорий, ни семей, которые нужно защищать, пираты захотят захватить власть над миром. Чем больше будет гиперимперия, тем сильнее они станут. Государственная полиция не сможет им противостоять.

Можно назвать несколько видов пиратов.

На месте стран, которые распадутся под давлением рынка и демократии, появятся пиратские государства и негосударственные образования, зоны беззакония. Ими будут управлять предводители вооруженных банд, контролирующие регионы, порты, нефтепроводы, дороги и сырье. Уже сейчас так происходит в Сомали, Приднестровье (на границе между Молдавией и Украиной), частично — в Эфиопии, на Шри-Ланке, в Афганистане, Пакистане и других регионах Африки и Азии.

Огромные города превратятся в пиратские царства, к которым не осмелится приблизиться ни полиция, ни армия. Уже сейчас мы можем наблюдать это в Бразилии, Нигерии, Конго, Колумбии.

Пираты будут очень хорошо вооружены.

Мафиозные структуры и преступные группировки, банды «белых воротничков» и наркодилеры, сутенеры и торговцы оружием, владельцы игорных притонов смогут «работать» без определенной географической привязки, аккумулировать денежные средства, угрожать, вести себя, словно государства, и тем не менее сражаться против них, обеспечивая себе безопасность. У них будет новейшее

вооружение (бандиты располагают им и сейчас). Пираты начнут угрожать судьям, полицейским и политикам, стоящим у них на пути. Иногда, как в Колумбии, Сомали, Бразилии и Пакистане, этим бандам удастся контролировать практически всю территорию государства. Гиперкочевники (химики, интеллектуалы, бухгалтеры, инженеры, чиновники, финансисты) будут состоять на службе у пиратов, участвуя в общемировой дезинтеграции государств.

Политические и религиозные группировки установят контроль в своих странах, выгонят из них оккупантов и уничтожат там торговый строй по примеру Аль-Каиды и других подобных нигилистических группировок.

Появятся и другие пираты. Насилие и ярость, царящие в гиперимперии, породят среди толп инфракочевников смелость особого типа. Как и толпы кочевников, которые пересекали Рейн в 406 году, современные бандиты с оружием в руках смогут преодолеть Гибралтарский пролив, Амур и Усумасинту, угрожая, а не выпрашивая.

Некоторые объединятся против государств и демократий: уже есть наркобароны на службе у политиков или иммигрантов, перевозящие запрещенные вещества; мы видим остатки государств, превратившиеся в мафиозные притоны; можем проследить, как террористические силы, по сути кочевнические, находят прибежище в зонах беззакония, бывших государствах, а мафиозные группировки выступают в поддержку политических, светских и религиозных притязаний, чем когда-то занималась итальянская Коза Ностра и французские гангстеры, ставшие в 1940 году коллаборационистами. Для усмирения городского насилия понадобится вмешательство военных.

Государствам потребуется много солдат и полицейских, готовых рисковать своей жизнью. Но желающих будет все меньше. Общество не захочет видеть, как соотечественники умирают в бою. Сейчас только 0,5 % американского населения состоит на военной службе, и каждый убитый солдат — национальная трагедия. Экс-американская империя будет вынуждена набирать, как когда-то Римская империя, иностранцев в свои войска: сегодня 2 % военнослужащих армии США представлены иммигрантами, которые еще не получили гражданство; то есть в вооруженных силах страны служит 300 тысяч неамериканских граждан. Их численность стремительно растет благодаря постановлению от 4 июля 2002 года, согласно которому

иностранцы, служившие в армии, проходят ускоренный процесс натурализации (почти копия декрета императора Адриана, принятого в 138 году н. э.). Количество иммигрантов, получивших гражданство благодаря службе в армии, увеличилось с 750 человек в 2001 году до 4600 в 2005-м.

Но и это не всё: кроме пиратов будут еще корсары. Большую популярность получат наемнические предприятия, куда станут устраиваться бывшие военные. Эти организации превратятся в субподрядчиков армии и полиции. Уже сейчас в Африке существуют сотни структур такого типа, поставляющих людей и вооружение правительствам, предприятиям, международным институциям. Они занимаются обороной, защитой и нападением. Промышленные предприятия на легальных условиях финансируют наемников на службе у правительств тех государств, в которых эти компании хотят получить долю рынка. К помощи наемнических организаций прибегают в случае, когда вмешательство ООН и ОАЕ (Организации африканского единства) не помогает восстановить мир, как, например, было в Сьерра-Леоне. Даже ООН пользуется услугами наемников, чтобы защитить свои отделения. Некоторые страны сотрудничают с этими структурами, чтобы самим не участвовать в войнах и не бороться с преступниками. Одни наемнические организации соблюдают кодекс поведения на войне, другие руководствуются Женевской конвенцией. Большинство же, как и правительства, которым они служат, не придерживается никаких правил: достаточно вспомнить пытки в Ираке и судьбу узников Гуантанамо.

Гнев лаиков[3]

Чем дальше, тем сильнее народ будет ненавидеть рыночный строй и в первую очередь Америку, которая продолжит его возглавлять еще на протяжении 20 лет. На то есть свои причины.

Народная ненависть по отношению к центру рыночного уклада усилится, когда он начнет приходить в упадок. Такова судьба всех уходящих в историю центров, такова судьба и американской империи. Торжествуя в момент падения Берлинской стены, Вашингтон сам успел превратиться в главный объект для критики наряду с глобализацией и рыночной демократией.

Против Америки и рыночного строя сформируется «критическая коалиция», объединяющая всех разочарованных и недовольных. Они будут критиковать всё подряд: Америку, Запад, глобализацию, рыночную демократию, гиперимперию. Антиглобалисты всех мастей, большинство из которых не смогут ничего предложить взамен, осудят Америку по всем пунктам, а именно что она монополизировала существенную часть мировых богатств, непроизводительно расходует природные ресурсы, негативно влияет на климат, закабаляет нации, командуя ими по своему усмотрению и всячески нарушая законы демократии, которые пытается навязать другим странам.

Рынок также подвергнется всеобщей критике. Станет ясно, что ему не удалось уничтожить ни бедность, ни безработицу, ни эксплуатацию; он лишь помог избранному кругу лиц захватить власть в свои руки, обделив народ, предпочтя сиюминутную прибыль долгосрочному развитию. Рынок негативно влияет на мировой климат, создает дефицит и изобретает новые бесплатные услуги, чтобы впоследствии извлечь из них выгоду. Продолжительность и качество жизни не стали одинаковыми во всем мире; торговый строй с помощью гипернаблюдения и «автовосстановителей» превратился в одну из самых опасных и абсолютных диктатур. Он поощряет жестокость, материализуя все людские желания, в частности создавая новые виды оружия.

Легко будет порицать и демократию как иллюзию, используемую богатыми, которым подвластно все: средства информации,

развлечения, наблюдения, лечения, образования, выбора, накопления. Парламентская демократия, как и рынок, — обман, инструмент военных корпораций; она порождает неравенство, уничтожает природу, подрывает моральные ценности. Люди поймут, что демократия — это всего лишь удобный предлог для американцев, чтобы сохранить власть над миром и видимость благопристойности, закрывая глаза на процветание теневой экономики там, где им это выгодно.

Торговому строю вменят в вину, что он является источником бедности, несправедливости, неустойчивости, беспорядка, расточительности, экологических катастроф, аморальности, дезинтеграции, нарушения религиозных правил, подавления. Демократию и рынок назовут машинами по уничтожению всякой морали, социальной организации и свободы, которые те якобы проповедуют. Люди будут жаловаться, что они вынуждены покидать родные края и перебираться туда, где рынок создает рабочие места; что они не обладают финансовыми средствами обещанной свободы, не могут повлиять на мир своим правом голоса, находятся в подчинении, под наблюдением, обязаны соблюдать установленные правила в угоду рыночной прибыли.

Другие выступят против самого принципа личной свободы и образа современного человека, не связанного никакими контрактами и обещаниями, готового поступиться верностью, чувствами, ценностями, верой, судьбой близких, уехать и оставить все, не задумываясь о будущих поколениях. Апология диктатуры станет предметом вполне почтенных дискуссий. Многим будет выгодно постепенное ослабление государств, расцветут ничем не сдерживаемые жестокость и насилие: первым правом станет право на убийство, бесцельное и бессмысленное.

Города, в которых сконцентрируются все формы отчуждения и доказательства того, что рыночная демократия является лишь огромным моральным обманом, превратятся в главные места протеста. В десятки раз вырастет уровень преступности.

В отличие от коммунистических революционеров прошлого, которые вместо капитализма хотели построить другое общество, большинство новоявленных протестующих не смогут предложить других вариантов развития. С тех пор как коммунизм потерпел

поражение, нет ни одной утопии, способной занять место рынка и демократии. Кое-кто предложит вернуться к теократии.

Гнев верующих

Согласно греко-иудейскому идеалу, торговый строй — венец прогресса и индивидуализма, а для верующих это злейший враг: он ставит свободу человека выше божьих законов и отрицает институт семьи, отвечающей за передачу веры. Верующие будут критиковать рынок и демократию вполне по-светски.

Две важнейшие мировые религии — христианство и ислам — останутся в центре событий. Каждая будет по-своему пользоваться критикой, например для оправдания конфликтов и жестокости между собой или против торгового строя.

Некоторые христианские движения обвинят (уже это делают) рынок и демократию в том, что они поощряют мелочные желания в человеке, культивируют разврат и неверность, торгуют моральными ценностями, представляют мир в научном свете, а не так, как он описан в священных текстах, отрицают жизнь после смерти, устанавливают законы, отличные от библейских. Они выступят против абортов, контроля рождаемости, эвтаназии и будут сожалеть о том, что материальные заботы отдаляют людей от размышлений о смерти и вечной жизни. Зазвучат речи о превосходстве христианских ценностей над правами человека и даже над разумом. Некоторые будут полагать, что применение силы оправдано верой.

Долгое время католическая церковь, первая «внепочвенная» кочевая империя, сопротивлялась разуму, науке, прогрессу, торговому строю, капиталистам, предпринимателям и трудящимся, в итоге безропотно всему покорившись. В недалеком будущем она вернется к некоторым своим первоначальным радикальным положениям. Католики упрекнут либерализм в отрицании божественного порядка, выступят против демократии, рынка, греко-иудейских ценностей, бескомпромиссно защищая свою веру. Некоторые все же продолжат проповедовать непричинение вреда, любовь и справедливость.

Особенно будет силен евангельский протестантизм, популярный в южных штатах США, в так называемом «Библейском поясе», объединяющем 70 млн американцев, среди которых сотни тысяч пасторов-агитаторов.

Евангелисты уже сейчас господствуют на некоторых факультетах американских университетов, подвергая цензуре изучение наук и других религий. Мнение верующих повлияет на политику, принятие решений Конгрессом и государственный аппарат США. Сегодня они имеют огромное влияние на политику действующего президента США. По их мнению, западный мир должен защищать не демократические ценности, а христианские. Евангелисты призывают женщин вернуться домой и рожать много детей.

Когда гиперимперия начнет серьезно угрожать существованию США, некоторые из евангелических общин будут способны подтолкнуть государство начать войну как против ислама, так и против демократии и капитализма. США — единственная страна, не знавшая диктаторского режима, — к 2040 году может стать жертвой религиозной одержимости, которая проявится в форме теократического изоляционизма при сохранении видимости демократии.

Население Африки и Латинской Америки, чье бедственное положение только ухудшится, станет активнее прислушиваться к проповедям евангелических церквей, обладающих главной финансовой, идеологической, военной и политической властью. Уже сегодня к ним принадлежат более 25 млн бразильцев. Есть евангелисты и в Японии, Индии, Китае, Индонезии. Церкви будут сотрудничать с мафией, преступными организациями, бандитами, которые занимаются продажей оружия, наркотиков и сутенерством. Она начнет конкурировать с исламом и защищать христиан в тех странах, где они в меньшинстве, например в Ливане, Сирии, Ираке и Палестине. Даже попытается, и небезуспешно, переманить на свою сторону курдов Ирака и Сирии, а также берберов стран Магриба, оказывая им социальную поддержку и обещая американские и европейские визы как «преследуемым христианам».

В Европе христиане будут открыто выступать против капитализма. Верующие, католические партии, церковные власти станут противодействовать свободному передвижению капиталов, людей, товаров и услуг, рыночному гнету и его институциональному выражению — ЕС. Религиозные ценности приобретут политический оттенок. Сегодня только единицы среди европейских политиков осмеливаются обсуждать присоединение Турции к ЕС в рамках

религиозной проблемы и поднимать подобные вопросы на государственном уровне. Ультраправые партии будут апеллировать к религиозным ценностям в защиту своих программ, согласно которым женщины должны вернуться домой, рожать и воспитывать детей, чтобы в странах произошел демографический рост и можно было бы эффективнее сражаться с исламом. Многие европейские демократические государства впишут христианскую религию в свою конституцию, превратившись в теократии. Ватикан сыграет немаловажную роль в этих преобразованиях. Возможно, он решит заключить альянс с другими монотеистическими религиями или, наоборот, вступит с ними в войну, в частности с исламом.

Мусульманский мир будет критиковать все: демократию, рынок, глобализацию, США, Израиль, Европу, иудаизм, христианство. Если ничего не предпринять, разрыв между исламским миром и Западом увеличится.

В 2009 году мусульмане составляли около 1,3 млрд населения Земли, христиан было на треть меньше. Хотя ислам — не самая толерантная религия из всех монотеистических учений, именно вместе с ним в Европу пришел когда-то греко-иудейский идеал. Сегодня исламский мир представлен теократическими государствами, диктатурами и лишь несколькими светскими демократическими государствами, которые находятся в процессе становления. Речь о Турции, Алжире, Марокко, Кувейте и Сенегале. В исламских странах практически невозможно построить христианские церкви и синагоги, перейти в другую религию, вести атеистический образ жизни, жениться или выйти замуж не за мусульманина. Господствующей идеологией является убеждение в том, что ответ на любой вопрос находится в Коране, какая бы то ни было интеллектуальная деятельность бесполезна и все проблемы, от СПИДа до бедности, из-за «неверных». По экономическим, социальным и культурным показателям эти страны относятся к наименее развитым (во всех мусульманских государствах переводится меньше иностранных книг, чем в одной Греции), хотя запасы природных ресурсов сделали их богатейшими.

Сегодня в исламских государствах очень немногие говорят о соблюдении прав человека. Несомненно, однажды под влиянием совокупного эффекта экономического роста богословы, призвав

молодежь и женщин, выведут их на путь толерантности и демократии; они сделают акцент на старых сурах (до 622 года) и вернутся к философии Ибн Рушда (Аверроэса). При этом исламский мир захочет восстановить свой блеск XI века, собрать территории от Кордовы до Багдада, а затем распространиться по всей планете, ведя захватнические войны.

Главная фигура ислама — не просто верующий, а прежде всего паломник, проповедник, новообращенный. Принятие ислама в принципе должно происходить по личным мотивам и без политической подоплеки, во имя идеала чистоты, солидарности, покорности. При этом переход в мусульманство окончателен и бесповоротен: в исламе запрещено переходить в другую религию под страхом смертной казни. И все же для некоторых принятие этой религии будет иметь политический оттенок: ислам попытается привлечь на свою сторону всех критикующих торговый строй и переманить народ из рядов «критической коалиции».

Обещая принадлежность к единой общине верующих (умме), ислам найдет большой отклик в сердцах одиноких, беспомощных, слабых, побежденных и бунтовщиков. Социально активизируются беднейшие слои населения. Ислам предложит им то, что не может дать рынок, — солидарность, милосердие, достоинство, позволит избежать одиночества и надеяться на рай.

Пока что сегодня незначительное количество людей переходят в ислам: ежегодно во Франции 3600 человек принимают эту религию; всего к 2009 году насчитывалось 70 тысяч новообращенных. Скорее всего, темп не увеличится.

Рост численности исповедующих ислам произойдет только за счет прироста населения: к 2020 году их будет уже около 1,8 млрд человек, что составит четвертую часть населения мира и, несомненно, позволит превзойти численность христиан. Мусульманская экспансия несколько уменьшится с экономическим ростом, который негативно повлияет на один из самых высоких в мире показателей рождаемости.

Самые непримиримые последователи ислама будут требовать от верующих, чтобы они подчинялись только божественным законам, отказавшись от соблюдения светских. Об этом писали еще богословы Ибн Ханбал (780–855) и Ибн Таймия (умер в 1328 году), проповедовавшие неукоснительное соблюдение написанного в Коране.

Абд аль-Ваххаб (1703–1792), чьи идеи имеют огромное влияние в наши дни, говорил, что мусульманин должен подчиняться исключительно законам, содержащимся в Коране, отрицал заступничество святых, отлучал либералов (такфир) и призывал ориентироваться на жизнь праведных предков (салафия). Аналогичным образом рассуждал современный пакистанский богослов Саид Маудуди (1903–1979), враждебно настроенный по отношению к образованию светского государства в Пакистане после его отделения от Индии. Он проповедовал безусловное соблюдение законов Корана; по его словам, единственной верховной властью на земле является власть Бога. Маудуди говорил об исламе как о третьем возможном пути между капитализмом и социализмом и хотел, чтобы исламский мир был представлен теократическими государствами.

Во имя строгого соблюдения законов веры исламские движения будут выступать за создание мусульманской теократической империи (халифата). Для чего, по мнению некоторых, потребуется война.

Многие решат, что для начала нужно восстановить блистательный халифат прошлого, простиравшийся от Кордовы до Багдада. 20 лет назад Сайид Кутб, идеолог ассоциации «Братья-мусульмане» и последователь Маудуди, призывал к исламской революции, переходу из доисламского состояния (джахилии) в хакимию — верховенство («восстание на всей земле, охота на узурпаторов божественной власти, управляющих людьми по законам, которые они сами же и придумали»). По его словам, суру XII, 40 «хукм (право) принадлежит только Богу» нужно понимать как «верховной властью обладает лишь Бог», а не согласно традиционному переводу: «решение принимает только Бог». Отсюда — теократическое государство вместо личных духовных отношений с Богом. Проповедник хотел объединить два понятия: умма исламия (исламская община) и дар аль-ислам (государство, которым управляют законы ислама). Кутб, у которого невероятное количество последователей, боролся с неверующими мусульманами и со всеми «неверными». Сегодня наряду со многими другими Хизб ут-Тахрир (партия освобождения), базирующаяся в Лондоне, призывает к возрождению халифата путем военных завоеваний (харб).

В 1960-х годах представитель шиитского ислама имам Хомейни хотел путем войны обратить всех в ислам, проповедуя мученичество,

суицид и шахид. «Меч, — писал он, — это ключ к раю».

Многие считают так же: исламский мир должен сражаться с остальным миром, а халифат — распространиться по всей земле, без определенного центра и государства-лидера, образовав своего рода теологическую гиперимперию.

Сторонники исламской войны за восстановление халифата и завоевание мира предлагают следующую трехэтапную военную стратегию.

1. На территориях, где мусульмане представлены меньшинством, должен соблюдаться дар ас-сульх — временный мир, от которого можно отказаться в любой момент.

2. На территориях, где преследуется и обращается в другие веры большинство населения, установится дар аль-харб, или «земли войны». После победы к оставшимся приверженцам других монотеистических религий должно быть сносное отношение, наделяющее их более низким статусом — зимми («находящиеся под защитой»); адепты других философских течений и атеисты будут подвергаться гонениям.

3. На территориях, находящихся под властью мусульман, все инаковерующие должны принять ислам, иначе будут вытеснены: иудеи — потому что не приняли Коран в Медине; христиане — так как ставят Христоса выше Мухаммеда. Всех «неверных» объявят врагами ислама, потому что «неверные — единый народ».

Группировки, придерживающиеся этой стратегии, например «Аль-Каида», хотят сначала вывести войска христианских стран из окрестностей Мекки, где они базируются с 1991 года. Даже если для этого потребуется сражаться с арабскими режимами. Фитна (хаос) среди мусульман будет им только на руку. Затем они пожелают изгнать всех христиан и иудеев со святых земель Ирака и Иерусалима и захватить власть в Ливане, Египте, Северной Африке, Центральной Азии, Индонезии и Пакистане. Эти группировки потребуют изгнания всех приверженцев греко-иудейской философии с земель, завоеванных мусульманами в далеком прошлом, — от Испании до Китая.

Прежде чем попытаться восстановить мусульманскую империю, организации типа «Аль-Каиды» будут проповедовать священную войну против американской империи, Израиля, рынка и демократии. Подобно нигилистам конца XIX века, они хотят только уничтожения,

не имея никаких планов, даже утопических, на другое общество, которое должно прийти на смену ликвидированному. И «Аль-Каида» — лишь одно движение из множества близких ей по духу, их идейный вдохновитель.

Самые разные структуры будут использовать ислам в националистических целях, чем обычно заканчивали все его идеологи — и династия Альмохадов с XII до XVIII век, и турецкий Рафах, и алжирский «Исламский фронт спасения», и палестинский «Хамас», и «Братья-мусульмане» Египта, и ливанская «Хезболла».

Мусульманское движение затронет и азиатский мир, а значит, большую часть населения планеты: никто не пожелает сразиться за буддизм, конфуцианство или индуизм, но ислам попытается полностью подчинить себе страны Азии, где он и так обладает значительным влиянием на территории от Пакистана до Индонезии. Именно там находятся многочисленные религиозные экстремистские школы. С другой стороны, некоторые народы прибегнут к оружию религии, чтобы защитить себя, как, например, тибетцы, или чтобы вновь обрести потерянную национальную идентичность.

Население гиперимперии будет духовно истощено. Различные секты, такие как «Церковь объединения» в Южной Корее, «Фалуньгун» в Китае или «Церковь сайентологии» в США, получат широкое распространение среди населения. Уже сегодня религиозное течение «Фалуньгун» (считается, что его глава Аи Хунчжи спас 80 миров…) насчитывает больше последователей, чем коммунистическая партия Китая! Некоторые секты объединятся с менее популярными партнерами, чтобы, вооружившись, вступить в безумную схватку с миром.

Оружие гиперконфликта

Итог любой войны всегда зависел от того, кто обладает новейшим видом оружия и насколько каждая сторона дорожит своими солдатами. В свое время лучники в битве при Креси, танки в Первой мировой войне и атомная бомба во Второй мировой предрешили исход кампаний.

Исторически сложилось так, что оружие было одновременно и новой продукцией, и двигателем гражданских технологий: мотор появляется вместе с рычагом рулевого управления, огнестрельное оружие — вместе с механикой, танки — с автомобилем. И наоборот, военные изобрели телеграф, радио, атомную энергию, Интернет и многие другие технологические инновации.

В следующие 50 лет военные будут разрабатывать новейшие технологии, чтобы затем продавать их на гражданских рынках. Правительства профинансируют военные исследования по созданию передовых технологий гипернаблюдения и самонаблюдения. Затем им найдут гражданское применение.

Оружие будущего изобретут в рамках концепции наблюдения: военные разработают цифровые инфраструктуры кочевой мобильности; системы наблюдения за подозрительными субъектами, защиты стратегических объектов, организации экономической разведки. Роботы, находящиеся на вражеской территории, и беспилотные самолеты-разведчики будут собирать данные, выявлять химические и биологические реактивы, осуществлять разведку для пехотных войск на заминированных территориях и в мертвом пространстве. Программное обеспечение для моделирования сражений максимально приблизят к условиям на поле боя.

Кроме того, в боевую технику будут интегрированы средства моделирования, наблюдения и нападения. Новые сети и средства кочевой мобильности позволят сражающимся всегда оставаться на связи и моделировать любые ситуации; «умная» одежда даст возможность производить новую униформу; с помощью новейших материалов будут создаваться защитные укрытия; 3D-технологии моделирования помогут при подготовке и проведении сражений;

роботы станут непосредственными участниками боевых действий. Электронные системы (е-бомбы) смогут уничтожать коммуникационные сети, оглушать и ослеплять целые армии.

Морские пехотинцы сыграют важную роль в борьбе с незаконной торговлей, мониторинге иммиграции и защите проливов. Истребители будут не так широко использоваться, как сегодня. Новое обычное оружие станет более востребованным, чем, например, ядерное.

Каждая из пяти главных держав, которым по международному договору разрешено обладать ядерным оружием, имеет в своем распоряжении около пяти тысяч ядерных боеголовок, установленных на сверхточных баллистических ракетах подлодок. Некоторые оставят за собой право использовать тактическое ядерное оружие в условиях ближнего боя, но откажутся от политики ядерного устрашения. Атомное оружие для ближнего боя уменьшат в размерах, чтобы его мог использовать один боец. Индия, Израиль и Пакистан, которые на протяжении 30 лет являются ядерными державами, оснастят свои подлодки ядерными баллистическими ракетами, способными поразить любую вражескую столицу или противника. Северная Корея, только что завершившая первые испытания своего ядерного оружия, тоже обзаведется ракетами с радиусом действия свыше 7000 км, чтобы предотвратить любые попытки дестабилизации ее режима. Перед лицом этой угрозы Япония примет решение о создании ядерного оружия, для чего ей хватит четырех месяцев. К этому времени и Иран станет обладателем немирного атома или, по крайней мере, очень близко подойдет к созданию такого оружия — если ему не помешают внешние обстоятельства, о которых мы поговорим далее. Другие страны поступят, как Иран: сначала Турция и Египет, затем Индонезия, Австралия, Бразилия и Саудовская Аравия. В общей сложности через 30 лет более 15 стран смогут обладать ядерными боеголовками и средствами для их запуска.

Дефицит энергоресурсов приведет к тому, что многим странам будет разрешено обзавестись гражданскими атомными электростанциями. Найдет широкое применение МОКС-топливо — переработанные ядерные отходы. Смешивая их и обычные взрывчатые вещества, можно получить радиологическое оружие.

Появятся и другие виды оружия: химическое, биологическое, бактериологическое, электронное, нанотехнологическое. Увеличится

его мощность и точность, оно станет миниатюрнее. Не поддающееся обнаружению химическое оружие будет убивать руководителей; станет возможным управлять массовыми эпидемиями; генетическое оружие смогут использовать против определенных этнических групп. Нанороботы размером с пылинку, так называемая «серая слизь», будут осуществлять тайное наблюдение и атаковать клетки враждебного организма. По мере развития технологий клонирования эти функции переадресуют клонированным животным, живым бомбам, химерам.

Разработкой оружия займутся не только военные лаборатории ведущих стран, но и крупные корпорации, предприятия-«цирки». Оборонная промышленность станет лидером производственного сектора. До наступления времени гиперимперии государственные заказы в основном будут ориентированы на вооружение. Затем крупные страховые компании и наемнические организации придут на смену государствам.

Большинство видов производимого оружия станет по карману мелким странам, корсарам, пиратам, наемникам, подпольным организациям, мафиям, террористам, преступникам всех мастей. В ближайшем будущем затраты на изготовление е-бомбы составят всего $400 — для этого потребуется конденсатор, медная катушка и взрывчатое вещество.

Химическое, радиологическое, биологическое оружие будет доступно всем. Самое примитивное оружие сможет убить огромное количество людей: в городах и общественном транспорте давка и теснота увеличат его эффективность.

В то же время нельзя выиграть ни одну войну, если народ, который ее ведет, не верит в справедливость и не остается преданным своей системе ценностей до последнего. Поэтому главным оружием будущего останутся пропаганда, воздействие через средства массовой коммуникации и устрашение.

Вооружаться, объединяться

Перед лицом многочисленных угроз рыночные демократии и, в частности, правители полицентрического мира, поймут, что они больше не могут действовать разобщенно и их расходы на оборону можно использовать эффективнее, если вооружение технически совместимо и находится под единым командованием.

США продолжат совершенствовать свои системы вооружения: обычные, электронные, ядерные, химические, бактериологические. Новое подразделение американской армии под названием Будущая военная система составит мобильная пехота, экипированная сверхточным оружием, средствами моделирования, роботами, пилотными и беспилотными самолетами. Данную структуру можно будет переместить в любой уголок Земли менее чем за четыре дня. Время между обнаружением цели и ее уничтожением станет практически нулевым (для сравнения: во время войны в Персидском заливе оно равнялось трем дням, в Ираке — пяти минутам). Такое подразделение не было бы создано, не обладай США системой спутников и глобальной цифровой инфраструктурой.

США потратят на оборону около $500 млрд. Миллион американских солдат, временно служивших на четырех континентах при поддержке тысячи самолетов и кораблей, вернутся домой защищать американскую территорию. Еще на протяжении лет сорока Америка будет вкладывать в оборону четверть своего бюджета. Конгрессмены, чей голос играет немаловажную роль при утверждении бюджета на оборону, будут спокойно пользоваться этими деньгами для создания рабочих мест в своих избирательных округах.

Европейские страны, которые сегодня тратят на оборону в пять раз меньше США, после продолжительной критики милитаристской политики Америки будут вынуждены найти средства на создание собственных цифровых инфраструктур и боевых комплексов. Они объединят армию и полицию, модернизируют оборудование и продолжат активно сотрудничать с США, выстраивая каналы коммуникации и обмениваясь данными.

Китай и Индия увеличат свои бюджеты на оборону, которые в настоящее время в 15 раз меньше оборонного бюджета Соединенных Штатов, и достигнут по этому показателю уровня Англии и Франции. Они обзаведутся такими же армиями, оснащенными преимущественно оружием местного производства. Япония и Россия последуют их примеру.

Ряд государств сообща создадут международные вооруженные силы, также объединив армию и полицию. Сначала по случаю, а затем официально учредят альянс против пиратов и врагов рыночного строя. Северо-Атлантический альянс (НАТО), образованный в ответ на советскую угрозу, станет основой данной организации, к которой присоединятся все страны ООН. Возможно, Индия, Китай и некоторые другие страны из числа будущих 11 лидеров торгового порядка также войдут в это объединение.

Вероятно, к деятельности Альянса подключатся корпорации гиперимперии, прежде всего военные. Он объединит национальные армии и частные наемнические организации.

Все страны Альянса будут следить за «друзьями врагов». Например, мусульман Европы, Америки и Китая вынудят доказывать, что они не связаны с врагами организации (так подтверждали свою лояльность японцы в 1940-х и коммунисты в 1950-х годах). Если однажды США сочтет Мексику потенциально опасной революционной страной, за всеми чикано (мексиканским населением США) установят строгое наблюдение.

К 2035-2040-м годам Альянс уже будет не в состоянии контролировать рыночный строй: понеся огромные финансовые и человеческие потери и столкнувшись с теми же проблемами, с которыми когда-то столкнулась Римская империя, его участники установят полицентрический порядок и изменят стратегию. Члены организации перестанут сотрудничать с другими странами, а остальная часть мира обретет большую независимость в энергетическом и финансовом плане. Альянс установит политику протекционизма, замкнется и ограничится защитой собственных интересов. Страны-участницы создадут щит над своими территориями, чтобы отслеживать и уничтожать любое оружие или воздушное судно, осмелившееся появиться в этой зоне. Против пиратов возведут высокие стены по типу заградительной конструкции,

которая сегодня защищает Израиль от террористических атак. По просьбе конфликтующих сторон Альянс примет участие в урегулировании столкновений на восточных и западных средиземноморских территориях. Чтобы совершить перелет над странами Альянса, нужно будет предварительно предоставить детальную информацию о себе, а возможно, и оставить залог или заложника (личное имущество либо близких людей).

Передовые технологии рыночной экономики — технологии гипернаблюдения — станут неотъемлемой частью новейшего вооружения для армий и полиций.

Тем не менее нельзя поместить под колпак ни рынки, ни демократии, ни пиратов.

Договариваться, помогать

Многие будут предлагать отказаться от обороны, урезать военные бюджеты, разоружиться в одностороннем порядке и пойти на сотрудничество с врагом. Так возникнут постнациональные государства без ядерного оружия, покорные и мирные, о чем наряду с остальными мечтает современный немецкий философ Юрген Хабермас.

Другая часть людей захочет сохранить мир, не сдаваясь и не подчиняясь, прибегнув к искусству дипломатии. В рамках своего устава ООН будет заниматься проведением переговоров, предупреждением конфликтов и политикой сдерживания. Для решения спорных вопросов в конфиденциальном порядке появится множество институций по предотвращению насилия, типа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, или Общины святого Эгидия — незаметной, но оттого не менее успешной и полезной католической организации, либо Фонда президента Картера с 20-летней историей, или недавно созданного Фонда президента Клинтона. Данные «социальные» учреждения ad hoc[4] займутся предварительным выявлением источников конфликтов и зон напряжения, попытаются заключить между потенциальными участниками соглашения, Для этого в распоряжение организаций поступит внушительный арсенал средств мониторинга, слежения, анализа и предотвращения. Также они будут обладать достаточным влиянием и силой, чтобы страны, заключившие соглашения под их покровительством, соблюдали их условия. Мы еще встретимся с этими учреждениями. В ходе следующей волны будущего они сыграют немаловажную роль в прекращении войн и наступлении мира.

Опасаясь войны, рыночные демократии попытаются открыть для потенциальных врагов царство свободы. Они помогут колеблющимся государствам, желающим вступить в их ряды, разделить религиозную и светскую власть внутри страны, избавиться от воинственных террористов и заложить основы рыночной экономики. Но это довольно бесполезная деятельность, так как она не будет сопровождаться зарождением эффективного гражданского общества. Достаточно

посмотреть на то, что сейчас происходит в Афганистане — наркогосударстве, где незаконная торговля наркотиками составляет девять десятых произведенной продукции и приносит доход в $120–194 млрд, или в Ираке, погрязшем в хаосе.

Государства, которые откажутся от такого сценария и продолжат агрессивную политику, будут видеть соответствующее отношение к себе со стороны рыночных демократий,

Сдерживать агрессивные режимы

Миру всегда требовалась политика устрашения и сдерживания воинственно настроенных режимов. В октябре 1936 года, несмотря на милитаризацию в Руре нацистских войск, Галифакс и Блюм предпочли не вмешиваться. Вскоре началась война. В октябре 1962 года, хотя на Кубе были установлены советские ракеты и звучали протесты братьев Кеннеди, мир не был нарушен. В начале 1980-х годов Франсуа Миттеран настоял на размещении американских ракетных установок в Европе, уничтожив угрозу со стороны СССР.

Сегодня и завтра все, кто захочет жить свободно в рыночных демократиях, не смогут спокойно сосуществовать с воинственно настроенными группировками, преследующими одну цель — уничтожить демократические государства.

Государства будут находиться друг у друга под колпаком: ракеты Кореи, нацеленные на Японию, однажды повернутся в сторону Китая и США; ракеты Пакистана, находящегося в руках фундаменталистов, станут угрожать Индии, а потом и Европе; ракеты «Хезболла», другими словами — Ирана, которые сегодня направлены на Израиль, когда-нибудь направятся в сторону Каира, Эр-Рияда, Алжира, Туниса, Касабланки, Стамбула, Рима, Мадрида, Лондона и Парижа; Китай однажды вполне может запустить ракеты в сторону Японии и США.

Если, опасаясь возмездия, демократические государства согласятся спокойно жить под прицелом иранских, пакистанских и северокорейских боеголовок, они прогадают. Как, например, в 1936 году проиграли Франция и Великобритания или участники Мюнхенского соглашения 1938 года. Вероятно, так и будет, ведь ракеты могут быть запущены из пятнадцати разных мест пятнадцатью диктаторскими государствами, которые будут преследовать противоречивые цели. Для устранения этих угроз Альянс должен прибегнуть к превентивным мерам — пригрозить, продемонстрировать свой ударный потенциал, запугать так, чтобы противник спасовал. А если этого будет недостаточно, нанести удар.

Превентивно атаковать

Против пиратов невозможно использовать стратегию устрашения, так как у них нет территории, которую нужно защищать. Им всегда будет мало: мафии не ограничатся контролем над Колумбией и Афганистаном; исламские экстремисты не удовлетворятся ни уничтожением Израиля, ни выводом американских войск из Ирака и Саудовской Аравии.

В борьбе с пиратами поможет лишь превентивная атака. Альянс и все его участники приготовятся вести предупреждающую войну против бандитов, представляющих потенциальную угрозу (или государств, где они найдут пристанище). Конечно, под предлогом превентивной войны Альянс не должен реализовывать милитаристские намерения, придумывая существование оружия массового уничтожения, как это произошло в Ираке в 2003 году. Альянс не может одновременно апеллировать в своей внешней политике к защите прав человека и каждый день их нарушать.

Оптимисты скажут, что барабанную дробь не стоит воспринимать чересчур серьезно. Страны и негосударственные образования, обладающие ядерным или другим оружием массового уничтожения, обязательно превращаются в благоразумные и рассудительные. Лучшее доказательство тому: до сего дня страны, ставшие обладателями такого оружия, официально признавались в этом мировой общественности.

Оптимисты отчасти правы. Демократические государства, в которых власть контролирует общественное мнение, да и тоталитарные режимы, ранее пострадавшие от войны, никогда не используют такое оружие для нападения. Но чем больше участников стратегической игры, тем больше среди них сумасшедших, безразличных к смерти других, в том числе собственного народа. И тем выше вероятность того, что это оружие будет пущено в ход.

Над миром нависнет угроза ядерного уничтожения, «миниатюрной» войны, войны по сети, войны-суицида. Предвестниками гиперконфликта станут сражения за редкие ресурсы,

границы, сферы влияния и столкновения между пиратами и оседлым населением.

Войны за дефицитные ресурсы: нефть и воду

Как люди сражались за железо и уголь, так они будут бороться за нефть, воду и недостающее сырье. Сначала разразится множество войн за дефицитную нефть. Америка, потребляющая четвертую часть добываемого в мире «черного золота» (две трети приходит из-за границы), захочет полностью контролировать свои источники снабжения; она останется в Саудовской Аравии и Ираке и захочет вернуться в Иран, чтобы помешать блокаде Ормузского пролива (его блокада лишит мир пятой части глобального экспорта нефти, в результате чего цены на нее поднимутся до $250 за баррель). Присутствие Америки в Центральной Азии станет все более ощутимым. США будут следить за событиями в Иране и за Китаем, чтобы он не захватил в свои руки весь регион. Также Америка продолжит контролировать Мексиканский залив и потребует, чтобы лидеры Канады, Мексики и Венесуэлы подчинялись ей. Нефтяные войны могут разгореться и в Центральной Азии: между Китаем и Россией, США и Китаем, Турцией и Ираном. Казахстан выступит в роли арбитра и региональной власти. Другие основные потребители нефти (ЕС, Япония, Китай и Индия) тоже постараются сохранить — если понадобится, силой — доступ к нефтяным месторождениям Ближнего Востока, России, Африки, Центральной Азии и контролировать зоны морской транспортировки нефти.

В России, испещренной бесчисленными нефтепроводами, беспощадные гражданские войны, зачастую финансируемые конкурирующими нефтяными компаниями, опустошат транзитные регионы.

Венесуэла, Нигерия, Конго, Индонезия, чьи нефтяные месторождения однажды иссякнут, так и не дав этим странам построить новую экономику, превратятся в конфликтные зоны.

Морские области, где находятся главные нефтяные месторождения и через которые пролегают маршруты нефтяных танкеров, тоже станут местами возможных столкновений.

Дефицит питьевой воды послужит еще одной причиной военных столкновений: за последние 50 лет было 37 локальных конфликтов за

право доступа к источникам питьевой воды. И это только начало! 145 государств частично расположены в трансграничных водных бассейнах; приблизительно 263 таких бассейна поделены между двумя и более странами; на 19 бассейнов претендует по меньшей мере пять стран. Право на третий по величине подземный запас пресной воды в мире — водоносный горизонт Гуарани — оспаривают Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай. Бассейн Дуная поделен между 18 государствами; Балканский кризис в некоторой степени начался из-за доступа к нему. Когда питьевой воды станет не хватать, вспыхнут жестокие войны. Индия, испытывающая ее дефицит, захочет отвести воды трех крупнейших рек, которые берут начало на ее землях и впадают в море у Бангладеш. Установка Ливаном насосов на реке Уаззан — притоке реки Иордан, питающей озеро Кинерет и обеспечивающей питьевой водой третью часть Израиля, тоже приведет к столкновениям. Турецкий проект по контролю за водами Евфрата и Тигра обеспокоит Сирию и Ирак. Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан будут спорить из-за рек Амударьи и Сырдарьи, играющих важную роль для хлопчатобумажной промышленности этих стран. ГЭС Китая, построенные в том месте, где берет начало река Меконг, лишат питьевой воды Вьетнам, Камбоджу и Таиланд. Мексика и США будут оспаривать реки Колорадо и Рио-Гранде. Сенегал и Мавритания сразятся за контроль над рекой Сенегал. Алжир, Ливия и Чад столкнутся в борьбе за дефицитные трансграничные горизонты грунтовых вод. Албания, Греция и Македония вступят в конфликт по тем же причинам. Десять государств поделят между собой воды Нила; Эфиопия, которая располагается вверх по течению и обеспечивает 86 % поточного напора, а использует только 0,3 %, выстроит 36 плотин — это закончится частичным осушением Египта и новым спором.

Климатические изменения спровоцируют войны за плодородные, пригодные для жизни земли: Сибирь, Марокко, Алжир и Южная Испания превратятся в поля сражений.

Приграничные войны: от Среднего Востока до Африки

Ряд стран будут воевать с соседями за восстановление народного единства. Индия и Пакистан сразятся за власть над Кашмиром. Множество африканских государств, находящихся южнее Сахары, вступят в борьбу за воссоединение этнических групп.

Некоторые и вовсе захотят уничтожить соседей; многочисленные арабские страны продолжат мечтать о низложении еврейского государства, которое должно упорно противостоять им под угрозой полного уничтожения. Непримиримые борцы региона развяжут военные действия, как только на горизонте появится перспектива мирного соглашения между Израилем и прилегающими государствами.

Приход к власти демократии в других странах спровоцирует новые конфликты: нации будут сражаться за пересмотр этнического доминирования, отделение или воссоединение. Сегодня приблизительно 40 столкновений такого типа разворачиваются на территории 27 стран. Ситуация сохранится десятки лет, в основном в Африке и Азии. Самые страшные и разрушительные битвы происходят в Кот-д’Ивуаре, Дарфуре, Кашмире, Конго и на Шри-Ланке. Так, в Конго насчитывается 5,4 млн убитых.

Если государства и этнические группы будут не в состоянии осуществить раздел территорий тихо и спокойно, как это сделали СССР и Чехословакия в 1992 году, все закончится гражданскими войнами. В результате образуются новые государства, как, например, произошло в Индии и Югославии, или воцарится полный хаос, как в Руанде, Приднестровье, Сомали, Кот-д’Ивуаре и Эфиопии. Столкновения подобного рода вспыхнут в Конго, России, Центральной Азии (между Россией, Грузией, Арменией, Турцией и Ираном), Сенегале, Индии, Китае, Индонезии, на Филиппинах. Самые кровопролитные войны разгорятся в Нигерии между этническими группами игбо и хауса.

Конфликты могут начаться и внутри развитых стран. Города захотят отделиться, этнические и языковые меньшинства потребуют

независимости, процесс разделения территорий будет сложным.

Вспыхнут гражданские войны, геноциды. XX век был свидетелем трех массовых геноцидов: армянского, еврейского и тутси. Еще больше их произойдет в XXI веке. Если не хотите в это верить, вспомните, что в 1938 году никто не мог себе представить холокост.

Войны за сферы влияния

Как и в прошлом, некоторые страны будут воевать с соседями для поддержания своего статуса, из-за религиозных и идеологических разногласий, а также чтобы отвлечь внимание населения от внутренних проблем.

Иран и Пакистан ввяжутся в войну за право контролировать территорию от Палестины до китайской границы; Нигерия захочет контролировать сырьевые источники и оккупирует соседние государства; Казахстан оспорит у Турции тюркоязычные территории; Россия затеет войну, чтобы не оказаться в окружении азиатских союзников США, Китая и исламских стран; Китай может вступить в борьбу, чтобы подчинить себе Казахстан, оккупировать Сибирь, приструнить Японию (только так компартия сможет сохранить власть); США постараются защитить Тайвань, Израиль и Европу от армий Ирана, Египта и стран Магриба; Индия начнет военные действия, чтобы захватить приграничные территории и уничтожить тыловые базы мусульманских повстанцев; Индонезию прельстит идея занять огромные пустынные территории Океании; Австралия будет отражать притязания соседей. Наконец, как бы невероятно это ни казалось сегодня, могут разгореться с новой силой старые конфликты между Грецией и Турцией или между Мексикой и США, если какая-нибудь из этих стран в будущем установит у себя диктаторский режим.

Войны между пиратами и оседлыми жителями

Во все времена пираты нападали на мирных оседлых жителей из-за денег, религии, идеологии, национальной идеи, имея мало средств в своем распоряжении и не выказывая никакого почтения к человеческой жизни. Римская империя мертва, и торговый строй рискует отправиться вслед за ней.

Морские пираты — преступные или политические — нарушают законы и уничтожают коммуникации между оседлыми жителями. По имеющимся немногочисленным статистическим данным, с 1995 по 2006 год морское пиратство увеличилось в четыре раза; оно продолжает набирать обороты, прежде всего в окрестностях Малаккского пролива, через который проходит половина мировых нефтяных маршрутов, и в Карибском бассейне, где циркулируют судна, перевозящие наркотики. В недалеком будущем и Средиземное море превратится в одно из главных мест морских бесчинств.

Беззаконие будет твориться как в пустынях, так и в людных кварталах больших городов развитых и развивающихся стран.

Пиратство станет процветать в местах массового туризма виртуальных кочевников. Все, что способно передвигаться, будет для пиратов одновременно добычей и оружием: самолет, грузовик, поезд, лодка, коммуникационные сети.

Пираты — религиозные фанатики, нигилисты или просто преступники — начнут внезапно нападать на оседлых жителей, успевая не только захватить добычу, но и перерезать линии передач, заблокировать заливы, остановить торговлю, обмен, туризм, парализовать любое движение. Они поразят земли империи — реальные и виртуальные — вирусами (также реальными и виртуальными), превращая жертв в армии кочевников, повсюду сеющих смерть. Пираты попытаются вывести из строя системы наблюдения, запугают мирное население, чтобы люди прекратили перемещаться, заниматься своими делами, создавать, веселиться и заперлись в бункерах.

В их распоряжении будет весь арсенал современных организаций с передовыми отрядами, локальными группами, «цирками» и

«театрами».

Некоторые (не только по религиозным соображениям) воспользуются террористами-смертниками: первыми в этом отношении были русские нигилисты конца XIX века, затем — японцы времен Второй мировой войны, а не так давно на Шри-Ланке образовалось тамильское повстанческое движение. Мафия тоже когда-то применяла для своих целей «человеческие бомбы». Исламские террористы прибегали к такому виду оружия в Европе и на Ближнем Востоке, в частности в Ливане и Израиле. История навсегда запомнит теракты в Кении 2000 года, Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, Касабланке, Мадриде, Лондоне.

Появятся пираты, которые просто из-за бедности и нищеты будут взрывать себя в центрах европейских городов. Мы увидим, как целые суда заполняются детьми из развивающихся стран, а затем взрываются в Средиземном море в прямом эфире.

Властители полицентрического мира, а впоследствии и гиперимперии попытаются противостоять террористам. Наемники Альянса будут уничтожать тайные базы пиратов, вести уличные сражения в кварталах, находящихся под властью преступных банд, пресекая их вылазки. Они сделают так, чтобы между пиратами разгорелась жестокая бойня, и обратят против них ярость инфракочевников. Гражданское население окажется между двух огней.

И я снова повторяю: завтрашняя Африка не будет похожа на сегодняшний западный мир, это Запад в будущем станет напоминать современную Африку.

Гиперконфликт

Когда воцарится полицентрический порядок и мир заполонят корсары, пираты, частные армии, наемники, террористы, тоталитарные режимы, все сойдутся в кровавой схватке, не признавая ни законов войны, ни арбитров. Развитые страны объединятся с развивающимися, исламские террористы — с наркокартелями. Одновременно будут идти «холодные» и «горячие» войны, как на частном, так и на государственном уровне. Граница между полицией и армией сотрется, никто не станет соблюдать никаких кодексов. Оружие массового уничтожения истребит огромное количество населения. Монотеистические религии вступят в борьбу друг с другом к великой радости их противников. Некоторые богословы увидят в этом знак, начало конца, описанного в Библии. По версии иудеев, финальное сражение должно закончиться приходом Мессии; христиан — Его возвращением; мусульман — возвращением тайного имама; индуистов — пришествием Калки, десятого воплощения Вишну. В любом случае, добро должно победить зло.

Как только установится гиперимперия, разразится гиперконфликт. Возможно, он вспыхнет на Тайване, или в Мексике, или на Ближнем Востоке — в местах главных столкновений на религиозной почве, противостояния Севера и Юга, сражений за воду, нефть, оспаривания границ, национальных вопросов. Или начнется с нападения Ирана и Пакистана, ставших ядерными державами, на западные страны.

Никто не сможет ни примирить враждующие стороны, ни приостановить войну. Мир превратится в огромное поле сражения, на котором в кровавой битве за деньги, веру, территорию и свободу схлестнутся наемники, террористы, пираты, демократии, диктатуры, племена, кочевые мафии, религиозные группировки. Пойдут в ход все виды оружия, о которых говорилось ранее. Человечество, обладающее ядерным вооружением с 1960-х годов, воспользуется им. Больше некому будет писать историю.

Трагедия заключается в том, что если люди могут что-либо сделать, они обязательно попробуют это осуществить.

Однако есть и другая возможность: задолго до того, как человечество положит конец своей истории (мне очень не хочется в это верить), демократические государства, забыв о страхе, соберутся с силами и победят пиратов. Армии Альянса уничтожат диктаторов и усмирят наркокартели; крупные корпорации больше не смогут спекулировать на военных заказах; религии примирятся и будут нести людям спокойствие, разум и терпимость. К власти придут новые силы, которые создадут справедливый, успокоившийся, единый и братский мир.

На руинах обескровленных государств гиперимперии, как когда-то на руинах Римской империи, вырастут цивилизации с новыми ценностями. Наступит планетарная демократия, ограничивающая власть рынка. Она будет участвовать в других битвах, сражаясь с людским сумасшествием, глобальным потеплением, смертельными болезнями, отчуждением, эксплуатацией и бедностью.

Нахлынет пятая волна будущего — гипердемократия.

Глава 7. Пятая волна будущего: гипердемократия

Карл Маркс закончил свою последнюю книгу «Критика Готской программы», написанную в 1875 году, таинственной латинской фразой: «Dixi et salvavi animam mearn» («Я сказал и тем спас свою душу»). Словно хотел, чтобы его читатели поняли, что политическая программа, которую он предлагает немецким социалистам, никогда не станет реальностью; будто считал, что никому никогда не удастся обуздать капитализм и его деяния, одновременно воодушевляющие и самоубийственные.

Сегодня рыночные демократии прошли значительную часть пути, предсказанного автором «Капитала», а социализм сбился с дороги и зашел в тупик, о котором говорил Маркс. Кажется, человечество уже никогда не сможет жить в свободном, счастливом, многообразном, достойном мире, где царят равенство и уважение. Даже думать об этом кажется бесполезным занятием.

Однако когда в 1516 году Томас Мор мечтал о народном избрании правителей воображаемого города Утопии, он и предположить не мог, что четыре века спустя министров его страны будет избирать народ, Б июле 1914 года Жан Жорес размышлял о будущей свободной, мирной, демократической и единой Европе, и ничто не предвещало, что она действительно станет такой спустя 80 лет.

Сегодня нужно осмелиться мечтать и верить в будущее. Зародить надежду, поверить в то, что человечество не обречено на саморазрушение: нас не убьют ни наука, ни рынок, ни война, ни глупость, ни злость.

Все предвещает постепенную трансформацию человека в товар, обострение неравенства, несправедливости, жестокости; над человечеством нависла тень новой войны; высокоразвитые нации и государства реагируют на варварство варварством, на страх — эгоизмом, на террор — репрессиями. Кажется, следует признать, что человек — не кто иной, как монстр, и наш мир никогда не превратится в планетарную, толерантную, мирную, разнообразную и вместе с тем единую демократию. Однако есть и другие динамические признаки:

всеобщее благо придет на смену рынку и войне. Юпитер заменит Квирина и Марса.

Спасая человечество от его собственных демонов, на мир обрушится пятая волна будущего.

Необходимо отважиться, как это делали великие предсказатели прошлых времен, заглянуть в далекое будущее, по ту сторону заката американской империи, появления полицентрического порядка, гиперимперии и бесчисленных военных столкновений. Тогда станет ясно, что так называемая гипердемократия естественным образом вписывается в историю будущего. Она закладывается уже сейчас, и только от нас зависит, каким будет мир через десятки лет.

Демократическое потрясение

Любая крупная революция подразумевает срочные меры, определенный состав участников, определяющие ценности и идеальные воображаемые учреждения — в повседневной жизни и в идеальной перспективе.

Множество захватывающих научных открытий и невероятный технический прогресс, наконец, заставят людей осознать, что мир — «маленькая деревня», в которой можно лучше и дольше жить в достатке и изобилии.

Люди поймут, что климат можно стабилизировать, запасы воды и энергоресурсов — иметь в избытке, ожирение и бедность победить и отказаться от применения насильственных методов. Во всем мире воцарится демократия и процветание; компании будут работать во имя всеобщего блага; разногласия разрешатся.

Тем не менее осознание всего этого не поможет избежать ни гиперимперии, ни гиперконфликта: человек еще ни разу не смог ничего построить из хороших новостей.

Происходящие изменения убедят даже недоверчивых скептиков, что нельзя продолжать жить по-старому: климатические изменения; огромный разрыв между самыми богатыми и самыми бедными; увеличение числа страдающих ожирением и употребляющих наркотики; жестокость и насилие как норма повседневности; ужасающие террористические акты; изоляция богатых; посредственные зрелищные мероприятия; диктатура страховых компаний; жизнь, захламленная всевозможными товарами; дефицит воды и нефти; рост преступности в городах; частые финансовые кризисы; потоки иммигрантов, сначала встречаемых с распростертыми объятиями, а потом — с кулаками наготове; смертоносные технологии; безумные войны; духовная нищета богатейших; опьянение технологиями самонаблюдения и клонирования. Бедствия и неудачи — лучшие проводники перемен.

По окончании каждой большой войны люди говорят, что нужно извлекать уроки из прошлого, прощать, но не забывать, строить мир другими способами и навсегда покончить с насилием и жестокостью.

Будущим затем обеспокоены представители всех слоев общества, национальностей, культур и вероисповеданий. Понятно, что ни гиперимперия, ни гиперконфликт не смогут создать мир, пригодный для жизни. Появится много политических планов и проектов по урегулированию приграничных споров, решению внутригосударственных конфликтов, обучению людей жизни в гармонии со своим внутренним и окружающим миром.

Возможно, эти утопические проекты извлекут на свет божий диктаторы, мечтающие о глобальной спокойной империи. Возникнет новая идеология всеохватывающего, мессианского, религиозного или светского толка, у которой будут свои пророки, книги, священники, полицейские и костры. Тем не менее все равно в мире установится новый порядок: рынок и демократия планетарных масштабов. Позже им на смену придет гипердемократия.

Чтобы этот прогноз прояснился для всех, нужно ввести новые понятия.

Участники авангарда, которых я называю трансчеловечество, станут руководить (и уже это делают) социальными предприятиями, для которых прибыль — всего лишь одно из средств, а не конечная цель. Трансчеловечество будет представлено альтруистами, гражданами мира, кочевниками и оседлыми одновременно, равными в правах и обязанностях, гостеприимными и уважающими весь мир. Вместе они создадут глобальные институции и переориентируют промышленные предприятия. Для благополучия каждого отдельно взятого человека они сотворят «основные блага» (самое важное — досуг), а для коллективного благополучия — общее благо (главное проявление — коллективный разум).

За пределами нового мирового равновесия между рынком и демократией, государственными службами и предприятиями трансчеловечество создаст новый порядок, из которого рынок будет понемногу вытеснен в пользу социальной экономики.

Все это представляется невероятным. Кажется, участники таких перемен еще не появились на свет. Но давайте вспомним: когда в январе 1848 года Маркс говорил о скорой победе буржуазии и силе рабочего класса, в Европе еще не было ни одной, ни другого. Он выявил будущих участников истории до момента их появления на мировой арене. Так же надо поступать и сегодня.

Авангард гипердемократии: трансчеловечество и социальные организации

Авангард войска намного важнее, чем генералы, гордо восседающие в его середине. Когда предприимчивые, озабоченные сохранением свободы и защитой своих ценностей люди берутся за дело, история меняет направление. В торговом строе авангард представлен креативным классом, предпринимателями, изобретателями, художниками, финансистами, политиками.

В будущем часть этого класса поймут, что их собственное счастье зависит от счастья других и человечество может выжить лишь при условии сплочения, достижения общего мира и согласия. Они выйдут из рядов креативного класса рыночного строя, прекратят оказывать помощь пиратам и станут представителями трансчеловечества.

Эти люди будут альтруистами, озабоченными будущей историей, судьбой современников и потомков, стремящимися помочь, понять, оставить после себя лучший мир. У представителей трансчеловечества не будет ни эгоизма гиперкочевников, ни тяги к уничтожению пиратов. Они не возомнят себя хозяевами мира, осознав, что им дано лишь право на временное пользование планетой, будут обладать достоинствами оседлых жителей (бдительность, гостеприимство, постоянство) и кочевников (упорство, память и интуиция). Они будут одновременно гражданами мира и членами множества сообществ, их национальность определится языком, на котором они говорят, а не только страной проживания. Их принципом будет мятеж против неизбежного, их моралью — настырный оптимизм, стремлением — всемирное братство. Они будут счастливы делать счастливыми других людей, особенно детей, за которых будут чувствовать ответственность. Эти люди вспомнят, что передавать ценности из поколения в поколение — свойство человеческой натуры.

Сначала трансчеловечество будет преимущественно представлено женщинами: радоваться, когда ты радуешь других, — проявление материнского инстинкта. Постепенно женщины станут преобладать во всех сферах экономики и общества; под их влиянием и с помощью микрофинансирования ряды трансчеловечества будут стремительно

пополняться. Среди современных представителей этого авангарда можно назвать Мелинду Гейтс и мать Терезу. Затем в ряды трансчеловечества вольются миллиардеры, пожертвовавшие состояния фондам, социальные инноваторы, профессора, представители творческих профессий, религиозные и светские деятели, волонтеры — люди, для которых чужая жизнь ценна сама по себе.

В условиях рыночного строя любой другой человек — прежде всего соперник (враг, который оспаривает дефицитные блага, свободу и знания). А для представителей трансчеловечества он в первую очередь — свидетельство их собственного существования, дающее ощущение, что они не одни на земле. Ради других они будут говорить, передавать, вести себя благородно, любить, преодолевать, создавать больше, превозмогая себя и свои способности. Любовь к ближнему, а значит, и к самому себе — главное условие выживания человечества.

Наряду с рыночной экономикой, в условиях которой все соперничают друг с другом, представители трансчеловечества создадут «вторую» экономику — экономику альтруизма, взаимопомощи во имя общества и общих интересов. Так называемая отношенческая экономика не будет подчиняться законам дефицита: отдавая знание, ты его не лишаешься. Так появится возможность оказывать бесплатные услуги в сфере развлечений, здравоохранения, образования, отношений и т. д.; дарить и делать что-то для других за единственное вознаграждение — уважение, признание, радость. Чем больше мы отдаем, тем больше получаем и тем больше у нас желания и возможностей отдавать. В условиях «отношенческой» экономики работа превратится в сплошное удовольствие без ограничений.

Государства окрепнут, социальные затраты разделят между населением, армии будут эффективно отражать нападения пиратов, появятся новые проявления права собственности, для беднейших слоев населения начнут выпускать специальную продукцию — от одежды до жилья, от еды до телефонов, от кредитов до страхования.

Возникнет новый креативный класс — создатели социальных и художественных инноваций, а не только рыночных.

У представителей трансчеловечества будут свои методы работы: как рыночные участники основывают промышленные предприятия, в распоряжении которых находятся дефицитные, ограниченные ресурсы, так представители нового класса создадут «отношенческие

предприятия», имеющие в своем распоряжении новые неограниченные ресурсы. Их цель — улучшить мир, решая проблемы, которые рынок решить не может, уравновешивая торговый строй демократией. Прибыль для таких предприятий будет условием выживания, а не конечной целью.

Политические партии и профсоюзы — первые социальные организации. «Красный Крест», «Врачи без границ», CARE, «Гринпис», Всемирный фонд дикой природы и другие неправительственные организации продолжат начатое. Благодаря таким учреждениям 90 % обитателей трущоб округа Вилья-эль-Сальвадор Лимы (детей и взрослых) получили образование. За пределами капиталистической системы социальные организации играют ту же роль, что купцы Брюгге и Венеции вне феодальной системы. Появятся организации без территориальной привязки, выполняющие гражданские, медицинские, экологические, социальные миссии; неправительственные структуры, посредники в дипломатических переговорах, клубы любителей спорта, бесплатные места и сайты для знакомств и сотрудничества. Большинство из них появятся в южных странах и будут созданы людьми, которые, перестав надеяться, решат взять на себя ответственность за происходящее вокруг. Отдельно можно выделить учреждения, занимающиеся микрофинансированием, которые превратятся в главных участников рынка, демократии и общественных отношений.

Сегодня объем производства таких организаций составляет около 10 % общемирового ВВП и стремительно растет. Заложены принципы будущих ценностей: право на вмешательство, право на детство, право на достоинство. Социальные организации стоят у истоков массы международных учреждений: Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, Международный уголовный трибунал, Глобальный экологический фонд. Благодаря этим объединениям можно говорить о появлении международного сообщества (и мирового правительства), а также о защите природы (и общем благе). Это первые шаги мировой демократии, которую я называю гипердемократией.

Новые «отношенческие предприятия» будут особенно заметны в сфере городского управления, образования, здравоохранения, борьбы с бедностью, управления окружающей средой, защиты женщин, справедливой торговли, сбалансированного питания, бесплатных услуг

и товаров, социальной реинтеграции, борьбы с наркотиками и «наблюдением за наблюдающими». Они заменят частные предприятия и государственные службы; их деятельность будет включать профилактику болезней, реадаптацию асоциальных личностей, разрешение конфликтов, обеспечение доступа для беднейших и слабейших слоев населения к основным благам, в частности к образованию. Появятся новые профессии и новый взгляд на работу; получать удовольствие от того, что отдаешь — вызываешь улыбку, передаешь, облегчаешь и утешаешь.

Вместе эти социальные организации сформируют экономику будущего, которая сегодня так же малозаметна, как был малозаметен капитализм в начале XIII века.

Институты гипердемократии

До середины XXI века гипердемократия должна проявиться на институциональном уровне. Все начнется с создания единых общемировых институтов, которые спасут человечество от ударов гиперимперии и волн гиперконфликта.

Не будем пытаться описать в деталях эти будущие структуры: еще слишком много времени до момента, когда придет их час. Успеет случиться немало потрясений, и появится множество новейших технологий. Слишком многое и абсолютно внезапно может повлиять на ход истории. Однако можно попытаться выделить их основные черты, руководствуясь историей прошлого.

Данные институты будут представлены совокупностью местных, национальных, континентальных и общемировых организаций, считающихся с мнением каждого человека.

Значительная часть человечества поселится в городах. Жителей сотни городов будет больше, чем сегодня населения сотни стран. Поэтому на развитие городской инфраструктуры пойдут огромные средства. Город станет местом коллективных инвестиций и главным сборщиком налогов. Именно в городе сконцентрируется политическая деятельность будущего. Градостроительство превратится в главную науку. Цифровая инфраструктура позволит городу стать местом встреч, обменов, жизни. Участливая и ассоциативная демократия объединит тех, кто живет и работает в городе, всех пользователей и людей, на чье будущее город влияет тем или иным образом. В кварталах установится самоуправление.

Чтобы противостоять рынку, государства должны будут сконцентрироваться на нескольких сферах: безопасность, общественное спокойствие, свобода, защита языка, всеобщий доступ — для постоянных и временных жителей — к медицинским и образовательным услугам, обеспечение образовательного минимума. Государства, как и города, смогут получать международные субсидии. Границы исчезнут. Каждый житель будет участником множества объединений, защищать свое, не разрушая соседское. Постепенно страны заживут мирно. Появятся новые формы демократического

контроля; независимые рейтинговые агентства с помощью новых мобильных технологий и гипернаблюдения будут осуществлять постоянный мониторинг за работой избранников народа.

Все континенты и субконтиненты объединят свои рыночные демократии в союзы по примеру ЕС. Союз будет отвечать за валютную политику, прозрачность рынков, выравнивание социальных условий, защиту окружающей среды, внутреннюю безопасность, соцобеспечение, здравоохранение, образование, иммиграцию, внешнюю политику и защиту общего пространства. В рамках каждого континентального союза сформируется парламент и континентальное правительство. Кроме того, появится специальная инстанция по разрешению межнациональных и межгосударственных конфликтов. На Ближнем Востоке в региональный союз объединятся все государства от Палестины до Израиля. Авангард гипердемократии — Европейский союз — превратится в единое государство новейшего типа, чьи границы будут простираться вплоть до Турции и России. Здесь лучше всего соблюдается баланс между рынком и демократией. Именно в Европе начнет победное шествие гипердемократия.

На международном уровне должны быть и будут созданы новые институты как продолжение уже существующих. Основой станет ООН, роль планетарной конституции сыграет дополненный и расширенный Устав ООН. Конституция приобретет наднациональный характер. В ее преамбуле будут перечислены все права и обязанности по отношению к природе, другим людям и жизни; также в нее войдут новые права, не предусмотренные действующим Уставом, например будет регламентировано основополагающее право на детство, которое подразумевает родительский долг. Другие права и обязанности будут касаться охраны жизни, природы и многообразия, определят границы рынка, за которые ему нельзя переступать.

Генеральная Ассамблея ООН будет опираться на поддержку двух палат — палаты, представляющей каждую страну-участницу равным количеством депутатов, и палаты, куда войдут торговые и социальные организации. Планетарный парламент установит всемирные налоги, исходя из ВВП каждой страны, ее затрат на вооружение и выбросов парникового газа.

Совет безопасности ООН объединится с «Большой восьмеркой». К нему присоединятся Индия, Бразилия и Индонезия, в его состав

войдут представители всех континентальных союзов. Совбез будет контролировать мировое правительство, которое сформируется вокруг генерального секретаря и сконцентрирует свое внимание на защите человечества, будет диктовать общественные нормы, постепенно вводя новые законы по всему миру и на всех предприятиях. Каждый будет должен считаться с мнением планетарного правительства. Оно заставит каждого выполнять его указания.

Международные финансовые организации, такие как Всемирная торговая организация и Международная организация труда, сразу же перейдут под его руководство, им больше не придется подчиняться политике богатых стран. Мировое правительство начнет борьбу с мафией, наркоторговлей, сексуальной эксплуатацией и рабством, климатическими изменениями и выбросами, терроризмом, используя нанороботов и других патогенных саморепликаторов, уничтожающих биомассу. В его руках будет «голубая слизь» (нанооружие), которая должна победить «серую слизь». Специально созданная всемирная организация помощи и безопасности, оснащенная по последнему слову техники, будет защищать окружающую среду и бороться с пиратами.

Постепенно на основе государственных служб гиперимперии и «отношенческих предприятий» сформируются абсолютно новые органы контроля, обороны и управления: Мировой уголовный трибунал будет следить за согласованностью судебных систем на континентах и судить главных пиратов; Всемирное агентство по охране водных ресурсов обеспечит их доступность; универсальный орган управления рынком проконтролирует монополии и соблюдение трудового законодательства. Кто-то будет следить за качеством потребительских товаров, прежде всего продуктов питания, кто-то — за деятельностью крупных страховых компаний, других государственных органов и стратегических корпораций, также будут органы по борьбе с теневой экономикой и защите интеллектуальной и материальной собственности.

Центральный банк обеспечит стабильность основных валют, а затем введет универсальную валюту; из международного финансового сообщества будут исключены все учреждения, которые занимаются отмыванием наркоденег. Мировой банк развития начнет финансировать строительство инфраструктуры в городах и странах,

соблюдающих мировую конституцию; он окажет помощь государствам, чья экономика зиждется на организованной преступности и наркоторговле, в борьбе с пиратами. Специальное учреждение займется социальными предприятиями и их проверкой на принадлежность к пиратским и террористическим организациям. В компетенцию другого планетарного органа войдет развитие сферы микрофинансирования.

Штаб-квартиры этих учреждений будут рассредоточены по миру, хотя ранее я упоминал Иерусалим в качестве потенциального центра, который может собрать главные офисы всех общемировых организаций. Возможно, они будут такими же кочевыми и мобильными, как сама гиперимперия, которую им предстоит перевернуть наизнанку.

Место рынка в гипердемократии

Рынок и демократия постепенно достигнут планетарного равновесия. С одной стороны, институты гипердемократии, запустив строительные работы по созданию городской, энергетической и цифровой инфраструктур по всему миру, позволят рынку эффективно функционировать и избегать неполной загрузки производственных мощностей. С другой — контроль над глобальным рынком со стороны органов гипердемократии поможет избавиться от настойчивых поползновений рынка на святилище демократии. Рынок, в свою очередь, будет заинтересован в создании «продукции на службе демократии» — технологий для борьбы с загрязнением окружающей среды и ожирением, технологий помощи беднейшим слоям населения. Новейшие технологии дадут людям достаточно энергоресурсов и воды, окружающая среда будет находиться под охраной, климат — в равновесии; архитекторы и урбанисты построят города, приспособленные для жизни; творческие люди поймут, что нужно защищать и приумножать красоту мира.

В банковской сфере будет лидировать микрокредитование; торговые социальные организации (их главная цель — получение прибыли, а конечный продукт — отношения) займутся предоставлением услуг в областях от здравоохранения до образования, развлечения и обслуживания на дому (присмотр за детьми, помощь нуждающимся). Рынки переориентируют технический прогресс на здравоохранение, образование и охрану окружающей среды. Станет больше цениться время «прожитое», нежели «сохраненное», услуги, а не промышленные товары. Записанные концерты станут транслировать бесплатно, а живые выступления — за деньги. Кинотеатры тоже станут бесплатными, а киноманы будут платить за то, чтобы увидеть любимые фильмы в театральной постановке. Музыкальные файлы будут распространяться безвозмездно, а меломаны оплатят билеты на концерты. Книги и журналы станут бесплатными, но читателей попросят внести плату за присутствие издателей и авторов на конференциях и обсуждениях. Принцип безвозмездности затронет все сферы жизни.

«Отношенческая» и рыночная экономики будут заинтересованы во взаимном успехе: «отношенческой» экономике нужен максимально эффективный рынок, а эффективность рынка зависит от социального климата. Крупные рыночные корпорации оценят с точки зрения их пользы для общественности и участия в социальных отношениях.

Коллективные результаты гипердемократии: общее благо как путь к универсальному разуму

Гипердемократия создаст общее благо, которое породит коллективный разум.

Общечеловеческое благо — конечная коллективная цель гипердемократии — заключается не в величии, не в богатстве и даже не в счастье, а в защите и охране того, что делает наш мир пригодным для жизни: климата, воздуха, воды, свободы, демократии, культур, языков, знаний. Работа во имя общего блага будет похожа на сохранение библиотеки или природного парка; требуется передать их следующим поколениям обогащенными и облагороженными, не нанеся ущерба. Так, Намибия сохраняет свою фауну, Франция — леса, а некоторые народы защищают собственную культуру. Такой должна стать расширенная концепция всеобщего блага — ни рыночного, ни государственного, ни межнационального, но наднационального. Интеллектуальным измерением общего блага станет универсальный разум как свойство всего рода человеческого. Его следует отличать от суммы интеллектуальных показателей отдельных людей.

Коллективный разум группы людей не есть совокупность знаний всех ее членов и не сумма их умственных способностей, а возможность каждого индивида мыслить по-своему и отличаться от других. Например, биологическая нейронная сеть превращается в машину для обучения; телефонная сеть выполняет функции, отличные от функций всех узлов связи; компьютер «думает» не так, как все его микропроцессоры; город — не только совокупность обитателей, а нечто иное; оркестр — не только сами оркестранты; спектакль — не только роли, которые актеры играют на сцене; результаты исследования значат больше, чем вклад каждого исследователя. Коллективный разум — это итог межличностных отношений, которые необходимы, чтобы создавать нечто новое.

Человечество рождает коллективный разум, отличный от совокупности умственных способностей каждой личности, от группового и национального сознания.

Конечная цель универсального разума не утилитарна. Его невозможно постичь, доступ к нему будет бесплатным. Бесчисленные кооперативные сети планетарного масштаба позволят создать универсальный сборник знаний и произведений искусств, превосходящий все знания и произведения искусства, которые он будет содержать. Такой универсальный разум существовал всегда, но в зачаточном состоянии. Именно благодаря ему человечество, постепенно адаптируясь, выжило. Сегодня, используя новейшие технологии, он развивается все динамичнее. У людей сложится новое отношение к интеллектуальной собственности, которая отныне должна стать доступной всему человечеству, поскольку она необходима для активизации креативности всех членов общества.

Свободное программное обеспечение способствует развитию универсального коллективного разума. Как и в случае с сайтом «Википедия», который, по сути, является сводом точек зрения его авторов, мы увидим (уже можем наблюдать) создание коллективного результата совместными усилиями. И этот результат будет отличаться от того, что каждый участник хотел достичь.

Универсальный коллективный разум обладает коллективной памятью, хранящей и аккумулирующей знания. Он будет жив, пока живет человечество. В его распоряжении появятся средства для защиты всеобщего блага.

Универсальный разум породит гиперразум, который будет действовать как функция своих собственных интересов, отличающихся от интересов наличного поколения людей. Высшей точкой эволюции станет живой гиперразум, для которого человечество будет уже лишь незначительной составляющей и который начнет действовать независимо от интересов собственно рода людского.

На этом закончится история Homo sapiens sapiens как типа. Он не сгинет под двумя разрушительными волнами будущего, но преодолеет сам себя.

Частные последствия гипердемократии: основные блага как путь к человеческому досугу

Для гипердемократии будут существовать не только коллективные цели. Также она позволит любому человеку достичь личных целей, например получить доступ к основным благам и, в частности, к досугу.

Я называю основными благами те блага, к которым должен иметь доступ каждый человек, чтобы вести достойную жизнь и участвовать в создании всеобщего блага. Это образование, жилье, пища, медицинское обслуживание, работа, вода, воздух, безопасность, свобода, равенство, чувство собственного достоинства, инфраструктура, детство, уважение; право на выбор места жительства, на сострадание и одиночество, на страсть и искренность, на присутствие близких и родственников в последние дни жизни.

Жестокие унизительные наказания и тюремные заключения перестанут практиковаться.

Главным среди основных благ будет досуг. Это время, которое человек уделяет только себе. У всех появится возможность преуспеть, раскрыть свои таланты, даже те, о которых люди не догадываются. «Хорошо проводить время» — это значит прожить свободную, долгую и красивую жизнь, а не только извлекать прибыль, как при торговом строе.

Оба направления гипердемократии — индивидуальное и коллективное — будут подпитывать друг друга: чем больше и лучше человек отдыхает, тем совершеннее универсальный разум. В свою очередь, универсальный разум создаст условия для того, чтобы отдых был у каждого. Гипердемократия сможет существовать только в обществе людей, которые имеют доступ к основным благам.

Чем больше людей получат этот доступ, тем лучше для всеобщего блага человечества. Как, например, научно-исследовательский центр заинтересован в открытиях своих ученых, носители языка желают, чтобы на их языке говорило больше людей, а семья хочет, чтобы ее члены были счастливы, так и каждый отдельный человек будет

заинтересован в том, чтобы у других появилось все для достойной и свободной жизни, все были здоровы и получили хорошее образование. Человечество сосредоточит внимание на счастье отдельно взятого человека, альтруизм станет всеобщим увлечением. Трансчеловек будет благоразумным.

Злоупотребления гипердемократией

В течение многих десятилетий гиперимперия будет стремиться помешать рождению гипердемократии. Хозяева рынка, в большинстве своем представленные гиперкочевниками, попытаются подорвать ее ценности, помешать созданию новых институтов, уничтожить участников. Они будут вербовать союзников среди представителей трансчеловечества. Гиперкочевников начнут запугивать, подкупать, заставлять изменить свою точку зрения. Затем, почувствовав силу грядущей волны, они попытаются коммерциализировать «социальную мобильную продукцию»: появятся сопровождающие роботы, виртуальные братства, 3D-игровые симуляторы альтруизма, симулятивно справедливая торговля. Будут торговать по-своему понимаемым досугом: отпускным временем и временем, которое «производят» и массово «выпускают» мобильные объекты. Гиперкочевники выведут на рынок «самонаблюдатчики», которые будут измерять социальные возможности. Они изобретут «социальные протезы», затем клонов, «искусственных братьев», которые обеспечат каждому человеку запас органов: для клона будет «счастьем» помочь прототипу выжить.

Кроме того, лидеры религиозных движений, гуру попробуют использовать в своих целях (уже это делают) принципы гипердемократии. Они учредят коммерческие фонды, используя такие понятия, как милосердие, безвозмездность, братство, универсальный разум, досуг, общее благо.

Ученые будут настаивать на том, что неспособность наполнить собственное время смыслом и быть альтруистом — своего рода болезнь, которую можно вылечить, прибегнув к генетическим манипуляциям и новейшим лекарствам.

Наконец, политики будут стремиться к созданию более или менее планетарных масштабов диктатуры, в условиях которой родится «новый человек», достойный жить в гипердемократии. Они постараются доказать, что однажды они смогут сами создать людей, лишенных желания обладать, копить, тратить, завидовать; счастливых от возможности делать счастливыми других людей;

запрограммированных любить; лишенных эгоистических желаний. По всей видимости, они будут уничтожать всех, кто по классовым, религиозным или другим причинам недостоин войти в ряды новой элиты.

Мне хочется верить, что еще до конца XXI века, несмотря на массу препятствий и бедствий, гиперимперия сама подтолкнет людей задуматься о мировом единстве без уничтожения себе подобных. Хочется надеяться, что угроза гипернасилия заставит человечество кардинально изменить взгляд на жизнь и отношения. Я убежден: представители трансчеловечества будут многочисленны и достаточно организованны, чтобы сдержать третью волну будущего и предотвратить четвертую.

Я хочу верить, что срок жизни диктатур — пародий на гипердемократию будет еще короче, чем срок жизни социалистических диктатур. Что религии примирятся и начнут дополнять друг друга.

Я хочу верить, что ужасы грядущего, о которых я говорю в этой книге, заставят людей задуматься, и они не станут реальностью.

Произойдет еще много событий — лучше и хуже тех, что описаны. Красота защитит затухающую искру человечества. Люди создадут новые произведения искусства. Возникнут новые понятия и новые песни. И конечно, мы будем любить.

Глава 8. А что же Франция?

После прочтения этих глав напрашиваются вопросы, ответы на которые определяют будущее не только Франции, но и любой другой страны: как ей живется в девятой форме торгового строя? Как она готовится к новому этапу становления американской империи, полицентрическому порядку, гипернаблюдению, гиперимперии, гиперконфликту? Не сгинет ли под градом пяти волн будущего? Сможет ли возглавить движение за свободу и тем самым стать авангардом гипердемократии? Выживет ли она? Какое место займет в планетарной демократии?

Посмотрев вокруг и оглянувшись назад, можно с легкостью ответить на эти вопросы.

Дела у Франции идут плохо. Экономика нестабильна, социальная обстановка напряженная, финансовое положение крайне плачевное, международное влияние ослабло.

Тем не менее завтра кандидаты на выборах, пренебрегая историей будущего, предложат программы дополнительных расходов и сокращения налогов, обещая долгосрочный экономический рост и конец безработицы. Налицо разрыв с прошлым. Всегда было и будет столько причин, чтобы ничего не делать!

До тех пор пока будущее, чьим голосом является рынок и демократия, не начнет мстить. Под видом Европейского центрального банка и Европейской комиссии. Вылившись в ужасающие демонстрации на улицах французских городов или проголосовав большинством за крайности. В этом пестром карнавале будущее примерит все маски.

В динамичном мире будущего, сотрясаемого полицентрическим строем, Франция переместится с позиции середины на периферию. И, в конце концов, как все другие государства, сгинет под гнетом гиперимперии или в столкновениях гиперконфликта. Тогда будет поздно спрашивать, почему так вышло.

Многое из названного предсказуемо и преодолимо — если научиться извлекать уроки из прошлого, понять, что нас ждет в ближайшие 50 лет, и наметить программу действий. Только в этом

случае Франция сможет устоять под натиском пяти волн будущего, сохранить свое положение в условиях гипердемократии и стать примером для подражания.

Краткая история будущего Франции

В течение истории рыночного строя у Франции было несколько шансов (а именно три) стать лидирующим государством Европы и центром рыночного строя: в XVII, XVIII и XIX веках. Но по трем причинам ей так и не удалось их реализовать.

Во-первых, Франция всегда уделяла огромное внимание развитию сельского хозяйства, пищевой отрасли, доходам от земельной ренты и бюрократической системе в ущерб промышленности, производственной прибыли, мобильности и технологическим инновациям. Страна всегда жила воспоминаниями о прекрасном прошлом, подчиняясь сильнейшему и уважая бюрократические сословия. Она по сей день выделяет многомиллиардные субсидии на развитие сельского хозяйства, устаревших отраслей промышленности и услуг.

Землевладельческое прошлое считается благородным, а самостоятельно заработанные состояния — подозрительными.

Во-вторых, Франция никогда не была морской державой, не обладала сильным военным и торговым флотом. Она не уделяла должного внимания развитию портов Нормандии и Бретани, плодородные сельскохозяйственные земли которых, тянущиеся вдоль Сены до самого Парижа, смогли бы превратить Париж в центр атлантической торговли. Также Франция не обеспечила крупный прованский порт Марсель сельскохозяйственным тылом, который был необходим для становления торгового центра Средиземноморья. Гавр, первый французский порт, сегодня всего лишь девятый в мире. Оседлая Франция не готова к возвращению кочевничества.

Наконец, в-третьих, Франция не умеет принимать и создавать креативный класс: у нее никогда не было достаточно моряков, инженеров, исследователей, предпринимателей, торговцев, промышленников. Она привечает не ученых, финансистов и основателей предприятий, а теоретиков, артистов, спонсируемых правительством, и администраторов, которые управляли, но не брали на себя риски. Филипп Красивый, Ришелье, Мазарини, Кольбер, Наполеон, Пуанкаре, Пине и множество других увековечили

обманчивую славу Франции, с упорством пользуясь методами, которые устарели еще в Брюгге и Генуе XIII века.

Франция никогда не была центром, потому что не желала принимать законы будущего.

Грядущее Франции зависит от того, будет ли она соблюдать законы и правила, сулящие успех: нужно создать «отношенческую» социальную среду и запустить свободный креативный процесс, построить крупный порт и финансовый центр, обеспечить равный доступ всех граждан к новым знаниям, развивать технологии будущего, разработать геополитику и заключить необходимые союзы.

Франция еще может засиять в полицентрическом порядке. Страна сильна: ее население составляет 1 % от общемирового, а доля в мировом ВВП превышает 3 %. Франция — первое в мире туристическое направление; вторая по объему предоставляемых услуг, экспорту сельскохозяйственной и продовольственной продукции и иностранным инвестициям; шестая экономика в мире (четвертый экспортер и пятый импортер); пятый промышленный производитель. Во Франции один из самых высоких показателей эффективности (в расчете на час работы), а объем производства с 1970-х годов увеличился вдвое. Ее дорожная, аэропортовая, гостиничная и телекоммуникационная инфраструктура считается одной из лучших в мире. Она обладает самой эффективной системой социального страхования и трудового права: ни гражданину, ни иностранцу не может быть отказано в предоставлении образования и медицинской помощи. В 2009 году Франция потратила 12 млрд евро на социальные выплаты неимущим; 6 млн людей воспользовались услугами социального страхования, не заплатив взносы; около 13 млрд живут в социальных квартирах (HLM). Продолжительность жизни во Франции увеличивается быстрыми темпами (на протяжении 20 лет — на три месяца ежегодно), а уровень рождаемости остается одним из самых высоких в Европе; следовательно, население медленнее стареет. Граждане аккумулируют сбережения, значительная часть которых остается внутри страны. Благодаря атомной энергетике Франция обладает энергетической независимостью, чем могут похвастаться очень немногие государства.

Во Франции находятся крупнейшие мировые корпорации в ключевых сферах будущего: атомные, нефтяные, газовые,

авиационные, фармацевтические, страховые, продовольственные, туристические, эстетические, люксовые, водоочистительные.

Несмотря на высокие налоги немногие уезжают из страны: уровень эмиграции французских выпускников намного ниже, чем в других развитых странах (ситуация лучше только в США, Южной Корее, Японии, Австралии и Испании). Проживающие за границей французы эффективны и предприимчивы, чаще всего работают на французские предприятия. Французские неправительственные организации самые влиятельные в мире. Французский язык остается вторым языком в мире (по крайней мере, в геополитическом отношении): около 250 млн человек говорят на французском (в качестве родного или второго языка); жители 53 государств знают французский, а 29 стран используют этот язык в качестве официального (против 59 и 50 стран, знающих и использующих английский соответственно). Французский — язык управления, обучения, судебных разбирательств, СМИ, торговли, бизнеса и армии в 52 странах.

Франция обладает третьей по размеру киноиндустрией в мире и является одним из лидеров по количеству издаваемых книг на душу населения.

Оптимисты уверены, что грядущие события не могут угрожать счастью Франции: страна очень богата; социальный климат защитит ее от всех волн будущего. Она овладеет технологиями наблюдения и кочевой мобильности; в прошлом ей приходилось бывать и в худшем положении, чем сегодня. Оптимисты считают, что идея упадка — банальная одержимость, завладевшая французскими умами еще в XVIII веке, подпитываемая ревностью к элитам, которые каждый мечтает обезглавить и в ряды которых мечтает проникнуть.

Тем не менее упадок налицо, если сравнить французские показатели с показателями и прогнозами на будущее других развитых стран.

Население Франции работает меньше всех: из 63,4 млн французских жителей работают всего лишь 27,5 млн; годовая продолжительность рабочего времени составляет 1546 часов и является самым низким показателем в мире после Германии (1437 часов), в то время как в США и Японии эта цифра — 1899 часов. Каждый год японцы работают на 13 недель больше, чем французы.

Производительность труда во Франции падает с 2000 года: французы, производящие за рабочий час на 5 % больше, чем американцы, за свою трудовую жизнь выпускают на 35 % меньше.

Французская продукция не выдерживает мировой конкуренции: с 2000 года Франция потеряла значительную долю на мировом рынке; многие французские предприятия производят продукцию развивающихся стран по цене товаров из развитых. Практически все крупные, недавно приватизированные корпорации — от промышленных предприятий до страховых компаний — исчезли или были проданы иностранным владельцам. В стране практически не производят номадические товары. Франция мало подготовлена к грядущему гипернаблюдению. Из-за того, что она не может уравновесить расходы инновационным или качественным превосходством, многие французские предприятия перемещаются в другие страны, что вызывает всплеск безработицы и влияет на зарплату. Ценовой прессинг, инициированный потребителями, мешает трудящимся. Дефицит торгового баланса Франции достиг таких показателей, которых страна не знала даже в свои самые худшие времена. Снижающееся с 2004 года внешнеторговое сальдо ушло в минус, а в 2009 году превысило 0,5 % ВВП.

Несмотря на то что многие элитные высшие школы и университеты создают иллюзию успешности, только 12 % французского населения имеют дипломы о высшем образовании; даже Венгрия и Южная Корея обладают лучшими показателями, землевладельческое прошлое дает о себе знать: жизнь человека предопределена его образованием, а оно, в свою очередь, зависит от среды и происхождения. Расходы на одного студента мизерные, меньше расходов на одного лицеиста. При этом Франция всегда боялась своих университетов, а с 1968 года страх усилился: в будущем страна поплатится за ощущение мнимого контроля. Университеты делятся на множество фальшивых высших школ. В мировом рейтинге, который каждый год составляют в Китае, первый французский университет занимает 48-е место; 35 % французского населения в возрасте от 25 до 64 лет даже не окончили вторую ступень средней школы (для сравнения: в Германии — 27 %, в Японии и Великобритании — 16 %, в США — 13 %). Малочисленность креативного класса, особенно нехватка ученых, уже вызывает

беспокойство: в США и Японии они составляют 0,9 % экономически активного населения (из них 83 % работают в частном секторе), а во Франции — всего 0,6 % (только 40 % — в частном секторе). Единицы работают над объектами будущего: нанотехнологиями, новыми материалами, цифровой инфраструктурой, экологическими технологиями, В 700 крупнейших мировых корпораций, инвестирующих более 35 млн долларов в проведение исследований, входят 300 американских предприятий, 154 японских, 54 немецких, 41 английское и только 36 французских. Прямое следствие — Франция имеет в два раза меньше промышленных патентов, чем Германия и Швеция.

Во Франции один из самых низких показателей занятости по отношению к общей численности трудоспособного населения; экономический рост создает мало рабочих мест: менее 10 тысяч на 1 % прироста. В стране не развивается малоприбыльная деятельность типа садоводческих служб США или служб нянь в Дании. На протяжении 20 лет даже в периоды значительного экономического роста уровень безработицы не опускался ниже отметки 7 %. И это данные официальной статистики, реально безработных вдвое больше. Более половины работников не достигают пенсионного возраста и уходят на пенсию раньше времени, оказавшись безработными или получив инвалидность. Несмотря на то что уровень безработицы немного снижается наряду с замедлением демографического роста, она довольно продолжительная: канадский служащий в среднем остается без работы четыре месяца, а французскому нужно 16 месяцев, чтобы найти новое место. Каждый четвертый не достигший 25-летнего возраста гражданин Франции не имеет работы; почти половина молодежи, среди которой есть дипломированные специалисты, — безработные.

Все больше людей уходят на пенсию, что в 2005 году уменьшило уровень безработицы на 63 тысячи человек, зато чистый приток на рынке труда (баланс между прибывшими и вышедшими на пенсию) сильно уменьшился — со 108 тысяч в 2004 году до 45 804 в сентябре 2008-го.

Французское общество основано на неравенстве: богатые люди обладают поистине фантастическими состояниями, а средний класс перестал быть отправной точкой для продвижения вверх по

социальной лестнице, как это было, например, в 1950 году. 7,9 млн человек живут за чертой бедности, среди них примерно миллион заняты на временных работах. Почти миллион французов живут на минимальный реабилитационный доход. Беднейшие слои населения проживают в гетто. 15 % школьников не могут окончить начальную школу, а в неблагополучных районах эту цифру нужно удвоить или даже утроить; 60 тысяч человек, в большинстве своем — выходцы из таких районов, ежегодно выпускаются, не получив квалификации. Начиная с 1982 года колледжам социальных районов, приоритетных для системы образования, должны предоставляться расширенные образовательные ресурсы, но в реальности там общественные затраты на одного ученика на треть ниже средних общеобразовательных расходов. Франции не хватает 1,5 млн единиц жилья, половина которого представлена социальным жильем.

«Землевладельческий принцип» действует повсюду: в состояниях, заработанных с земельной ренты, на рынке недвижимости, в назначении на ответственные посты элит, в размере государства. За 20 лет государственный аппарат увеличился на миллион чиновников; половина трудоспособного населения занята в государственном секторе и пользуется привилегиями; 200 тысяч служащих по-прежнему собирают налоги при оказании услуг электронного правительства. Государственные затраты и налоги растут быстрее, чем уровень производства. Например, единый социальный налог за 10 лет вырос в четыре раза. На протяжении 15 лет бюджетный дефицит превышает 3 % ВВП.

Как следствие, государственный долг, составлявший 35 % ВВП в 1991 году, вырос до 58 % в 2002-м, до 67 % — в 2006-м, за первый триместр 2008 года достиг 65,3 %, а на конец 2009 года составил 80 %. То есть каждый новорожденный начинает жизнь в роли французского гражданина с личным долгом почти в 20 тысяч евро. В действительности государственный долг намного больше, его следует удвоить, прибавив забалансовые обязательства, например пенсию, которую государство и госорганы должны платить бывшим сотрудникам.

Вес внешнего долга длительное время был незначительным: в 1970-е годы темпы роста ВВП были выше процентной ставки и бюджетный дефицит его не утяжелял. Несмотря на увеличение объема,

вес оставался стабильным благодаря снижению процентной ставки: в 1995 году обслуживание внешнего долга составляло 3,8 % ВВП. В 2006 году внешний долг был равен 3 % ВВП, или 15 % государственного бюджета, что равняется сумме подоходного налога. К тому же французский внешний долг меньше накоплений французов, которые по большей части находятся на предприятиях страны. Благодаря евро мы не чувствуем веса этой задолженности: без него с таким внешним дефицитом и задолженностью франк бы уже давно девальвировался.

Экономические трудности влияют на нашу социальную и культурную политику, которой не хватает финансов. Нет у Франции средств и на модернизацию военных сил, дипломатического корпуса. Страна поставила всё на карту ядерного сдерживания, чтобы защититься от участников Варшавского договора и создать единую европейскую рыночную демократию. Сегодня СССР не существует, а строительство единой Европы приостановлено и надолго. У Франции больше нет ни планов относительно ЕС, ни средств для защиты от надвигающихся опасностей. Оборонный бюджет Франции всего лишь десятый в мире, и он в значительной степени тратится на устаревшие истребители модели «Рафаль», неинтересные иностранным покупателям. Мы еще не решили, какую позицию занять между напирающей Америкой, опасными средиземноморскими государствами, набирающей обороты Россией, конкурирующими Китаем и Индией, обнищавшей Африкой, процветающей теневой экономикой, многочисленными агрессивно настроенными пиратами и преступными организациями. А французский бюджет на создание опытно-конструкторских разработок только восемнадцатый в мире. Французский язык является родным только во Франции, валлонской Бельгии, французской части Швейцарии, французской канадской провинции Квебек и в некоторых регионах Африки; по частоте использования при реальном общении он отстает от английского, китайского, хинди, испанского и даже португальского, а в Интернете занимает лишь шестую позицию по распространенности.

Если упадок американской империи только намечается, упадок французского государства уже происходит.

Упадок Франции

Можно говорить об относительном упадке: на протяжении многих лет благосостояние Франции росло медленнее и меньше, чем во всем мире. Мировой экономический рост превышает 4 %, а Франция с трудом достигает 2 %. Так же обстоят дела с приростом ВВП на душу населения: с 2002 года он лишь замедляется, достигая ежегодной отметки в 0,9 % по сравнению с 2,4 % в США и 2,8 % в остальном мире. Уровень безработицы, который постепенно идет на спад, почти в два раза выше, чем в других европейских странах. Франция, которая еще в 1980 году была четвертым государством в мире по объему ВВП и восьмым по ВВП на душу населения, сегодня восьмая и семнадцатая соответственно. Семнадцатая!

В ближайшие 50 лет стране предстоит пройти через все перипетии, описанные в предыдущих главах. Как и других, ее захлестнет волна гипернаблюдения, самонаблюдения и многое другое. Но будет и своя специфика.

Если сегодняшние тенденции сохранятся, то к 2050 году во Франции станет 70 млн жителей; с 2045 года ее население будет расти только за счет иммиграции. Обстановка в стране изменится: основное население сконцентрируется на оси Лион — Марсель. По южной оси от Тулузы до Монпелье будет проживать много иностранцев, причем это будет очень разношерстная публика. Средних размеров города начнут очень быстро расти.

Через 10 лет, когда американская империя достигнет апогея, уровень жизни французов составит лишь 60 % от американского; по этому показателю Францию превзойдут многие из 11 стран-лидеров. Из-за слишком высокой задолженности политическая власть не сможет убедить народ в том, что все хорошо.

Упадок приобретет всеобщий характер.

Во Франции, как и во многих других странах, факт старения населения повлияет на уровень жизни. К 2025 году Франция все еще будет молодой страной, по сравнению с ближними и дальними соседями: она потеряет только 3 % молодежи в возрасте 15–24 лет (Германия за тот же период лишится 25 % в данной возрастной

группе). Но если население Франции продолжит работать так же мало, как сегодня, численность экономически активного населения снизится: в 2010 году каждый четвертый трудоспособный гражданин был в возрасте до пятидесяти лет, а сегодня — лишь каждый пятый. В 2009 году во Франции насчитывалось 12,6 млн человек старше 60 лет, к 2050 году таких станет 25 млн. До 2025 года соотношение 20-59-летних понизится с 54 % до 46 %, но в целом их численность уменьшится незначительно (с 33 млн в 2006 году до 32 млн сейчас). Каждый третий житель будет старше 60 лет. Численность лиц, не достигших 20-летнего возраста, останется чуть более 15 млн (как сегодня), а процентное соотношение лиц, не достигших 20-летнего возраста, и общей численности населения упадет с сегодняшних 25 % до 22 %. Лиц в возрасте 20–59 лет — немного меньше, достигнув к 2034 году цифры в 32,2 млн, а затем и вовсе «застынет» (к 2050 году — те же 32,3 млн).

Численность трудоспособного населения уменьшается, а экономический рост Франции зависит исключительно от увеличения уровня производительности, который весьма нестабилен.

Факт старения населения замаскирует безработицу (около 6 млн уйдут на пенсию до 2020 года), но снизит максимально возможный экономический рост с сегодняшних 2 % до 1 % в будущем. Диспропорция между работающим и неработающим населением ухудшится: коэффициент демографической нагрузки, который показывает соотношение численности людей, находящихся на пенсии, и численности работоспособного населения, достигнет одного работника, в то время как в 1980-х годах на одного пенсионера приходилось четыре работающих, а в 1945 году — пятнадцать. К 2030 году население в возрасте 60 лет будет представлять две трети в возрастной категории 20–60 лет по сравнению с одной третью сегодня, К 2050 году в группу «60+» войдут 80 человек из ста.

Чтобы выплачивать пенсии, нужно либо увеличить пенсионный возраст, либо удвоить налог на прибыль вплоть до 2020 года, либо в два раза увеличить НДС до 2040 года, либо ежегодно принимать в страну 500 тысяч иммигрантов. Либо просто надеяться, что уровень рождаемости взлетит вверх так же быстро, как упал.

В будущем трудящиеся бросят своих пенсионеров (которые на сегодняшний момент сами являются трудящимися) на произвол

судьбы и откажутся финансировать пенсионные выплаты. Современное работающее население станет первой жертвой упадка, которого не сумело избежать.

И не единственной: налогоплательщикам тоже придется несладко. Если ничего не предпринять для уменьшения бюджетного дефицита и сдерживания процесса старения населения, к 2020 году государственный долг составит 130 % ВВП. К 2030 году годовые проценты по долговым обязательствам составят 120 млрд евро (против 40 млрд евро в 2006-м). Проще говоря, государственный долг увеличится в три раза и ляжет тяжким грузом на плечи налогоплательщиков. Налоги придется увеличить в три раза. Или все закончится инфляцией, что приведет к увеличению стоимости долга и опять же к повышению налогов.

Гиперкочевники станут более неуловимыми, виртуальные кочевники — беднее.

Во Франции, где традиции государственной службы все еще живы, все очень болезненно воспримут гипернаблюдение и самонаблюдение.

Возникнут новые опасности и угрозы: уязвимый государственный аппарат, шаткое положение среднего класса, старение элит, обострение неравенства, провал социальной интеграции меньшинств, потеря контроля над крупнейшими французскими корпорациями, усиление соперничества с Германией, террористические угрозы. Нравы изменятся так же быстро, как и в других странах.

Кризисы завтрашнего дня

Если Франция не предпримет никаких мер по борьбе с экономическим и финансовым кризисом, рыночный строй их усугубит. Влиятельные рейтинговые агентства, проанализировав прогнозы, подпортят имидж страны, и она будет вынуждена дороже платить за свои займы на международном финансовом рынке: увеличение процентной ставки только на 1 % повлечет за собой рост долгового и налогового бремени на 8 млрд (каждого).

ЕС и Центральный европейский банк, обеспокоенные падением евро, потребуют от Франции, чтобы она урезала общественные расходы и социальные выплаты, распродала активы. Это вызовет сильную рецессию, обострение безработицы, значительное ухудшение уровня жизни, отток из страны лучших специалистов — директоров предприятий, инженеров, студентов и исследователей. Будет очень трудно обеспечивать расходы на социальную политику (особенно на социальную интеграцию населения). Социальный кризис обострится. Одни предложат Франции выйти из зоны евро. Другие — вовсе покинуть Евросоюз и положить конец демократии. Найдутся и желающие изгнать иностранцев, даже лишить французского гражданства их детей.

Креативный класс переберется в другие страны, и инновационная активность снизится. Это повлечет за собой снижение производительности и, как следствие, — объема производства и прибыли, что еще сильнее осложнит выплату государственного долга. Будет труднее найти средства для модернизации городских инфраструктур, университетов, цифровых сетей, экономии энергоресурсов.

Французы, которые откажутся от привычной жизни, уедут жить к «хозяевам будущего». На ярком примере Франции можно будет проследить процесс дезинтеграции государства.

Трагедия разыграется через 15–20 лет, в то время когда в мире развернется кризис девятой рыночной формы, ужесточатся столкновения между нациями, наемниками и пиратами и три волны будущего столкнутся. Французское государство не сможет этому

противостоять. К 2025 году Пятая республика будет старше других режимов. Если Франция ничего не предпримет, ее настигнет необратимый процесс национальной дезинтеграции, и однажды она просто исчезнет с лица Земли, как до этого в вечность уходили другие великие нации.

Именно сейчас, ориентируясь на историю будущего, французы должны осознать свои ресурсы, угрозы и возможности. Чем больше времени пройдет, тем в меньшей степени политики смогут повлиять на происходящее. Еще можно избежать катастрофы и выпутаться из неприятной истории, запустив программу срочных мер вне зависимости от мнения политического большинства.

Я не собираюсь подробно говорить, какие именно реформы нужны, хочу лишь показать общее направление движения. Реформы должны складываться вокруг двух идей: дать будущему то, что мы у него взяли, и позволить стране получить от будущего лучшее.

Отдать будущему то, что у него взяли

Нынешнее поколение должно набраться смелости и подумать, что оно оставит потомкам. Эта педагогическая фаза очень важна для того, чтобы прийти к консенсусу о реформах.

Нужно выстроить бюджет так, чтобы он имел положительное сальдо, достаточное для покрытия долга. В частности, необходимо урезать государственные расходы (минимум на 10 % в год) и повысить налоги (на 5 % в год). Это осуществимо: в 2002 году Бразилия была признана неплатежеспособной, а к 2008 году ей удалось получить положительное сальдо бюджета в 4 % и избежать долговой ямы. Финансовый кризис все только ухудшит.

Нужно принять давно ожидаемые смелые и непопулярные меры: институциональную реформу, чтобы повысить эффективность институциональных образований; пресечь разбазаривание средств в администрации военной, социальной и фискальной сфер; значительно уменьшить субвенции на сельское хозяйство и устаревшие индустрии; начать использовать технологии кочевой мобильности на госслужбе; уменьшить число децентрализованных уровней.

Как только данная программа реформ будет запущена, Франция снова станет свободной. Она может провести и другие реформы, продиктованные историей будущего.

Позволить стране получать лучшее от будущего

Реформы, которые вытекают из истории будущего, рассказанной мной в предыдущих главах, можно распределить по семи направлениям (по степени важности).

Заниматься продвижением технологий будущего: нужно выделять значительные средства для проведения университетских и промышленных исследований в сфере новых материалов, экономии энергоресурсов, гибридных машин, водородных батарей, использования новых видов топлива, возобновляемых источников энергии, нанотехнологий, самонаблюдатчиков, кочевой мобильности и урбанизма.

Создать справедливое общество: нужно организовать справедливую мобильность кадров, удовлетворяющую всех соискателей; реформировать государственные службы, чтобы они в первую очередь помогали беднейшим слоям населения. Ради справедливости по отношению к будущим поколениям следует увеличить пенсионный возраст, по меньшей мере, на шесть лет для всех работников — за исключением тех, кто занят на вредном или опасном для жизни производстве (учитывая рост продолжительности жизни, это позволит работавшим в 2010 году иметь столько же пенсионных лет, как, например, тем, кто закончил работу в 1988 году). Надо учитывать продолжительность жизни при расчете отчислений и пенсий. Необходимо смириться с тем, что каждый год в страну приезжают сотни тысяч иммигрантов, и не только иностранцы с дипломом о высшем образовании. Чтобы преуспеть в их интеграции, следует разработать амбициозную школьную, культурную и городскую политику; поставить в приоритет строительство социального жилья; дать преимущественные права явным меньшинствам; ввести временную позитивную дискриминацию на семь лет и на то же время ограничить равенство мужчин и женщин (другая форма позитивной дискриминации).

Повысить эффективность рынка: нужно создать в стране обстановку кочевой мобильности, что подразумевает строительство

коммуникационных сетей — портов, железных дорог, аэропортов, оптоволоконных сетей, городских инфраструктур. Нужно бороться со всем, что может помешать мобильности населения (наркотики, алкоголь, ожирение); стимулировать стремление к работе, конкуренции, усилиям, любопытству, свободе, изменениям и всему новому; способствовать созданию и развитию новых предприятий, в частности в области здравоохранения и образования; понизить налоги на доходы и сбережения; поощрять зарабатывание денег своим трудом; развивать конкуренцию в сфере услуг; понизить входные барьеры в некоторые профессии; развивать технологическое лидерство; привлекать иностранные инвестиции, особенно в области кочевой мобильности, здравоохранения, образования и социальных предприятий; выделять из общей массы самых «инновационных» государственных служащих; уменьшить и упростить административную структуру, соединяя регионы и департаменты.

Способствовать развитию сфер, улучшающих благосостояние населения: создавать рабочие места в сфере туризма, люкс-индустрии, здравоохранения, логистики.

Создавать, привлекать и удерживать креативный класс: нужно удвоить расходы на одного студента, перегруппировать университеты, позволить им иметь независимое управление, поощрять их отношения с частным сектором; сделать так, чтобы социальная принадлежность больше не влияла ни на академические успехи, ни на доступ к ответственным должностям; преобразовать колледжи; учить студентов превращать свои знания в капитал; предоставлять второй и третий шанс тем, кто не смог закончить обучение или поступить в университет; ввести жесткую политику внутренней безопасности; повысить качество общественной и культурной жизни в регионах, оказывающих стимулирующее влияние на развитие экономики, чтобы привлекать туда элиты со всего мира. Продвижение городского, социального и промышленного дизайна будет ключевым фактором развития.

Укрепить влияние и суверенитет: нужно способствовать распространению во всем мире французского языка и защищать его в самой Франции; снабдить армию средствами наблюдения и быстрого реагирования; сосредоточиться на помощи странам, которые этого заслуживают, развитии демократических институций; разработать

четкую политику развития Восточной Европы и средиземноморских стран — регионов, от которых в ближайшие 50 лет будет зависеть безопасность Франции. Надо ограничить применение индивидуального транспорта и рационально использовать водные, морские ресурсы и энергоресурсы, перерабатывать отходы. Нельзя забывать и об атомной энергетике.

Способствовать рождению гипердемократии: Франция должна быть заинтересована в гипердемократии, которая защитит ее саму и ее ценности. Поэтому она должна инициировать создание институций всемирного управления, о котором я упоминал в предыдущей главе, говоря об объединении стран «Большой восьмерки» и Совета безопасности ООН. В рамках Европы Франция должна инициировать создание настоящего континентального правительства, обладающего политическими, военными и социальными полномочиями, а не как сегодня — лишь экономическими и монетарными. Франции необходимо дать понять своим соседям, что Европа может стать первым на планете местом согласия и мира. Французское государство должно оставить себе все полномочия, требуемые для социальной интеграции, продвижения языка, культуры, образования; нужно снизить налоги, ввести упрощенные налоговые режимы и оказывать финансовую поддержку социальным предприятиям всех видов (партии, профсоюзы, неправительственные организации, ассоциации, кооперативные сети (реальные и виртуальные), особенно в сфере образования и профилактических мероприятий). Необходимо развивать «демократию участия» на региональном уровне, используя технологии кочевой мобильности и гипернаблюдения; организовать реальные городские и виртуальные места встреч для тех, кто хочет быть полезным и кому есть чем поделиться, что предложить. «Демократия участия» создаст лояльных граждан. Именно благодаря им Франция сможет найти свое место под солнцем в истории будущего — на огромной строительной площадке, где каждый элемент является масштабной реформой в каждой стране.

Если руководители страны научатся понимать законы истории и проанализируют пять волн будущего, им удастся сделать так, чтобы можно было жить долго и счастливо, воплотить в реальность человеческий идеал, соединив чувство меры и амбиции, страсть и утонченность, оптимизм и дерзость.

На благо всего человечества.

Я благодарю всех читателей, которые захотят поделиться своими размышлениями, написав мне по адресу: j@attali.com.

---

notes

Примечания

1

Морское парусное транспортное судно. — Примеч. ред.

2

Я изобрел это выражение в 1985 году, задолго до того, как появились сами предметы. С тех пор оно успело пополнить словарный запас многих языков мира. — Примеч. автора.

3

Мирян (рел.). Здесь — неверующих. — Примеч. ред.

4

Международно-правовой термин, который с латинского буквально переводится «к месту» и означает «с этой целью», «по случаю». — Примем. ред.